АНДРЕ КЛО

ХАРУН АР-РАШИД
И ВРЕМЕНА «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ»

ЕВРАЗИЯ
CLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Благодаря сборнику арабских сказок «Тысяча и одна ночь» Харун ар-Рашид (763–809) стал едва ли не самым известным правителем мусульманского мира. Однако личность Харуна и реальные события, происходившие в его царствование, как правило, оставались в тени его сказочного прототипа. Книга французского востоковеда Андре Кло призвана показать читателям истинное лицо легендарного халифа. Если большинство читателей знает Харуна ар-Рашида как изнеженного и капризного государя, наслаждающегося жизнью в окружении наложниц и музыкантов в своем багдадском дворце, то реальность совсем иная: с самого детства Харун был вынужден бороться за жизнь и власть. Младший сын халифа Мутасима и йеменской рабыни, он с трудом уцелел в правление своего старшего брата. Став халифом, Харун столкнулся с множеством трудностей: в наследство от предков ему досталось неулаженные споры между потомками пророка Мухаммада, притязавшими на власть, религиозные распри между суннитами и шиитами. Огромную мусульманскую империю, населенную самыми разными народами, нелегко было удержать в повиновении. Но трудности лишь закалили характер Харуна: своим современникам он был известен прежде всего как удачливый военачальник, успешно воевавший с Византийской империей и железной рукой подавлявший внутренние мятежи. Халифу также пришлось лавировать среди хитросплетений дворцовых интриг: заподозрив в измене семейство Бармакидов, верой и правдой служившее ему с самого начала его правления, Харун без колебаний отправил его на эшафот. Впрочем, этот портрет был бы неполон, если бы автор биографии не вспомнил роль Харуна как покровителя искусства и науки. Именно этот халиф дал мощный толчок для культурного развития Багдада, который при нем стал самым густонаселенным городом мира. При Харуне столица халифата познала стремительный экономический рывок: купцы и мореходы посещали крупнейшие рынки Европы и Азии, превратив Багдад в экономический центр мира.

ANDRÉ CLOT

HAROUN AL-RACHID

et le temps des *Mille et Une Nuit*

Paris,
Fayard
1986

- Кло Андре
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III
  - ГЛАВА IV
  - ГЛАВА V
  - ГЛАВА VI
  - ГЛАВА VII
  - ГЛАВА VIII
  - ГЛАВА IX
  - ГЛАВА X
  - ПРИЛОЖЕНИЯ
    - 1. Мессианские движения
    - 2. Самарра
    - 3. Халифские охоты
    - 4. Харун ар-Рашид и Карл Великий
    - 5. Трапеза во времена Харуна ар-Рашида
  - ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕХИ
  - БИБЛИОГРАФИЯ
  - ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
  - УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ
  - ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103

- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143

Кло Андре

ХАРУН АР-РАШИД И ВРЕМЕНА «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ»

АНДРЕ КЛО

ХАРУН АР-РАШИД

И времена
«Тысячи и одной ночи»

Санкт-Петербург
2012

Таково было великолепие и богатство его правления,

что век тот нарекли «блаженным».

Масуди

ГЛАВА I

ВСАДНИКИ АЛЛАХА

Вера, насажденная пророком или проповедником истины, — вот единственное основание, на котором можно построить великую и могущественную империю.

Ибн Халдун

Восьмого июня 632 г. (13 рабия 1 г.) в Медине умер Мухаммед, незадолго до того впервые принявший участие в паломничестве в Мекку. Он не оставил после себя наследника мужского пола и не позаботился о том, чтобы назначить преемника. Арабы, незнакомые с идеей наследственной власти, вероятно, не приняли бы его сына, даже если бы он у него был. Началось противостояние между мединскими и мекканскими соратниками пророка. Кризис был преодолен благодаря мудрости Абу Ба-кра и Омара, двух самых близких пророку людей, а также потому, что Али, зятю и двоюродному брату Мухаммеда, в тот момент не удалось навязать себя в качестве преемника. Халифом, халифат ар-расул, «наместником посланника Божия», стал Абу Бакр. Это «избрание», состоявшееся на грани вооруженного столкновения между двумя первыми учениками Мухаммеда, было суровым предупреждением на будущее. Два года спустя Абу Бакр, ощущая приближение конца, сам назначил своим преемником Омара, и тот унаследовал власть, не встретив никакого противодействия.

Завоевательные походы

Абу Бакр первым бросил арабские племена на завоевание северных провинций Аравии. После него Омар, самый энергичный и блестящий из праведных[1] халифов, с быстротой молнии раздвинул границы территории, на которой шла проповедь ислама. В 634 г. византийцы понесли поражение при Аджнадайне, в Палестине. В следующем году был взят Дамаск, а победа при Ярмуке привела к падению всей Сирии. В 642 г. после битв при Кадисийе, в Месопотамии, и Нехавенде, в Иране,

рухнула империя Сасанидов. Завоевана была ее столица Ктесифон, а затем вся Западная и Центральная Персия и Месопотамия. Император Йездигерд III бежал в Хорасан. В 651 г. он был убит в Мерве. В 638 г. Омар завладел Иерусалимом, а через год — Эдессой. Египет продержался не намного дольше. Византийцы, сменившие Сасанидов в 628 г., были разбиты Амром ал-Асом, одним из самых блестящих арабских вождей, сначала при Гелиополисе, а затем при Вавилоне Египетском (вблизи современного Каира). В 646 г. была окончательно завоевана Александрия. Около 650 г. закончилась первая фаза арабских завоеваний. Вскоре они возобновились в восточном и западном направлениях, уже не встречая сопротивления.

Население империи василевса, раздираемой религиозными распрями, относилось к византийцам с ненавистью. Монофизиты, армяне и копты составляли настоящую церковь. Попытка насадить монофизитство вызвала недовольство православных и иноверных, негибких в вопросах вероучения. Евреи, которых указ императора Ираклия обязывал принять крещение, были в ярости, а изгнанные из империи несториане вынуждены были искать прибежище на землях Сасанидов. Подавляющее большинство населения без особых трудностей приняло новых хозяев, тем более что они уменьшили его налоговое бремя. Что касается Сасанидской империи, пребывавшей в состоянии полного хаоса, то она была обескровлена. Завоевательная война, приведшая армии Хосрова II к самым воротам Константинополя и Иерусалима, обернулась катастрофой. Официальная религия — маздакизм или зороастризм, преследовала еретиков, и население, измученное и доведенное до отчаяния, было готово приветствовать первых же «освободителей».

На фоне этих двух распадающихся и обессилевших империй арабы казались олицетворением молодости мира. Они не обладали ни революционной тактикой, ни новым вооружением, но ими двигало воодушевление, порожденное несокрушимой религиозной верой в сочетании со страстным влечением к военным трофеям. Их подвижные войска были приучены к продолжительным лишениям и к самым суровым климатическим условиям. Чаще всего новые завоеватели разбивали свои лагеря за пределами существующих населенных пунктов — так возникли Куфа и Басра в Ираке, Фустат в Египте. Они не стремились ни обратить местных жителей в свою веру, ни навязать им новые ограничения. При условии уплаты джизьи, подушной подати, христиане всех конфессий, евреи и приверженцы маздакизма исповедовали свою религию и по-своему организовывали жизнь своих общин. Главы немусульманских общин (дзимми) — в

христианских странах епископы, в Иране дикане (сельские старейшины) — собирали налог для вали, глав провинций, созданных мусульманскими властями. Земля оставалась в руках прежних собственников при условии уплаты хараджа, поземельного налога.

Однако среди самих мусульман не замедлила разразиться драма. Шестнадцатого июня 656 г. в Медине был убит третий халиф Осман из рода Омейядов. Новым халифом стал Али. Двоюродный брат Пророка и муж его дочери Фатимы никоим образом не мог быть замешан в убийстве Османа, и большинство влиятельных людей одобрило этот выбор не только по причине тесного родства Али с Мухаммедом, но также и потому, что признавало его непоколебимое благочестие и стремление исполнять божественный закон при любых обстоятельствах. Однако Омейяды и их сторонники покинули Медину, обвинив нового халифа в убийстве предшественника и требуя наказания виновных. По причине недалекого, по отзывам современников, ума и избытка храбрости в ущерб таланту, последний не сумел защититься от выдвинутых против него обвинений. Впервые в общине правоверных возник раскол. Как мы увидим, он оказался окончательным, и впоследствии шиа (партия Али) получала все большее распространение и все дальше, иногда вплоть до полного искажения, отходила от традиции сунны, основанной в VIII и IX вв. исламскими учителями на основании высказываний и деяний Пророка.

Через несколько месяцев после своего избрания халифом Али покинул Медину, которая с тех пор уже никогда не бывала столицей мусульманского мира, и перебрался в Куфу, а после — Басру. Первое его столкновение с протирниками, так называемая битва Верблюда, — поскольку в ней, верхом на верблюде, принимала участие вдова Пророка Айша — закончилось их поражением. Однако Муавия, представитель семьи Омейядов, которого Осман назначил наместником Сирии, продолжал требовать возмездия. Стоя во главе богатой провинции и мощной армии, он находился в выгодном положении. Позиции Али были куда менее прочными. Они стали еще слабее после битвы при Сиффине (657 г.) на Евфрате, когда сирийцы, чьи войска дрогнули, прицепили к остриям своих копий листы Корана, желая тем самым показать, что только Божий суд, то есть Священная книга, способен положить конец этой войне между мусульманами. Решение третейского суда оказалось неблагоприятным для Али, и от него откололась группа приверженцев, получивших наименование хариджитов («те, кто ушел»), С ними мы будем встречаться на протяжении всей

истории ислама. В то самое время, когда силы Муавии наступали, Али, отказавшийся признать решение судей, совершил еще одну ошибку, попытавшись решить участь хариджитов силой оружия. Их избиение стало причиной и его собственной гибели: желая отомстить за своих братьев, один из хариджитов убил его отравленным мечом у дверей куфской мечети (661 г.). Между тем, Муавия завладел сначала Египтом, а потом и Хеджазом. С этого момента он остался единственным халифом.

Эпоха «праведных» халифов (рашидун) окончилась, и начался век Омейядов[2]. На смену примитивной государственной структуры первых лет пришла настоящая империя, поначалу возглавляемая администрацией, в составе которой было меньше арабов, чем персов, а главное, византийцев. Новое государство с центром в Дамаске и кадрами, по большей части, унаследованными от греков (Муавия сам выбрал себе секретаря-христианина), установила династический принцип и восприняла различные ранее существовавшие традиции, найдя опору в лице мавали, обращенных в ислам местных жителей. В результате, у старейших мусульман возникло недовольство тем, что в этом государстве, перешедшем в руки новообращенных, они более не узнавали ни традиций Пророка, ни религиозных идеалов, за которые они сражались. Последствия этой ситуации оказались тяжелыми. Империя Омейядов продержалась менее столетия. Однако до поры до времени ее великие халифы — сам Муавия, Абд ал-Малик и Хишам — стремились построить одну из самых могущественных империй, которую когда-либо знало человечество. Кроме того, они завоевали огромные территории к югу от Средиземного моря и далеко на Востоке, где ислам навсегда остался господствующей религией.

Омейяды неоднократно угрожали Константинополю, но главное то, что за несколько лет они заняли все Иранское нагорье, где обосновались тысячи арабских семей. Переправившись через Оксу (Амударья), их армии овладели Гератом, Кабулом, Балхом, а в 710 г. перед ними пали Бухара и Самарканд. Арабский военачальник Кутайба, которого летописцы описывают как «гениального стратега», донес знамена Омейядов до Ферганы, Кашгара и китайского Туркестана. В 751 г. победа, одержанная арабами над китайцами в Таласской битве, обеспечила им господство над областями, расположенными между Иранским нагорьем и Тянь-Шанем. На этом их продвижение на Восто&остановилось. На юге в 712 г. халифские войска поднялись по долине Инда и захватили Мултан.

В это же время другие арабские подразделения вели наступление на Запад и Северную Африку. Основав Кайруан в

670 г., арабы достигли Тлемсена, а затем вышли к Атлантическому океану. В 710 г. они покорили племена Центрального и Западного Магриба. Византийская Африка прекратила свое существование, а между тем бербер по имени Тарик ибн Зийяд с 7000 воинов переправился через пролив, впоследствии получивший его имя — Джебель Тарик («гора Тарика», современный Гибралтар). Именно он начал сражение с королем вестготов Родерихом, определившее судьбу полуострова. Сначала пали Кордова и Толедо, затем другие города. В 720 г. почти вся Испания стала мусульманской.

Ислам распространился еще дальше — в Африку и Азию. Однако главные задачи его проповеди были решены меньше чем за век, и его прочные основы были заложены «праведными» халифами и Омейядами.

Революция возмездия

В истории ислама не было другого момента — не считая, разве что, той ночи, когда Мухаммед получил от Аллаха повеление проповедовать единого Бога, — столь чреватого последствиями, как день гибели Али в Куфе. Несколькими годами позже, 10 октября 680 г., в Кербеле, в Ираке, не менее трагически погиб его сын Хусейн, убитый омейядскими воинами. Будучи не слишком яркими личностями, они оба, отец и сын, пользовались уважением за свое благочестие и верность наследию Пророка, несмотря на заурядное политическое чутье, однако их трагическая смерть нанесла исламу рану, которая с тех пор так и не зарубцевалась. Злодеяние, совершенное в Куфе, и драма в Кербеле навсегда разобщили правоверных. Они тотчас же придали шиизму, партии Али, окраску мистического мессианства и пыл, который пережил века и не иссяк до сегодняшнего дня.

От коллизии к коллизии, от заговора к заговору ненависть к Омейядам, на которых возлагалась ответственность за мученическую смерть двух родственников Пророка, навечно избранных Богом имамов[3], привела к гибели династию, повинную, с точки зрения сторонников Али, в том, что ее представители не только обрекли на гибель двух наиболее почитаемых представителей семьи Пророка, но также подчинили религию своим политическим и личным целям.

Почти сразу же после Кербелы некоторые жители Куфы, охваченные угрызениями совести за то, что они не сумели предотвратить убийство Хусейна, объединились, чтобы отомстить виновникам этого преступления. С криком «Встанем, чтобы

отомстить за кровь Хусейна!» около тысячи человек начали самоубийственную схватку с отрядами Омейядов. Они были разгромлены. Несколько месяцев спустя разразилось новое, более значительное и лучше подготовленное восстание под руководством загадочного персонажа по имени Мухтар. Его программа заключалась в том, чтобы отобрать власть у Омейядов и вернуть ее потомкам Пророка по линии Али. В 687 г. племенная аристократия, заподозрившая Мухтара в желании опереться на мавали, организовала его убийство.

Вскоре, как обычно, в Куфе, возник новый заговор, навеянный тем же самым духом мести, но только призванный защитить интересы потомков Аббаса, дяди Пророка[4], и на этот раз дело увенчалось успехом. События разворачивались в Иране, в Хорасане, куда переселилось 250 000 арабов иранского происхождения под командованием Абу Муслима. Этот человек, предположительно сын обращенного в ислам иранца, сильная личность и прирожденный заговорщик, подготовил и успешно осуществил настоящую революцию. Сначала горстка, а потом более 100 000 человек — арабов-мусульман, а также иранцев-зороастрийцев и маздаистов — быстро двигались за черным знаменем[5] эмира из рода Пророка. Огни, которые они зажигали, переходя из деревни в деревню, возвещали начало восстания. В 747 г. была взята столица Хорасана Мерв. За ней последовал Нишапур. Вскоре сторонники Абу Муслима разгромили одну из армий Омейядов, 2 сентября 749 г. завладели Куфой, а затем объявили Абу-л-Аббаса повелителем правоверных, амир ал-муминин, халифом ислама. Однако этот первый халиф династии Аббасидов, известный под именем ал-Саффаха[6], правил всего несколько лет.

Оставалось решить участь халифа Дамаска Мервана. Его армии терпели поражение одна за другой, но до сих пор он посылал в бой своих военачальников вместо себя. После разгрома своего сына при Малом Забе в Джазире он выступил в поход и дал бой Абдаллаху Али, дяде Саффаха, вблизи Большого Заба. Потерпев, в свою очередь, поражение, последний из сирийских Омейядов добрался до Дамаска, но жители города отказались его впустить. Погоня не отставала от беглеца до самого Египта, где он нашел свою смерть, попав в засаду.

Саффах стал владыкой Ближнего Востока. Желая устранить всякую опасность со стороны Омейядов, он принял меры, чтобы разыскать и истребить представителей опозоренного рода по всему халифату. Он даже приказал выкопать из земли тела омейядских халифов, сжечь их и развеять пепел по ветру. Историк Табари рассказывает, что, собрав последних уцелевших

Омейядов, Саффах «приказал их перебить, а потом расстелить поверх их тел ковер, на котором приготовили трапезу для тех, кто присутствовали при этой сцене, а потом ели, пока жертвы хрипели и испускали дух» (Табари).

Единственным омейядским принцем, которому удалось избежать аббасидской бойни, стал Абд ар-Рахман ибн Муавия, внук халифа Хишама. После четырех лет скитаний по Палестине и Северной Африке, где он нашел приют благодаря своим берберским корням, он переправился через Гибралтарский пролив, чтобы присоединиться к группе омейядских мавали. Осенью 756 г. в большой кордовской мечети он был провозглашен эмиром Андалусии, амир ал-Андалус. Так началась история династии испанских Омейядов, которые оставались у власти почти триста лет.

По всей видимости, Саффах не был слишком выдающейся личностью. Однако слова, произнесенные им в день восшествия на трон, не оставляют сомнения в решимости этого халифа и, в целом, Аббасидов сохранить кладь, которую им удалось завоевать. «Примите с благодарностью то, что вы получили», сказал он жителям Куфы. «Подчиняйтесь нам и не заблуждайтесь относительно положения, которое вам отныне уготовано, ибо это теперь наша забота» (Масуди, Les Prairies d'or.). Его мысль предельно ясна: владычество сирийцев закончилось навсегда, Омейядам пути назад нет, и законность права на власть Аббасидов несомненна: «Для истории ислама это была революция и переворот, не менее радикальный, чем впоследствии французская и русская революции для истории Запада»[7].

Для начала Аббасиды прочно обосновались в Ираке, отказавшись от Сирии, оскверненной присутствием Омейядов. Они покинули Дамаск, традиционный центр государств Ближнего Востока, и закрепились в Нижней Месопотамии, первое время в окрестностях Куфы, а чуть позже — севернее, в Анбаре, который оставался столицей империи в течение десяти лет, вплоть до основания Багдада.

Это отступление на юг имело несколько последствий. Новая династия не отвернулась от Средиземноморья, но впоследствии все больше и больше устремляла свои взгляды на Восток — в сторону Персии, Индии и даже еще дальше. В дальнейшем влияние византийцев ослабнет, и государство халифов превратится в подлинно ближневосточную империю.

Будучи арабской по происхождению, династия Аббасидов опиралась на арабов; ее язык и цивилизация были арабскими, и высшие государственные посты в ее государстве, в большинстве своем, занимали арабы.

В распоряжении Аббасидов находилось две силы, чья верность не вызывала сомнений: армия Хорасана и семья потомков Аббаса. Хорасанское войско состояло из верных, отважных, неподкупных и послушных людей, которые привели Аббасидов к власти и защищали их в любых сложных ситуациях. Армия была организована на племенной основе и размещалась в особенно неспокойных областях (Сирия, Северная Африка). Пользуясь благосклонностью режима, они получили земельные участки в пределах Багдада и оставались «ударной силой» халифата в течение ста лет, пока им на смену не пришли турки.

Клан потомков Аббаса также обеспечил первым халифам, особенно Харуну ар-Рашиду, поддержку, которая позволила ему провести империю через годы испытаний. Семья, сплоченная и объединенная вокруг своего главы, пользовалась небывалой властью, поскольку брала начало от самого Пророка. Будучи достаточно многочисленной, она заняла все важнейшие посты. Так, должности наместников западных провинций империи достались семи дядям Саффаха.

Однако Аббасиды понимали, что пока Восток им не подвластен. Абу Муслим стал единоличным владыкой Хорасана и начал править там в качестве «вице-короля», потому что они сами предоставили ему власть. Эта мысль была невыносимой для Саффаха и, еще в большей степени, для его брата Джафара, который сказал ему: «Это исполин из исполинов, и ты не сможешь наслаждаться жизнью, пока он жив».

В 754 г. Саффах умер, и ему унаследовал его брат Джафар, принявший имя Мансур. Наместник Сирии Абдаллах Али восстал против нового халифа под тем предлогом, что, будучи дядей Саффаха, именно он должен был стать его преемником. Абу Муслим нанес ему поражение, оказав тем самым последнюю услугу Аббасидам. Мансур больше не нуждался в «делателе королей». Заманив Абу Муслима в свой лагерь, он обезглавил его, предварительно подвергнув пыткам.

Наступил 755 г. Теперь владычество Аббасидов стало безраздельным. Харун ар-Рашид — Аарон Праведный — увидел свет только через одиннадцать лет. Он придал своей династии такой блеск, что он не угас даже через века. Но до него у власти успели побывать два халифа — имя третьего не заслуживает ничего, кроме забвения, — без которых огромная империя не обрела бы ни прочных политических и институциональных оснований, обеспечивших ей ее долговечность, ни своей великолепной столицы.

Мансур Строитель

Новому повелителю аббасидской империи Джафару ал-Мансуру — умному, неутомимому труженику, но в то же время суровому, жестокому, коварному и алчному человеку — в то время было немногим более сорока лет. Будучи противником любых легкомысленных развлечений, он запретил исполнение музыки во дворце и однажды собственноручно ударил мальчика, бившего в барабан у его ворот. Халиф вставал на заре и работал до вечерней молитвы, позволяя себе лишь короткие перерывы. Он сам принимал все решения, даже относительно самых ничтожных расходов. Его даже называли Абу ал-Дуваник, Отец медяков — прозвище, которым он даже гордился. «Если не имеешь денег, не будет и людей, а если не имеешь людей, увидишь, как растет могущество твоих врагов», — твердил он.

К тому моменту, когда Мансур пришел на смену Саффаху, он уже обладал глубоким знанием людей и большим политическим опытом. Он родился около 710 г. в Сирии, в Хумайме, где жила семья Аббасидов во время подготовки заговора, который должен был привести ее к власти. По замыслу военачальников Абу Муслима, именно Мансура надлежало избрать халифом, поскольку по своим качествам он, безусловно, превосходил своего брата ал-Саффаха. Однако представители армии отдали предпочтение последнему, ссылаясь на то, что он был сыном законной жены (матерью Мансура была наложница), а на самом деле, считая его более управляемым. В течение пятилетнего правления ал-Саффаха его брат обнаружил всю незаурядную силу своей личности, а став халифом, проявил себя в еще более полной мере. За двадцать один год своего правления он объединил и упорядочил государство.

Восставая против нового халифа, Абдаллах Али опирался на свои сирийские войска, недовольные тем, что Аб-басиды отказались от Дамаска в пользу Ирака. Однако его поражение уничтожило последнюю надежду на то, что Дамаск снова станет столицей империю. Мансур воспользовался этим как возможностью уменьшить напряженность в отношениях с сирийцами: он не подверг мятежников никакому наказанию, сохранил на своих местах военачальников, командовавших армией при прежней династии, наделил кое-кого высокими должностями и поручил сирийским подразделениям охрану границы с Византией. Таким образом, Мансур одним ударом уладил конфликт с одной из самых крупных провинций империи. В то же время он создал противовес всемогуществу хорасанцев, которое в будущем грозило превратиться в серьезную опасность.

С этого момента Аббасиды могли больше не бояться никакого военного восстания. Оставались все те, кто чувствовали себя

обойденными новым режимом, в первую очередь род Алидов. Семейство Али более не могло надеяться на то, что один из его членов станет верховным правителем мусульман. Кроме того, оно быстро осознало, что его борьба за новое общество, «основанное на Коране, справедливости и равенстве всех мусульман», была тщетной и что власть просто-напросто перешла от Омейядов к потомкам дяди Пророка. Как и при Омейядах, государство осталось светским. Революция потерпела крах.

Незамедлительно в Ираке и провинциях стали возникать оппозиционные группы. Одним из первых законность Аббасидов начало оспаривать движение Равандийа (название маленькой деревушки на востоке Ирана). При всей своей малочисленности, члены этой организации отличались фанатизмом и мужеством, призывая к насильственным действиям. Они попытались ликвидировать Мансура, который приказал их истребить.

Лучше подготовленное и более масштабное восстание Мухаммеда Нафс ал-Закийа (Мухаммед Чистая Душа) и его брата Ибрагима достигло более впечатляющих результатов. В сентябре 762 г., после долгого периода подпольной деятельности, Мухаммед, происходивший от Хасана, одного из сыновей Али, перешел к открытому восстанию и завладел Мединой. «Лиса вышла из своей норы», — воскликнул Мансур, выслав против него 4000 воинов. Войско Мухаммеда вскоре было разбито, а он сам погиб. Но через два года его брат Ибрагим, сумевший собрать вокруг себя многочисленных сторонников, в свою очередь, поднял мятеж в Басре. На этот раз Мансуру оказалось очень трудно восстановить порядок. Однако его стратегическое чутье и тактические навыки стоили его политического таланта, и в феврале 763 г. битва при Бахраме, к югу от Куфы, в которой Ибрагим нашел свою смерть, ознаменовала собой конец самого серьезного восстания эпохи Мансура.

Безжалостное подавление этих бунтов и устранение Абу Муслима подчеркнули — несколькими кровавыми линиями — стремление Джафара ал-Мансура единолично править империей. Тот факт, что хорасанская армия смирилась с внезапной гибелью своего командира, а Алиды ответили молчанием на казнь Мухаммеда Чистой Души и Ибрагима, доказал, что Мансуру удалось добиться успеха. Вплоть до упадка халифата государство Аббасидов оставалось централизованным, и во главе его стоял повелитель, чья неограниченная власть простиралась до самых удаленных провинций.

Мансур сам назначал наместников, часто из числа членов своей семьи, и при всей широте своих полномочий они всегда оставались под его неусыпным контролем. Он окружал своих

сановников множеством шпионов, чтобы постоянно быть в курсе даже самых незначительных их поступков и действий, и держал под надзором даже своих близких. Ничто не должно было ускользнуть от повелителя правоверных, принявшего титул ал-Мансур, «Победоносный», или «Тот, кто получил помощь Бога». Образцом для него послужили великие Омейяды и правители Древнего Востока, Ахемениды и Сасаниды, являвшиеся абсолютными монархами. Мавали при нем исполняли роль советников и были не более чем простыми исполнителями его приказов. Имя одного из них, Халида ибн Бармаки, ведавшего налоговыми вопросами, получило известность. Пропасть между правящей элитой и массой простых мусульман, характерная для эпохи Омейядов, не стала уже. Мансур укрепил свою династию, но не удовлетворил чаяния мусульман, желавших, чтобы их общиной правил имам, вдохновляемый самим Богом.

Мансур, истинный основатель Аббасидской империи, вписал свое имя в историю в том числе и как создатель Багдада.

Как известно, еще до прихода к власти Аббасиды решили основать свою столицу в Ираке. Эта провинция, традиционно состоявшая в оппозиции к Омейядам и верная Дому Пророка, также была самой богатой и вносила в казну больше всего налогов. Куфа сыграла огромную роль в аббасидской революции, и именно здесь, в куфской мечети, Абу-л-Аббас, впоследствии ал-Саффах, был провозглашен халифом. Саффах сделал своей столицей соседнюю деревню, где по его приказу был построен комплекс зданий — ал-Хашимия. Чуть позже он перебрался в ал-Анбар на Евфрате, недалеко от Ктесифона, древней столицы парфян и Сасанидов.

Придя к власти, Мансур некоторое время продолжал жить там, а потом по неизвестным причинам вернулся в ал-Хашимию. Однако этот город было трудно оборонять, а население Куфы отличалось беспокойностью и ненадежностью. Он начал поиски места для строительства новой столицы и, наконец, остановился на западном берегу Тигра. Выбранное им место обладало целым рядом достоинств: реку, огибавшую его с востока, было невозможно перейти вброд, на юге располагалась целая сеть каналов, которые было легко использовать в качестве естественного оборонительного рубежа, а также пути для снабжения продовольствием. Климат был здоровым — практически без кровососущих насекомых; оба берега годились для сельскохозяйственной обработки. Нет смысла прибавлять к этому космологические соображения, почерпнутые из далекого прошлого Ирана, но дело как раз в том, что решение халифа получило одобрение — а могло ли быть иначе? — астронома по

имени Навбахт (Якуби). Христианские монахи, жившие в расположенном поблизости монастыре, также поведали ему о предсказании из хранившихся у них древних книг о том, что некий царь придет, чтобы поселиться на этом месте.

Мансур сам наметил план «Круглого города»[8], который сначала для него нарисовали прямо на месте с помощью золы, чтобы халиф мог лучше представить себе, каким будет его город. Этому «Круглому городу», будущему Багдаду, он дал название «Мадинат ал-Салам» (Город мира), чтобы оно напоминало о рае (Коран VI, 127: «Жилище мира»). Круглый план облегчал оборону, избавляя от мертвых пространств и уменьшая стоимость строительства стен при сохранении той же площади. Были собраны архитекторы, инженеры, рабочие и чернорабочие из Сирии, Ирана, Мосула, Куфы и Басры — всего, как говорят, около 100 000 человек[9]. В 762 г., через четыре года, все было готово.

По восточному обычаю, для сводов и куполов был использован обожженный кирпич, в то время как основным строительным материалом служил сырец, причем ряды кладки чередовали с прослойками тростника. Две концентрические стены, защищавшие город, находились в тринадцати метрах друг от друга и были окружены рвом. Внутреннее пространство города, обнесенное стенами толщиной в 5 и высотой в 13 метров, достигало более 2, 5 километра.

В центре города Мансур приказал возвести свой дворец и мечеть. Жилая часть располагалась между стенами и обширным дворцовым комплексом. Дворец Мансура, или дворец Золотых дверей, имел форму квадрата со стороной два километра. Иван, просторный зал, открытый с одной стороны, был покрыт куполом. На верхнем этаже находился другой обширный зал, также увенчанный огромным зеленым куполом. Там халиф принимал посетителей в соответствии с величественным церемониалом древних повелителей Востока и Византии, и там ничто уже не напоминало о простоте, царившей во времена раннего ислама. К дворцу примыкала мечеть, куда можно было попасть непосредственно из халифских покоев. Значительное пространство отделяло их от зданий, в которых располагались административные службы — казна, канцелярия, арсенал, — а также жилища халифских детей и высокопоставленных чиновников.

Внутри этого административного города проходили две концентрические улицы, которые разграничивали две зоны безопасности, перерезая четыре улицы, ведшие от четырех городских ворот к халифскому дворцу и мечети. Между двумя стенами поместился жилой квартал, разделенный на четыре

сектора, где, согласно географии Якуби, жили высшие чиновники, внушавшие достаточное доверие, чтобы поселиться вблизи халифа, его ближайшие вольноотпущенники и, наконец, разные люди, которые могли понадобиться для каких-либо срочных дел.

Внутри стен, под арками, были устроены лавки для торговцев. Но однажды, когда Мансур принимал византийского посла, из лавки мясника сбежала корова, вызвав ужасную суматоху у самых стен дворца. Присутствовавший при этой сцене грек, не удержавшись, сказал халифу: «Повелитель правоверных, ты воздвиг постройку, каких не бывало до тебя. Но у нее есть три изъяна: здесь недостаточно воды, нет садов, но самое худшее, что твои подданные живут во дворце вместе с тобой, а когда подданные живут во дворце вместе с повелителем, не существует тайн». Халиф не оценил этих соображений и ограничился сухим ответом: «Что касается воды, то для питья нам хватает. Что касается второго недостатка, то мы созданы не для легкомыслия и забав. Наконец, в связи с твоим замечанием по поводу моих тайн, нет таких тайн, которые не могли бы знать мои подданные».

Тем не менее слова византийца запали в душу халифа, и через некоторое время Мансур приказал проложить новый водопровод. Второй случай, на этот раз достаточно серьезный, убедил его в том, что его положение в Багдаде далеко не безопасно. Некий мунтесиб, чиновник, отвечавший за поддержание порядка на базаре, встал во главе группы шиитов и попытался поднять мятеж в черте города. Его очень быстро арестовали, казнили, а тело выставили перед городскими воротами. Тогда Мансур распорядился перенести базар в ал-Каркх, то есть за стены «Круглого города». Кроме того, он повелел соорудить вторую мечеть, также вне города, так как первая собирала все население в непосредственной близости к дворцу. Однако в конце концов, из-за сложностей с поставками продовольствия, халиф решил поселиться во дворце ал-Хулд («Блаженная вечность»), который был воздвигнут на берегу Тигра к северу от города. На противоположной, восточной стороне Тигра он почти одновременно выстроил дворец для своего сына и наследного принца Мухаммеда ал-Махди, отца Харуна ар-Рашида.

Конец правления Мансура ничто не омрачало, поскольку все его внутренние противники были один за другим устранены. На кавказской границе хазары завладели Тифлисом, но их удалось выбить из города. В Малой

Азии, где военные кампании василевса Константина V поставили империю в трудное положение как раз в момент аббасидской революции, силы Мансура с легкостью овладели ситуацией. В Египте население без сопротивления признало

владычество Аббасидов, западная граница которого отныне проходила по Кайруану. Что касается Испании, то она считалась окончательно утраченной. С империей ее больше ничто не связывало, однако обмен в самых разных областях не прекращался никогда.

Мансур умер 7 октября 775 г. в Бир Майюне, недалеко от Мекки, в то время, когда он совершал паломничество, в окружении наиболее влиятельных членов своей семьи. Его похоронили в песках пустыни. Его сын и наследник ал-Махди находился в Багдаде и, по обычаю, Раби ал-Юнус, верховный постельничий, держал новость в тайне до тех пор, пока ал-Махди не взял ситуацию полностью под свой контроль.

Наследование было законным, но не обошлось без затруднений. Незадолго до своей смерти Саффах, опасавшийся, что Абу Муслим организует переворот против законного наследника Джафара, назначил вторым преемником одного из своих племянников Ису ибн Мусу. Когда Мансур стал халифом, Иса остался наследником. Фактически отстраненный от власти сын Мансура Мухаммед (Махди) попытался убедить Ису отказаться от притязаний на халифат. Но тщетно. Последовала долгая борьба. Наконец Иса сдался, получив финансовую компенсацию и обещание, что в случае смерти Махди власть будет ему возвращена, хотя, учитывая, что Иса был намного старше Мухаммеда, особенно рассчитывать на исполнение этого условия ему не приходилось.

Махди, щедрый и милостивый

Будучи сыном скряги, Махди был полной противоположностью своего отца. Табари оставил нам его хвалебное описание: «Его щедрость была велика, он был чрезвычайно милостив и прощал даже самые ужасные провинности. Ни один аббасидский халиф не превзошел его справедливостью, милосердием, благочестием, добродетелью и красотой» (Табари). Хронисты сообщают, что перед своим паломничеством в Мекку Мансур дал ему несколько советов: «Мудрый человек — не тот, что может найти выход из тяжелого положения, а тот, кто предвидит затруднения и предотвращает их». «Заботься о своем денежном состоянии. Ты будешь великим и победоносным до тех пор, пока будет полна твоя сокровищница…». И, наконец: «Не позволяй женщинам вмешиваться в политику. Однако я сомневаюсь, что ты последуешь этому совету».

Суровый повелитель правоверных хорошо знал своего сына. Его щедрость не знала границ: деньги, бережно скопленные его отцом за долгие годы, он раздавал полными пригоршнями. Махди был красивым, сильным и стройным, имел смуглую кожу, высокий лоб и вьющиеся волосы. Женщины любили его, а он любил их. И при его правлении женщины впервые получили настолько неимоверную власть, что порой посягали на полномочия самого халифа.

Махди родился около 745 г. и провел детство в Сирии, а после победы аббасидской революции перебрался в Куфу. С пятнадцати лет он командовал военными действиями в Хорасане, а вскоре отец поручил ему управление этой одной из самых важных для империи провинцией, главным городом которой был Рейй, расположенный в окрестностях современного Тегерана. Там он провел несколько лет и восстановил большую часть этого города, назвав его в свою честь ал-Мухаммедия.

Именно в Рейе родились некоторые из его детей. Сначала Аббасса, дочь наложницы по имени Рахима, которая в будущем оказалась замешана в самых трагических событиях за всю истории династии. Но однажды — точная дата нам неизвестна — Махди получил от отца молодую женщину, «стройную и изящную, как роза», без сомнения, происходившую из Йемена и купленную им в Мекке. Ее звали Хайзуран. «Отведите ее к моему сыну и скажите, что она создана, чтобы рожать детей». Великий халиф не ошибся, и Хайзуран, которая была достаточно образованной, чтобы органично влиться в утонченную придворную среду, быстро нашла путь к сердцу молодого принца. Она подарила ему трех сыновей: первый, Муса, родился примерно в 764 г., второй, Харун, два года спустя. Оба впоследствии стали халифами, однако судьба Мусы оказалась трагической, а Харун стал самым знаменитым представителем династии, в то время как третий, Иса, остался почти неизвестным.

Чаяния Хайзуран сбылись. Но ее ум и честолюбие сделали остальное. Неожиданно она представила двору свою семью, существование которой до сих пор хранила в тайне, и очень скоро ее старшая сестра Салсал соблазнила Джафара, сводного брата Махди, от которого родила дочь и сына. Последняя, Зубайда («Маленький кусочек масла»), получившая это имя от своего деда Мансура, стала женой своего царственного кузена Харуна ар-Рашида. Она обрела бессмертие в Тысяче и одной ночи.

У Махди, не знавшего устали в любовных забавах, были бесчисленные наложницы, вошедшие в историю блестящего века Аббасидов. Например, Шикла, молодая рабыня правителя Дейлема (на южном берегу Каспийского моря), захваченная

вместе со всем гаремом своего господина в ходе одной из битв. Смуглая Шикла, изящная, умная, прекрасная музыкантша, подарила Махди сына, который получил имя Ибрагим. Впоследствии он стал знаменитым музыкантом, поэтом и певцом, а в отдаленном будущем его ожидало кратковременное пребывание на халифском троне. Его сестра, также дочь Махди, стала одной из первых красавиц своего времени, «чудом ума и таланта» (Абу ал-Фараби). Далее следовала Мамуна, обладательница тонких лодыжек и высокой груди. Махди купил ее втайне от отца за фантастическую сумму в 100 000 дирхемов. Именно в связи с ней Хайзуран однажды призналась: «Ни одна другая женщина никогда не доставляла мне столько хлопот». Были еще Хасана, Хулла, Налка, Асма, младшая сестра Хайзуран… Однако Хайзуран, ставшая официальной женой Махди около 775 г., далеко превосходила всех юных красавиц своим умом, силой характера, чувством юмора и умением с легкостью приспосабливаться к любым ситуациям. Постепенно она приобрела колоссальное влияние на Махди и, естественно, на государственные дела.

Таким образом, двор, находившийся в самом центре империи, стремительно менялся. Вместе с богатством в новой столице отныне царили радость жизни и роскошь, и молодой халиф в первых рядах подавал пример расточительности.

В противоположность своему отцу, Махди надеялся уладить конфликт со сторонниками Али, Алидами, по крайней мере, с самыми умеренными из них, не силой, а путем нескончаемых переговоров. Он помиловал Хасанидов, которые участвовали в восстании Мухаммеда Чистой Души при Мансуре, и когда один из них, Хасан ибн Ибрагим, ранее сбежавший из тюрьмы, сдался, он пожаловал ему значительные владения в Хеджазе. Многие приверженцы Алидов, особенно в Медине, извлекли немалую выгоду из его щедрости.

А вот решение, ведшее к более серьезным последствиям: желая переиграть Алидов, Махди приблизил к себе Якуба ибн Дауда, отец которого некогда состоял на службе у Омейядов. Якуб завоевал такое доверие халифа, что тот называл его своим «братом в Боге» и визирем. Именно он первым получил этот титул при Аббасидах; он был наделен широкими полномочиями и обладал достаточной властью, чтобы управлять империей от имени халифа, назначать наместников провинций и руководить центральной администрацией. Таким способом ал-Махди хотел продемонстрировать Алидам свое великодушие по отношению к тем, кто встает на его сторону.

Однако с Зайдитами, самыми непримиримыми Алидами, эта

политика потерпела крах, и один из них, Иса ибн Зайд, отказался подчиниться. Якуб оказался в двусмысленном положении, поскольку сохранял добрые отношения с Алидами. Его недоброжелатели, особенно из числа мавали, затеяли интригу с целью его погубить. Они обвинили его в том, что он потакает влечению Махди к легкомысленному образу жизни и пьянству. Тогда один поэт написал стихотворение, которое обошло всю империю: «Проснитесь, сыновья Омейи! Вы слишком долго спите! Якуб стал халифом. О народ! Твой халифат лежит в руинах. Смотри, твой халиф сверх меры предан вину и лютне!» Якуб уцелел, но провел пятнадцать лет в тюрьме.

Пропасть между Аббасидами и Алидами ширилась по мере того, как Аббасиды все больше вели себя как единственные хранители правоверия. Вопреки собственному миролюбивому нраву, Махди, как и большинству представителей династии, пришлось бороться с еретиками всех мастей. Он собрал волю в кулак и подверг преследованиям не только зиндиков («тех, кто оскорбляет религию откровения») и шиитов, но также и «манихеев», схизматиков и атеистов. Великое гонение началось в 782 г. Оно совпало с борьбой против последователей ал-Муканны, иранца, скрывавшего свое лицо под вуалью и называвшего себя Абу Муслимом. Вдобавок в каспийском регионе халифу пришлось столкнуться с сектой ал-мухамирра, воевавшей под красными знаменами[10].

Сравнительно короткое правление Махди стало настоящим поворотным моментом в истории Аббасидов, поскольку именно при нем внутри правящего класса образовались группы давления, чья вражда, в конечном счете, поставила под угрозу судьбы государства.

Прежде всего, речь идет об иранцах. Во главе них стояла влиятельная семья Бармакидов. Возможно, представители рода Бармак, или Бармакиды[11] были верховными жрецами буддийского храма в Балхе, где в VII в., согласно паломнику Сюань Цзяну[12], жили почти три тысячи монахов, и с незапамятных времен занимали видное положение в Бактрии. Нет сомнений в том, что они обратились в ислам в последние годы эпохи Омейядов и присоединились к аббасидской революции, в которой один из них, по имени Халид, сыграл особую роль. К моменту нашумевшего падения Бармакидов их влияние успело стать почти безграничным. Имя этого рода, который в течение ряда лет обладал беспрецедентным в истории Востока могуществом, обросло настоящими легендами.

Халид ибн Бармак передал свои выдающиеся качества своим детям. Масуди восхваляет его «глубокую мудрость, его энергию,

его знания, его могущество», а историк Йезди рисует его «великодушным, верным слову, благочестивым, человечным, непоколебимым и искусным»[13]. Его познания были глубокими и разнообразными, особенно в медицине. Он славился щедростью по отношению к ученым и поэтам, одному из которых, как рассказывают, он пожаловал 10 000 динаров за хвалебную оду. С помощью своего сына Яхьи Халид занял доминирующее положение в окружении ал-Махди.

В своем стремлении подчинить халифа и все государство собственному влиянию Бармакиды опирались на куттабов, «секретарей». Даже будучи лишены особого веса в бюрократической системе, эти люди, в большинстве своем иранского происхождения, не забывшие о славном прошлом Сасанидской империи, представляли собой силу, которая все больше и больше «иранизировала» правительство.

Группа «секретарей» часто объединялась со слоем мава-ли. Теперь мавали, принявшие ислам местные жители, принимали участие в управлении страной наравне с завоевателями. Постепенно им удалось влиться в систему, и некоторые из них вошли в слой правящей элиты. К огромному неудовольствию своих противников, некоторые из них были назначены наместниками провинций, начальниками почты (баридами), иными словами, разведывательной службы.

Махди, очень далекий от того, чтобы уклоняться от своих обязанностей главы правительства, ввел в каждое министерское управление надзирателя, состоявшего в его личном подчинении, чтобы разделить полномочия военных и администрации, особенно в том, что касается установления и сбора налогов.

Третья группа давления, абна, хорасанская армия, самая прочная опора Аббасидов, была верной союзницей правящего режима. Расквартированные в Багдаде, хорасанские воины пользовались привилегиями и как один вставали на их защиту; с той же решимостью они выступали против мавали и «секретарей». Эти трения между военными и гражданскими, а также между различными группировками штатских вели к конфликтам, которые всего через тридцать лет подвергли империю серьезной опасности.

Приход к власти бюрократии, раздоры между группами давления, возрастание роли двора и женщин в политике — все это говорило о том, что времена, когда династия боролась за укрепление своей власти, миновали. Для халифа, чей титул «Ведомый Богом» напоминал об успехе аббасидской революции, не существовало никакой серьезной внутренней угрозы. Аббасиды заявили, что Мухаммед лично избрал своим наследником своего

дядю ал-Аббаса, и благодаря этой небольшой уловке, далеко не первой в истории, возвели свой род непосредственно к Пророку. Именно тогда халиф замкнулся в величественном уединении, более свойственном ахеменидским и сасанидским императорам, нежели первым преемникам Мухаммеда и даже халифам из рода Омейядов.

Через десять лет после своего восшествия на престол Махди мог наслаждаться относительным миром, установившимся внутри границ его государства, а также тем унижением, которое он нанес неверным Византии. Казалось, перед сорокатрехлетним халифом, справедливым и любящим жизнь вместе с ее радостями, лежало долгое и счастливое правление. Но судьба была против него. Смерть застигла его, когда он отправился в Гурган, в Хорасане, где находился Хади. По мнению одних, он погиб на охоте, ударившись лбом о низкую перекладину ворот, когда верхом гнался за газелью, спрятавшейся среди развалин. По словам других, он умер, будучи по ошибке отравлен своей любимой юной рабыней. Наложница по имени Хасана пропитала смертельным ядом грушу, чтобы уничтожить свою соперницу, а сидевший недалеко оттуда Махди увидел, как она несет блюдо с фруктами, и мимоходом взял именно этот смертоносный плод.

Хади, настоящий зверь…

Наследование власти обошлось без трудностей. Махди заранее назначил Хади своим главным, а Харуна вторым наследником: в счет шли лишь эти два сына рабыни Хайзуран — таково было ее влияние на халифа. Хади получил власть над восточной частью империи, а Харун — над западом и Арменией. Позднее, пересмотрев свое решение, Махди захотел сделать Харуна своим официальным наследником и отправился в Гурган как раз для того, чтобы убедить Хади смириться с волей отца. Поэтому-то кое-кто и утверждал, что Хади имел отношение к смерти своего отца.

Получив печальную весть, новый господин империи отправился в Багдад, которого достиг через восемь дней.

В его отсутствие Харун от имени своего брата пожаловал столичным войскам дар, равный их жалованью за восемь месяцев, в честь восшествия на престол нового халифа и принял клятву верности от сановников и солдат. Хади оставалось только принять власть в свои руки. Он назначил визирем Раби ал-Юнуса, по-прежнему занимавшего пост старшего постельничего. Яхья стал его доверенным лицом.

Хади, халиф «с короткой губой» (он имел привычку постоянно держать рот открытым), обладал гневливым, мстительным и необузданным характером. «Черствый, с резкими манерами, трудный в общении, первый халиф, повелевший, чтобы впереди него шли воины с обнаженными мечами, палицами на плече и натянутыми луками», — так рассказывает о нем Масуди. Его короткое правление подтвердило ту дурную славу, которую он успел заработать в империи, и оправдало худшие опасения его семьи, особенно его матери и брата Харуна.

Поначалу между Хайзуран и ее сыном не возникало никаких серьезных разногласий. При ней остались все привилегии и почести, которыми она пользовалась во времена Махди. Хади выказывал по отношению к ней любовь и уважение. Он жил во дворце в Исабадхе, восточном пригороде Багдада, и часто виделся с ней. Когда этому препятствовали его монаршие обязанности, поскольку он исполнял их со всей тщательностью и лично принимал высших чиновников и просителей, Хади посылал ей несколько строчек в сопровождении подарка.

Харун же, со своей стороны, следуя советам Яхьи, воспринимал ситуацию со всей лояльностью. Его больше интересовали, по крайней мере внешне, всевозможные развлечения, поэзия и музыка, и он очень любил свою юную и очаровательную жену Зубайду, а потому вовсе не был расположен вступить в борьбу против брата, чья жестокость и коварство были знакомы ему лучше, чем кому-либо другому.

Внезапная смерть Раби ал-Юнуса ознаменовала собой конец светлой полосы этого правления. Раби ал-Юнус тесно сотрудничал с Хайзуран в трудные моменты после смерти Махди, и Хади поставил ему это в вину. Их отношения расстроила женщина. Прежде чем стать любимицей халифа, молодая рабыня Амат ал-Азиз принадлежала Раби. Ушей Хади достиг слух, что визирь поведал одному из придворных, что никогда так сильно не любил ни одну женщину. Исполнившись зависти, Хади попытался устранить Раби. Заговор был раскрыт, но несколько дней спустя несчастный умер, выпив кубок меда. Это убийство глубоко поразило Харуна и Хайзуран.

Хайзуран стремилась не только сохранить то влияние, которым она пользовалась во времена Махди, но и расширить его в соответствии с восточной традицией, закрепляющей первенствующее положение за царицей-матерью. Она была сказочно богата, и поэтому ее приемная были всегда полна просителей, и многочисленность окружавшего ее двора выводила Хади из себя. Однажды он прислал ей письмо, в котором приказал не вмешиваться в государственные дела. Хайзуран была

не такой женщиной, чтобы покорно склонить голову, и вскоре разразилась опасная гроза. Молодой халиф отказал ей в милости, которой она просила для начальника городской стражи. Когда она попыталась настоять, Хади в ярости ответил: «Хорошенько запомни: клянусь Аллахом и моим родом, что если я узнаю, что кто-то из моих военачальников или чиновников постучится в твою дверь, я прикажу отрубить ему голову и конфисковать его имущество. Что означают эти каждодневные шествия перед твоим домом? Разве у тебя нет веретена, чтобы занять руки, Корана, чтобы молиться Аллаху, или дома, чтобы жить? Одумайся! И не открывай своей двери никому, будь он мусульманин, христианин или еврей»[14].

Хади не любил своего брата, более яркого и красивого, чем он сам, который, к тому же, чуть было не занял его места наследного принца. Едва он пришел к власти, ему уже не требовалось много времени, чтобы заменить Харуна в очереди на трон собственным сыном Джафаром. Первым об этом замысле узнал от него Яхья Барма-кид, который посоветовал халифу отказаться от него, доказывая, что подобный прецедент однажды может обернуться против самого Джафара. Хади согласился, но вернулся к этой теме некоторое время спустя. Тогда Яхья заметил ему, что если с ним, халифом, что-нибудь случится, пока Джафар еще ребенок, народ не примет того ни как главнокомандующего, ни как религиозного главу, а другие члены семьи Аббасидов начнут претендовать на власть. В итоге он посоветовал ему дождаться, пока Джафар достигнет возраста, в котором сможет править сам, а уж потом потребовать от Харуна, чтобы он отказался от своих прав. Хади и на этот раз прислушался к доводам мудрости. Однако, по наущению некоторых военачальников, он в конце концов отмел все возражения.

Харуна совершенно не прельщала мысль о включении в борьбу против своего внушающего ужас брата. Сначала он даже готов был ответить согласием. Однако если бы он лишился полномочий наследного принца, следовало бы опасаться худшего. Все отвернулись от него, кроме Яхьи, который давно заботился о нем (сын Яхьи был молочным братом Харуна) и мало-помалу укрепил его решимость воспротивиться халифу. Несколько историков приводят историю, иллюстрирующую, какую твердость Харун неожиданно проявил по отношению к брату. Их отец оставил ему перстень несметной ценности, который Хади вбил себе в голову у него отобрать. Он поручил дело Яхье, пригрозив, что отрубит ему голову, если он не принесет перстня. Несмотря на все уговоры, Харун отказался отдать ему кольцо и заявил, что сам отнесет его брату. Однако, идя по мосту через Тигр, он

бросил драгоценность в реку, сказав: «А теперь пусть он делает, что желает». Ничего не произошло, так как было очевидно, что Яхья не несет за случившееся никакой ответственности. Однако гнев халифа разгорелся еще жарче.

Тогда Хади попытался убить свою мать. Однажды он послал ей блюдо риса, передав на словах, что нашел рис замечательным и хотел бы им поделиться с ней. Хайзуран отдала угощение своей собаке, которая умерла через несколько минут. Затем она дала сыну знать, что также сочла рис отменным. И Табари цитирует ответ Хади матери: «Ты не ела его, иначе сейчас я уже был бы избавлен от тебя. Никогда не бывало повелителя, которому приходилось бы смотреть, как его мать правит вместо него»[15]. Хади несколько раз пробовал отравить также и Харуна. Тогда последний решился бежать, но Хади приказал своим людям схватить его и бросить в багдадскую тюрьму вместе с Яхьей.

Казалось, что дни принца сочтены, как вдруг Хади тяжело заболел. Была ли это частая в его роду язва желудка? Более вероятно, что он проглотил медленно действующий яд, подмешанный ему в питье матерью. Осмотревший его врач сказал, что он умрет менее чем через девять часов. Он не ошибся. Но говорят, что мать ускорила его конец, приказав молодым рабыням задушить его подушками.

Как только с халифом было покончено, Хайзуран приказала освободить Яхью, чтобы он взял ситуацию под контроль. Затем он она послала военачальника Харсаму предупредить Харуна, который в тот момент спал: «Проснись, о повелитель правоверных!» — «Что ты сказал?» — вскричал Харун. — Что будет со мной, если Хади узнает, что ты так меня назвал?»[16]. Услышав о смерти своего брата, Харун тотчас же пустился в путь, чтобы завладеть государственными печатями. Несколькими мгновениями позже пришла весть о том, что персидская наложница Харуна по имени Мараджил произвела на свет мальчика, получившего имя Абдаллах. Он, впоследствии стал халифом Мамуном, одним из самых ярких представителей династии Аббасидов. «Так эта судьбоносная ночь, которая была предсказана Хайзуран, видела смерть одного халифа, восшествие на трон второго и рождение третьего» (N. Abbott).

Почти в то же самое время разбудили и юного Джафара, чтобы заставить его публично отказаться от своих прав наследного принца. Ни один из военачальников, побуждавших Хади лишить брата этого титула, даже не сдвинулся с места. Яхья и военачальник Харсама мастерски осуществили эту операцию. Провинции восприняли новость с тем же спокойствием, что и Багдад. Пятнадцатого или шестнадцатого сентября 786 г. (15 раби

170) Харун ар-Рашид, «Праведный», был провозглашен халифом. Ему было чуть больше двадцати лет.

Согласно обычаю, поэты воспели нового повелителя:
О, халиф, живи долго по воле своих капризов,
В тени самых высоких дворцов.
Пусть утром и вечером все, кто тебя окружают,
Спешат исполнять твои желания.
Но в тот день, когда смертная икота Сотрясет твою грудь,
Увы, ты признаешь, что твои забавы
Были лишь несбыточной грезой и тщетой (Абу-л-Атахи).

ГЛАВА II

МОЛОДОСТЬ И ВЕЛИЧИЕ ПРАВЕДНОГО

Не видел ли ты, как солнце, доселе истомленное, изливает потоки света при приближении Харуна?

Мосули

Халиф Харун ар-Рашид был самым великодушным и самым величественным правителем своего времени.

«Тысяча и одна ночь»

Что нам известно о ранних годах восточных правителей? На самом деле очень немного. Многие приходили к власти вследствие раздоров, связанных с наследованием, а до того у летописцев не было причин интересоваться их детством. В результате большую часть подробностей относительно детства халифов или султанов приходилось восстанавливать задним числом, когда они уже занимали свое место на троне. Детство «доброго Харуна» не исключение.

Детство и безмятежная жизнь

Родившись в Рейе в Хорасане в феврале 776 г., Харун провел первые годы своей жизни в цитадели, контролировавшей этот город. Рейй был защищен рвом и толстой стеной, прорезанной пятью воротами, вода в него поступала из двух рек, и через несколько лет он стал «гордостью мусульманской страны». Харун, как нам сообщают, всегда с удовольствием вспоминал свой родной город, где жены знатных людей отстояли свое священное право кормить детей грудью.

Когда Харуну было три или четыре года, Махди обосновался в Багдаде, во дворце, который он приказал построить на берегу Тигра. Именно там юный принц, как любой отпрыск царского рода, получил образование, точно или почти такое же, какое в то

время давали детям из высших слоев общества. Халифы растили своих сыновей с особой заботой, ведь Мухаммед поставил образованных людей «на третье место, после Бога и ангелов». Они поручали их попечению ученых, а также поэтов и музыкантов, которых выбирали лично. Они регулярно следили за их успехами, устраивая им публичные и приватные проверки. Образование молодых принцев начиналось в возрасте пяти лет: «Учить ребенка — значит резать по камню», говорили в то время. Заканчивалось обучение, когда принцам исполнялось около пятнадцати лет, и они получали свое первое задание.

В то время как Омейяды, еще недалеко ушедшие от образа жизни бедуинов, уделяли больше внимания оружию и спорту, чем религии и интеллектуальной жизни, при Аббасидах первостепенное значение получили проповедь Корана, философия и право. Юный омейядский принц учился просто читать Коран, молодому Аббасиду приходилось приобщиться к экзегезе и изучению Предания. Высокий интеллектуальный уровень аббасидской цивилизации, передавшей Западу наследие античности, безусловно, объяснялся тем уважением к духовным ценностям, которое с самого раннего возраста прививали молодым принцам династии.

Масуди рассказывает, как Харун ар-Рашид поручил грамматику ал-Ахмару образование своего сына Амина. «Ахмар, — сказал Харун, — Повелитель правоверных поручает тебе свою самую драгоценную кровь, плод своего сердца. Он наделяет тебя всецелой властью над своим сыном и вменяет ему в долг подчинение тебе. Соответствуй высоте миссии, которую поручил тебе халиф: научи своего ученика читать Коран, наставь его в Предании; укрась его память классической поэзией и поведай ему о наших священных обычаях. Пусть он взвешивает свои слова и умеет высказаться к месту; ограничивай часы его увеселений; научи его с почтением принимать старейшин рода Хашим, которые предстанут перед ним, и уважительно обращаться с вождями, которые будут присутствовать на его приемах. Не позволяй ни одному часу из дня пройти без пользы для его образования; избегай как излишней строгости, чтобы его разум не ослабел, так и излишней снисходительности, чтобы он не предался лени и не привык к ней. По мере сил исправляй его ошибки с дружелюбием и мягкостью; но если это не подействует, примени строгости и прибегни к суровости»[17].

Эта образовательная программа, которую требовалось пройти, чтобы стать адабом, воспитанным человеком, или человеком с хорошими манерами, безусловно, очень схожа с той, которую освоил сам Харун. Махди, который сам был чрезвычайно

образованным человеком, дал своему сыну нескольких наставников, каждый из которых был знатоком в одной из отраслей науки. Во главе их стоял его «гувернер» ал-Кисаи, являвшийся известным мыслителем. Однако его главным опекуном был Яхья Бармакид, которого Харун называл своим «отцом». Он, вне всякого сомнения, был одним из самых выдающихся людей, правивших арабским миром в первые века после Хиджры. Он оставался при Харуне до того самого момента, когда впал в немилость.

Начиная с первых лет правления новой династии[18] тесные связи между семьями Аббасидов и потомков Барма-ка стали еще крепче. Как и в предыдущем поколении, женщины одной семьи вскармливали своим молоком детей из другой, и наоборот. И еще сын Харуна сосал грудь жены Джафара Бармакида, в то время как жена халифа выкормила одну из его дочерей.

Когда Харун достиг тринадцати лет, Яхья совершенно естественным образом превратился в «личного секретаря», и этот титул обеспечил ему самые широкие полномочия в отношении своего ученика. Он не просто помогал ему. Когда молодой принц принял командование крупным походом против Византии, Яхья сопровождал его. Впоследствии, когда Харун получил пост наместника западных провинций, Азербайджана и Армении, именно Яхья фактически управлял этими обширными территориями. Обладая огромным политическим талантом, Яхья сумел незамедлительно проявить свои выдающиеся административные способности и чувство ответственности. Поскольку Харуна интересовали в основном военные проблемы, он предоставил Яхье свободу действий. Для этого принца с его тягой к радостям жизни Яхья был идеальным помощником. А для Яхьи эти годы, проведенные в провинциях, стали прекрасной школой, подготовившей его к исполнению тех обязанностей, которые ожидали его в будущем.

В сентябре 786 г. Харун взошел на трон. Своим первым указом он назначил Яхью визирем. Отголосок этого события обнаруживается в «Тысяче и одной ночи»: «Еще до восхода солнца жителям Багдада стало известно о смерти ал-Хади и восшествии ар-Рашида на халифский трон. И Харун, окруженный роскошью, подобающей повелителю, принял клятвы верности от собравшихся эмиров, благородных господ и народа. И в тот же день он приобщил к обязанностям визиря двух сыновей Яхьи Бармакида, ал-Фадлу и Джафару. И все провинции и области империи, и все мусульмане, арабы и не-арабы, тюрки и дейлемиты, признали власть нового халифа и клятвенно пообещали ему покорность. И он начал свое правление в

благоденствии и величии, и, блистая, воссел в своей новой славе и могуществе»[19].

Обязанности визиря, второго после халифа человека в государстве, который являлся одновременно советником и наместником монарха, а также главой канцелярии, были неодинаковы в разные эпохи. Чаще всего этот пост занимал выходец из сословия мавали, то есть не-араб, как правило, иранец, но всегда мусульманского вероисповедания, образованный человек и щедрый меценат. В эпоху Харуна он, по сути, состоял при халифе и нес перед ним личную службу. В следующем столетии значение визиря неуклонно возрастало, а обязанности халифа настолько сократились, что он лишь утверждал решения, принятые его министром. Некоторые потомственные визири, представители настоящих «династий» визирей и секретарей (куттаб), проделали существенную работу, в основном в финансовой, политической и военной области. Многие из этих выдающихся служителей государства были вынуждены восполнять бездеятельность халифов, несведущих или плохо подготовленных к управлению империей, что побуждало некоторых из них принимать решения, приносившие большую выгоду им самим, нежели государству.

Яхья получил от Харуна прерогативы, которые до того времени принадлежали лишь повелителю, в том числе право самостоятельно назначать секретарей дивана[20] и судить за злоупотребления. Если верить Масуди, Харун вручил ему свою личную печать, объявив: «Мой дорогой отец, твоя благословенная Небом помощь, твое счастливое влияние и мудрое руководство возвели меня на этот трон. Я же наделяю тебя безраздельной властью».

Даже став всемогущим, Яхья вынужден был делить свою власть с королевой-матерью, грозной Хайзуран. Сказочное богатство бывшей йеменской рабыни усиливало ее могущество. В течение нескольких лет, до самой ее смерти в 789 г., всей его ловкости едва хватало, чтобы лавировать между Харуном и женщиной, чье стремление обладать всей властью, на которую она могла претендовать благодаря своему статусу, достигло небывалого размаха. Визирь, которому ни в коем случае нельзя было вступать с ними в открытый конфликт, вынужден был идти путем «маневров и намеков», прибегая к аллегорическим историям. «С халифами выступать против чего-либо — значит подталкивать их к этому действию, ибо, если вы желаете воспрепятствовать им действовать в каком-то ключе, это все равно, что побуждать их к этому»[21], говаривал он.

Правда, Яхье в этом деле чрезвычайно помогали двое его

сыновей, Фадл и Джафар. Именно они разделили с ним его обязанности визиря и сидели по сторонам от него во время общественных аудиенций, что для Востока было совершенно нехарактерным. Джафар получил печать, которая впоследствии перешла к Яхье, а затем к Фадлу. Таким образом, печать государя оставалась в руках одной и той же семьи. Действительно, история первых десяти лет правления Харуна практически неотличима от истории Бармакидов. Его правление на практике осуществляли эти три талантливых, знающих человека, отличавшихся незаурядным умом.

После трагической смерти Хади и предшествовавшей ей серии предательств неминуемо должны были полететь головы. Те, кто отступились от своей присяги Харуну, в то время наследному принцу, чтобы примкнуть к Джа-фару — а таких было немало — наверняка стали плохо спать по ночам. Яхья спас их, а вместе с ними и внутренний мир, по крайней мере, на некоторое время. А Хайзуран, которая желала истребить всех предателей, он сумел убедить, что куда полезнее будет отправить их на войну с врагами.

Этот совет был исполнен, а кроме того, двое второстепенных лиц расплатились за всех прочих. Один, высокопоставленный сановник, глава городской стражи, счастливо отделался иным образом. Он добился снятия с себя клятвы, принесенной Харуну, пообещав пешком дойти до Мекки. Он выполнил обещание, но перед ним шли слуги, постилавшие ковры ему под ноги, а затем поднимавшие их, чтобы перенести дальше вперед. Али ибн Муса ибн Махан, один из главных зачинщиков абны, и Язид ибн Мазьяд, один из военных советников Хади, который склонил Хади к тому, чтобы заменить Харуна Джафаром, были просто изгнаны. Они вновь напомнили о себе лишь спустя долгое время после смерти Хайзуран. Правление Харуна началось в обстановке ликования.

Через несколько месяцев после того, как Аллах, с помощью Хайзуран и Яхьи, привел Харуна к верховной власти, он совершил свое первое паломничество в Мекку. История не сохранила ясных следов этого акта, который он впоследствии повторил несколько раз, поскольку, как и все Аббасиды, придавал ему огромное значение. Для нового государя это, безусловно, был повод продемонстрировать свою щедрость. Однако мы лучше осведомлены о паломничестве, которое несколько месяцев спустя совершила Хайзуран. Оно превратилось в триумфальное шествие. Как говорят, подаяние текло рекой. Каждый или почти каждый день мать халифа приказывала соорудить навесы для паломников, фонтаны вдоль их пути и мечети. Она обнаружила

родной дом Мухаммеда — или просто жилище, которое годилось для этой роли — и повелела превратить его в мечеть, как и ту постройку, в которой Пророк встречался со своими соратниками. Ее еще долго называли «Домом Хайзуран».

Таким образом, Аббасиды хотели подчеркнуть религиозный характер своего режима. Для Мансура и Махди это служило некоторым оправданием заговора потомков kjo-баса и переворота 750 г. Аббасиды изгнали омейядских халифов, чтобы вернуть правоверных на истинный путь ислама. Глубокое убеждение Харуна, что Аллах избрал его и поставил повелителем правоверных, амир ал-муминин, и главой общины, имам, было еще сильнее, чем у его отца и просвещенного деда. По любому торжественному случаю он облачался в плащ Пророка (бурда) и брал в руки жезл (кадиб), что обозначало особое достоинство «наследника послания Бога» (халифа), воплощающего в себе «власть Бога на земле», а именно такой титул принял на себя Мансур. По своей сути халифат представлял собой религиозный институт, главной обязанностью которого являлась защита веры. Аббасидский халиф находился на своем месте для того, чтобы обеспечить следование строгому правоверию и предписаниям, установленным раз и навсегда.

Чтобы установить угодный Богу порядок и насадить мусульманское законодательство, Харун ар-Рашид с первых дней своего правления окружил себя религиозными деятелями, с которыми он обсуждал догматику и право. При нем святые места вновь обрели былое значение, и вскоре он придал паломничеству в Мекку эффектную окраску благочестия и миссионерства, которая благодаря его щедрости — в ходе лишь одного паломничества он потратил миллион динаров — стала поистине ослепительной.

Главное же, соображения как религиозного, так и политического плана побуждали Харуна бороться со всевозможными ересями. Для колоссальной империи, населенной столь разнообразными народами, в которой как в море растворился арабские завоеватели, не могло существовать иного решения, кроме единой веры и единого закона. Именно они стали ее связующим элементом и основой существования. Халиф же видел свою роль в том, чтобы заставить всех им подчиниться. Мы еще увидим, как он боролся с Алидами и зиндиками[22].

Для первых Аббасидов опасность исходила от религиозных и социальных смутьянов внутри мусульманской общины, но никак не извне. Ни один внешний враг им не угрожал. Их единственный крупный сосед, Византия, увязшая в своих заговорах и кризисах, не имела сил, чтобы им досаждать. Однако Харун, в свое время

посланный отцом на войну по другую сторону Тавра, не терял из виду империю василевса. Никогда не забывая о том, что ислам предписывает войну с неверными, а также, вероятно, поддавшись мечтам о завоевании Константинополя, которые вскружили голову стольким царям и императорам после него, он начал поход против Византии, и, наряду с борьбой за веру, эта война стала важнейшим делом его жизни.

С самого восшествия на престол он взял армию в свои руки и сделал решение военных вопросов своей исключительной прерогативой. Так, он решил соорудить в некоторых приграничных районах новую оборонительную линию, чтобы дополнить или заменить тхугхуры, укрепления, построенные Махди и уже утратившие боеспособность.

Повелитель правоверных и его дворец

Хайзуран умерла в конце 789 г., вероятно, естественной смертью. Ей едва исполнилось пятьдесят. Харун, не скрывая своего горя, шел за ее гробом босиком по осенней грязи до расположенного на восточном берегу Тигра кладбища Русаф, которое сохранило свое название до настоящего времени. Он спустился в могилу, где сам произнес последние молитвы и прочитал известную в мусульманском мире элегию Ибн Нувайраха, которую жена Мухаммеда Айша продекламировала на могиле своего отца Абу Бакра, первого наследника Пророка. Затем над гробом великой Хайзуран все смолкло. Однако, когда главные действующие лица трагедий, в которых она принимала активное или пассивное участие, переселились в мир иной, летописцы, историки и поэты вспомнили о романтической судьбе йеменской рабыни, жены и матери халифов, совершившей немало преступлений, чтобы возвести на трон своего любимого сына.

Как только мать Харуна умерла, он забрал свою печать у Джафара Бармакида, чтобы вручить ее другому своему любимцу, Фадлу ибн ал-Раби. Хайзуран всегда против этого возражала, и именно таким образом Харун обозначил свое желание найти противовес влиянию великого рода Бармака, из которого происходил его визирь. Кроме того, он приказал арестовать Ибрагима ал-Харрани, бывшего визиря Хади, и конфисковать его имущество. Яхье удалось добиться лишь смягчения этой меры[23].

Харуну было двадцать три. Он отличался приятной внешностью, хорошим телосложением и высоким ростом. Согласно Табари, у него было красивое лицо со светлой кожей, вьющиеся волосы и, как повествует «Тысяча и одна ночь»,

«прекрасный рот и пухлые округлые щеки». Большую часть времени он проводил в Багдаде, во дворце ал-Хулд, или «Блаженная вечность», построенном на берегу Тигра его отцом. Перед дворцом простиралась огромная площадь, над которой возвышались здания, находившиеся в ведении начальника городской стражи. Смотры и парады, проходившие на площади в праздничные дни, привлекали огромные толпы, стремившиеся полюбоваться величественной демонстрацией имперской мощи и красивым строем халифских войск.

Мы не располагаем точной информацией о внутренней планировке дворца ал-Хулд, но известно, что он отличался внушительными размерами, как и все восточные дворцы с самых древних времен. Ал-Хулд[24], открывший собой череду дворцов, которые вскоре были воздвигнуты вдоль Тигра, отражал заботу о безопасности халифов, совмещая в себе резиденцию и политико-административный центр империи. Помимо просторных залов для аудиенций и приемов во дворце имелись многочисленные комнаты для сановников и секретарей, а также их личные помещения. В соответствии с традиционной восточной технологией ал-Хулд, как и весь Круглый город, был построен из кирпича-сырца, обложенного обожженным кирпичом и покрытого штукатуркой. Мощные внешние стены, над которыми с равными промежутками поднимались толстые башни, придавали ансамблю вид гигантской крепости.

Одновременно с дворцом Мансур приказал разбить «райские» сады, почерпнув вдохновение у сасанидских ландшафтных архитекторов и Омейядов, и этот чарующий эдем, который халифы, первым Махди, а затем, и главным образом, Харун, украшали и лелеяли, стал декорацией для придворной жизни. Множество цветов, полученных с помощью хитроумных прививок, располагались так, чтобы воспроизвести известные арабские поэмы; деревья, оправленные в драгоценные металлы с инкрустациями, с позолоченными и посеребренными листьями; искусственные водоемы и ручьи; маленькие мосты из древесины, доставленной из далеких стран; безукоризненные беседки; кипарисы и тисы, отражавшиеся в воде, на поверхности которой можно было прочитать стихотворное славословие халифу из листьев кувшинок… Природа почти не внесла своей лепты в совершенство этих садов, это сделало за нее несравненное искусство. Табари рассказывает, что внутри дворца находился небольшой сад, полностью засаженный деревьями с розовыми цветами, а в центре него располагался зал, обтянутый розовым шелком, по которому скользили слуги, облаченные в одеяния того же цвета. «Тысяча и одна ночь» сохранила для нас его

описание:

«Этот сад, у двери которого они заснули, назывался Садом наслаждений, а посреди этого сада стоял дворец, именуемый Дворцом чудес, и все это принадлежало халифу Харуну ар-Рашиду. Когда халиф ощущал стеснение в груди, он приходил в этот сад и в этот дворец, чтобы наполнить свое сердце и развлечься, и забыть о заботах. Во всем этом дворце был всего один огромный зал, прорезанный восьмьюдесятью окнами… Этот зал открывали лишь для того, чтобы в него вошел халиф, и тогда зажигали все лампы и огромную люстру и открывали все окна, и халиф садился на свое большое ложе, украшенное шелками, бархатом и золотом, и приказывал своим певицам петь, а музыкантам, играющим на инструментах, очаровать его своей игрой… И вот тогда в городе Багдаде, в ночной тишине и нежном аромате воздуха, наполненного благоуханием цветов из сада, сердце халифа наполнялось радостью».

Даже в огромных дворцовых залах не было недостатка в самых прекрасных и редких цветах: «В зале для собраний находился маленький садик с алебастровым бассейном, в котором журчал фонтан кристальной воды и, самими своими размерами, пленял своей свежестью и прохладой».

Подобным поэтическим и выразительным описаниям этих очаровательных уголков, дошедшим до нас со времен Харуна и последующего столетия, нет числа. Одно из самых известных относится к встрече византийских послов Иоанна Радиноса и Михаила Токсараса, прибывших к халифу Муктадиру от императора Константина Багрянородного, чтобы заключить перемирие и выкупить греческих пленников.

«Число занавесов, развешенных во дворце повелителя Правоверных, если учесть занавесы из золотой парчи, украшенные прекраснейшим золотым шитьем, на котором видны были кубки, слоны, лошади, верблюды, львы и птицы, и огромные драпировки… одноцветные или украшенные узорами, или же вышитые, было тридцать восемь тысяч, а из них занавесы из золоченой парчи составляли две тысячи пятьсот. Количество прямоугольных ковров в коридорах и дворах, по которым шествовали кади и посланники греческого императора от двери, называемой Баб ал-Амма ал-Джахид, и пока не предстали перед ал-Муктадиром, не считая тех, что находились в личных покоях и в залах для аудиенций, учитывая войлоки из Табаристана и Дабика, которые были выставлены напоказ, а не постланы под ноги, доходило до двадцати двух тысяч штук.

Послы греческого императора были проведены через вестибюль большой двери Баб ал-Амма ко дворцу, называемому

Хан ал-Хайл, состоявшего, в основном, из крытых галерей с мраморными колоннами. В этом здании с правой стороны стояли пятьсот кобыл, на которых было пятьсот золотых и серебряных седел без чепраков, а с левой стороны пятьсот кобыл, покрытых парчовыми чепраками с длинными капюшонами… Затем послов ввели в загородку с хищными зверями, а потом во дворец, где находились четыре слона, накрытых парчой и пестрыми шелками; на спине у каждого слона сидело по восемь человек из Синда и воинов, вооруженных факелами на длинных древках, что повергло послов в ужас. Затем их повели во дворец, в котором было заперто сто львов, пятьдесят справа и пятьдесят слева, и каждого льва держал на поводке стражник, и у каждого на голове и шее были цепи и оковы[25]. После этого послов подвели к новой беседке; это был дворец между двух фруктовых садов, между которыми находилось оловянное озеро, окруженное оловянным каналом, сияющим ярче, чем полированное серебро. Было оно тридцати локтей в длину и восьми в ширину. На нем видны были четыре легкие и изящные лодки, позолоченные, украшенные вышитой тканью и застланные золоченым полотном. Вокруг этого озера раскинулся сад, в котором росли пальмы; говорят, что их количество равнялось четырем сотням, а высота — пяти локтям. Дерево было полностью, снизу доверху, обшито резным тиком и обтянуто красной золоченой кожей… После этого послов повели из этого дворца во дворец Дерева, где в середине огромного круглого бассейна с прозрачной водой стояло дерево с двадцатою восемью стволами; на каждом из них было по множеству ветвей, на которых сидели большие и малые птицы всех видов, покрытые позолотой и серебром. Большая часть ветвей этого дерева была сделана из серебра, а некоторые блистали золотом. Они время от времени наклонялись, чтобы показать цветы всевозможных оттенков, которые колыхались, как будто от дуновения ветра, в то время как птицы посвистывали и ворковали[26].

«Тысяча и одна ночь» также описывает огромный зал, который, вне всякого сомнения, напоминает многие помещения, в которых халиф принимал византийских послов:

«Это был зал, увенчанный куполом, опиравшимся на двадцать восемь колонн из самого чистого и прозрачного алебастра, их основания и капители покрывала искусная резьба и украшали золотые птицы и четвероногие. И весь этот свод был расписан цветными линиями по золотому фону, которые казались живыми и повторяли рисунки на огромных коврах, которые устилали зал. А в промежутках между колоннами стояли высокие вазы с прекрасными цветами или просто огромные чаши, пустые, но поражающие собственной красотой и телом, вырезанным из

нефрита, агата или хрусталя. И этот зал был на одном уровне с садом, вход в который украшали те же рисунки, что и на коврах, выполненные на небольших расписанных булыжниках, и благодаря этому купол, зал и сад продолжались под открытым небом и его спокойной синевой» (Ночь 552-я).

Представим себе также ковры огромных размеров и необыкновенной тонкости, испещренные золотыми нитями вперемешку с жемчужинами и драгоценными камнями, шелковые занавесы, также усыпанные камнями, золотые люстры, подвешенные к плафонам, стенные росписи, день за днем изображающие события из жизни предыдущих халифов. Все самое красивое и редкое из того, что в то время могли произвести природа и человек, было собрано в этих обителях грез, каковыми, без сомнения, являлись дворцы и сады Багдада.

Именно в таких величественных залах и частных апартаментах и жил сам халиф и еще сотни людей. Дворец, одновременно являвшийся средоточием официальной жизни империи и жилищем повелителя правоверных, центром любой деятельности, из которого исходили все распоряжения, связанные с управлением государства, представлял собой замкнутый и почти мифический мир, запертый город, в который не входил никто кроме тех, кто в нем жил или исполнял свои обязанности. Именно во дворце в большей степени, чем в мечети, процветало искусство отделки, которое, хотя и предназначалось лишь для привилегированных слоев, служило главной визитной карточкой государства, которое в то время достигло вершины своего могущества и богатства. Халиф принимал сановников и посетителей, сидя со скрещенными ногами на своего рода кровати, называемой сарир, покрытой шелком, затканным золотом и жемчугами, и чаще всего над головой у него возвышался балдахин. От присутствующих его отделяла завеса, подчеркивавшая сакральный характер титула амир ал-муминин, который каждый посетитель произносил, приветствуя халифа.

Жизнь дворца подчинялась строгому этикету. В следующем столетии, когда с приходом Буидов[27] усилилось иранское влияние, он стал даже еще более строгим. Например, прежде чем приблизиться к сивилле (парадный балдахин) во время церемонии, облекавшей его значительными полномочиями в ущерб халифу, представитель этого рода по имени Абу ал-Даула сначала совершил девять земных поклонов подряд, а затем, получив разрешение переступить порог, еще дважды поцеловал землю. Чем слабее делалась реальная власть халифа, тем помпезнее становился церемониал.

Во времена Харуна постельничий (хаджиб) вводил посетителя

за завесу, прямо к халифу. Поцеловав руки и стопы своего господина, гость ждал разрешения сесть. Чем дольше тянулось это ожидание, тем более очевидным становилось желание халифа его унизить. Никто никогда не обращался к халифу первым. Во время больших аудиенций сановников и придворных вызывали к нему по одному в соответствии с четко определенным порядком. Потомки первых соратников Пророка и первых обращенных им мусульман имели преимущество перед остальными правоверными, а сановники и чиновники высшего уровня, получавшие максимальное жалованье, перед всеми прочими. Разумеется, все мусульмане были равны, но некоторые все же стояли выше других даже перед лицом Аллаха.

Вокруг халифа вращались сотни людей — принцы, сыновья и внуки предыдущих халифов, потомки рода Аббаса, постельничие, секретари, стража и всевозможная прислуга, необходимая для повседневной жизни, — повара, водоносы, плотники, шорники, лакеи и, разумеется, врачи, муэдзины, астрономы и шуты. Это был город в городе, который в следующем веке еще разросся, и одновременно стало больше служителей и стражников неарабского происхождения (в большинстве своем тюрок).

Гарем

Жены и семья халифа обитали в гареме[28]. Как говорят, в гареме Харуна было двести жен, и не меньше двадцати из них подарили ему детей. Это немного по сравнению с 12 000 жен Мутавакила через каких-то пятьдесят лет! Эта часть дворца, которая уже так давно будоражит воображение обитателей Запада, вовсе не была средоточием разврата, каким его часто изображают. У жен халифа и наложниц, родивших ему ребенка, там были собственные помещения. Множество других женщин — наложниц и служанок — также жили в этом упорядоченном сообществе под руководством других женщин и евнухов.

Большинство женщин гарема были куплены у купцов, занятых работорговлей, или подарены халифу членами его семьи или чиновниками, стремившимися добиться от него каких-то милостей. Во времена Харуна в гареме находились женщины самого разного происхождения — арабского, черкесского, тюркского и греческого. Именно это чаще всего и становилось причиной бесчисленных войн и стычек между арабами и византийцами.

При Махди багдадский двор начал открывать для себя культуру, роскошь и изысканность. Харун с самого начала своего

правления тоже стремился окружить себя образованными мужчинами и женщинами. Он выбирал жен и наложниц — причем к последним это относилось еще даже в большей степени, чем к первым — из числа не только самых соблазнительных, но еще и самых умных женщин. Некоторых из них он отправлял в Таиф, а в основном в Медину, где уже давно существовали престижные школы пения и музыки. В самом Багдаде тоже были учителя, которые преподавали музыку и другие искусства, имея иногда до 80 «студенток». Так, некоторых из них было поручено обучать великому певцу Исхаку. Свидетельство об этом мы находим в «Тысяче и одной ночи». «Халиф [Харун], любивший Исхака великой любовью, отдал ему для жизни прекраснейший и превосходнейший из своих дворцов. И там Исхаку было поручено и доверено учить искусству пения и гармонии юных девушек, самых одаренных из тех, кого покупали на невольничьих рынках и базарах всего мира для халифского гарема. И когда какая-нибудь из них выделялась среди своих подруг и превосходила их в искусстве пения, игры на лютне и гитаре, Исхак отводил ее к халифу и заставлял ее петь и играть перед ним. Если ей удавалось порадовать халифа, ее тотчас же вводили в его гарем» (Ночь 926-я).

Таких искусных рабынь покупали за 2000 динаров, а век спустя одна из них даже была продана за 13 000. Обладание образованными рабынями и наложницами было важной составляющей имперской роскоши. Постепенно халифы — в том числе сам Харун — все чаще оказывались сыновьями уже не арабских, а иноплеменных рабынь. Подобно крови османских султанов в конце XVI в., кровь Аббасидов вобрала гены других народов.

Известно, что по закону у каждого мусульманина может быть не более четырех законных жен. У Харуна в момент, когда он сменил на троне своего брата, их было три: Азиза, дочь Гитрифа, брата Хайзуран; Гхадир[29], в прошлом наложница Хади; и Зубайда, его двоюродная сестра, на которой он женился в 781 или 782 г. (она была дочерью Джафара, одного из сыновей Мансура, и Салсал, сестры Хайзуран). Какова бы ни была ее красота, еще больше ее отличал ум. Лавировать среди десятков женщин, затмевающих друг друга красотой и очарованием, и избегать опасностей в паутине политических хитросплетений было нелегкой задачей. Безусловно, именно она была единственной женщиной, к которой Харун испытывал глубокую привязанность.

Впоследствии, после смерти двух своих первых жен, Харун взял трех женщин знатного происхождения — Умм Мухаммед, Аббасу и молодую девушку из рода Османа, — но они почти не

имели влияния. Зубайда всегда царила в его сердце, несмотря на его бесчисленные любовные связи.

В полигамном мусульманском обществе половой акт поощрялся: «О вы, которые уверовали! Не запрещайте приятное, которое дозволил вам Аллах» (Коран, V, 87). «Каждый раз, когда вы совершается плотское дело, вы подаете милостыню» (Хадисы). «Сладострастие и желание обладают красотой гор» (Хадисы, согласно Зайду ибн Али). Таким образом, в том, чтобы подарить своему мужу прекрасную молодую женщину, не было ничего достойного осуждения, и Зубайда неоднократно делала это, и в одном случае увлечение неожиданно затянулось на месяцы.

Однажды во дворце Яхьи Бармакида Харун услышал пение молодой темнокожей рабыни по имени Дананис, получившей самое лучшее музыкальное образование. По причинам, лишь отчасти связанными с искусством, он осыпал ее подарками, среди которых было ожерелье стоимостью в 30 000 дирхемов. Зубайда заволновалась. Чтобы убедить ее, что щедрые подношения были лишь вознаграждением певческого дарования Дананис, он предложил Зубайде самой ее послушать. И Дананис выступила перед аббасидскими принцами, которые также пришли в восторг. Зубайда успокоилась и в качестве извинения подарила Харуну десять прекрасных молодых рабынь.

Некоторые обитательницы гарема имели от Харуна детей. Мараджил родом из окрестностей Герата родила ему сына Абдаллаха, появившегося на свет в знаменитую Ночь судьбы. Впоследствии он стал великим халифом Мамуном и приказал убить Амина, которого в то же самое время вынашивала Зубайда и который стал его основным соперником. Другая рабыня по имени Марида, уроженка далекой Согдианы, принесла ему пятерых детей. Среди них также оказался будущий халиф Мутасим, которому предстояло унаследовать Мамуну. Харун страстно любил Мариду, и до нас дошло несколько историй об их любовных ссорах и примирениях при посредничестве поэтов.

На жизненном пути эмира правоверных попадались многие другие женщины, которые по ночам лишали сна Зубайду. Однажды, когда ее сильно встревожил успех некоей прекрасной соперницы у Харуна, она обратилась за советом к Улайе, младшей сестре халифа. Та пообещала вернуть ей царственного ветреника. Будучи талантливой поэтессой, Улайя написала стихи и положила их на музыку: «Даже если вырвут мне сердце, никогда оно не забудет о нем…» И когда тем же вечером Харун по своему обыкновению вышел прогуляться по одному из внутренних двориков дворца, молодые рабыни обеих принцесс затянули новую песню о примирении. Потрясенный халиф вернулся к

Зубайде, а на юных певиц обрушилась лавина динаров и дирхемов.

Дхат ал-Хал («Родинка»), Сихр («Очарование»), Дийя («Великолепие»), гречанка Хайлана (возможно, Елена)… Первая, на щеке у которой действительно была родинка, обошлась халифу в 30 000 динаров. Но в один прекрасный день она ее утратила во время ссоры с одной из женщин гарема, завидовавшей тому, что Харун проводит время с Родинкой. В ярости последняя отрезала нос своей противнице нос, которая посмела лишить ее бесценного украшения, и все это нашло завершение в стихотворении, которое исполнил несравненный Ибрагим ал-Мавсили. Была еще красавица Инан из Центральной Аравии, обладательница выдающегося поэтического дара, которую Харун не смог купить из-за непомерной цены, назначенной ее хозяином! Позднее в гареме появилась еще одна гречанка, на этот раз из Гераклеи, которая попала в плен во время боев за ее родной город.

В окружении всех этих молодых и соблазнительных соперниц стареющая Зубайда сумела сохранить любовь, преданность и уважение Харуна. Она поражала его своим вкусом, воображением, великолепием своего жилища, а также набожностью. Целыми днями в ее покоях около сотни молодых рабынь читали вслух Коран, сменяя друг друга группами по десять. Разумеется, она, не считая, тратила деньги на наряды и самые экстравагантные фантазии: у нее даже была обезьяна, при которой состояли тридцать человек, сопровождавшие ее во время прогулок. Однажды, выйдя из себя, один военачальник выхватил меч и разрубил животное пополам. Но ее великодушие и милосердие не знало границ. На многочисленных страницах, которые Масуди посвятил жизнеописанию аббасидских принцев и принцесс, он повествует о «важных делах и необыкновенной верности исламу», которые отличали Зубайду: «Благородство и величие этой принцессы, как в серьезных вещах, так и в развлечениях, вынуждают поставить ее на первое место. Она пожертвовала тысячи динаров на гостиницы, водоемы и колодцы, которыми она одарила Хеджаз и приграничные районы империи… и все это не в ущерб другим дарам, помощи и благодеяниям, которыми она осыпала нуждающихся».

Итак, насколько мы можем судить, в конце VIII в. Харун, великий восточный правитель, был также самым могущественным и самым богатым человеком в мире. Слава о нем достигла всех концов земли. Он жил во дворце, возвышавшемся над Тигром, в окружении сотен женщин, принцев, чиновников и прислужников и невероятной роскоши. Все это общество действовало,

интриговало и развлекалось в атмосфере изысканности и жестокости, достаточно точное представление о которой мы черпаем из документов и сказок того времени. Автор одного двустишия получал тысячи дирхемов, а иногда даже и динаров. Прекрасная певица, купленная на невольничьем рынке, входила в гарем повелителя правоверных или какого-нибудь принца, и ее самые безрассудные мечты тотчас же сбывались. Самая утонченная, но и самая грубая любовь царствовала среди редкостных и прекрасных сокровищ. Но добрый Харун совершал свои ночные прогулки по Багдаду в сопровождении палача Масрура, «меченосец его мщения», и именно добрый Харун приказал одному из своих сыновей обезглавить пленника, чтобы посмотреть, хорошо ли он овладел кривой турецкой саблей…

Миллионы и миллионы дирхемов

В обычные дни посетителей допускали во дворец в белой одежде, но во время торжественных приемов все должны были приходить в черном, который оставался цветом Аббасидов. Наряд включал в себя ряд обязательных элементов: кабаа, своего рода куртка с рукавами, доходившая до икр, калансува, высокая тюбетейка из шелка или меха, сабля и пояс. Во время подобных церемоний на Харуне была дураа, просторное шелковое или льняное одеяние с рукавами, застегивающееся спереди и щедро затканное золотом, и калансува с тюрбаном. На плечах его красовался плащ Пророка (бурда), а руках были жезл и сабля. Аудиенции имели место по случаю вручения наград, возложения новых обязанностей, победоносного возвращения военачальника. Самые торжественные и роскошные приемы устраивались для встречи посла, которого халиф стремился особенно поразить, чтобы он рассказал своему господину о могуществе повелителя правоверных.

По своему великолепию ни одно из празднеств, которые когда-либо проходили в багдадском дворце, не превзошло церемоний, сопровождавших женитьбу халифа Мамуна, сына Харуна, на Буран, дочери визиря Хасана ибн Сахла. Разговоры об этом событии не утихли на Востоке даже спустя несколько веков. Хасану, отцу невесты, свадьба обошлась в фантастическую сумму в 50 миллионов дирхемов; Зубайда по этому случаю истратила 35, а еще одна принцесса — 25 миллионов дирхемов. Летописцы той эпохи рассказывают, что Хасан приказал одарить приглашенных сосудами с мускусом размером с дыню. В каждый их них был вложен лист бумаги с названием земельного участка,

именем раба или рабыни, и пр. Чтобы завладеть этими подарками, часть которых стоила целое состояние, приглашенным было достаточно предъявить этот листок специальному чиновнику. Под ноги жениху летели бесчисленные жемчужины, и гостям оставалось лишь наклониться, чтобы их собрать. Наконец, бабушка невесты высыпала на нее целую тарелку отборного жемчуга, которую Мамун приказал тут же снова наполнить жемчужинами, чтобы подарить их своей молодой жене. По случаю этой свадьбы Зубайда подарила Буран знаменитую кофту, принадлежавшую Абде, жене омейядского халифа Хишама. Пуговицы на ней были сделаны из бриллиантов и рубинов. Празднование продолжалось двадцать семь дней, при этом не прекращалась раздача народу золотых и серебряных монет, сосудов с мускусом и амброй.

Празднества, отмечавшие восшествие Махди на трон, обошлись так дорого, что государственная казна на некоторое время опустела. Сохранилось также воспоминание о пирах, которые несколькими десятилетиями позже устроил халиф Мутавакил по случаю обрезания одного из своих сыновей, пригласив на них 4000 человек. Сиденья и подносы для напитков были инкрустированы драгоценными камнями, и были выставлены тарелки, наполненные золотыми монетами, откуда гости могли черпать полными пригоршнями. «Эмир правоверных велит вам брать все, что вы пожелаете», — выкрикивали служители. Членам халифской семьи и служителям был роздан миллион дирхемов. Каждый из приглашенных получил по три почетных одеяния, а для того, чтобы увезти все полученные подарки, в распоряжение гостей была предоставлена тысяча лошадей и ослов. На все это празднование халиф потратил 86 миллионов дирхемов.

Повседневная жизнь дворца, особенно после успешного для халифской казны внедрения налоговой политики Бармакидов во времена Харуна, была обставлена с такой же роскошью. «Родственнику, бедному, путешественнику доставляй то, в чем нуждается он; но не будь расточителен, расточая выше меры» (Коран, XVII, 28). От этого было очень далеко. Двор пил из золотых кубков, а Зубайда ела только из посуды из драгоценных металлов. Ложки были золотыми или хрустальными, и даже столы накрывали скатертями из золота или серебра. Внутри гарема можно было видеть лишь самые красивые и дорогие предметы: китайский фарфор, золотые и хрустальные вазы.

Рассказы летописцев, многочисленные описания «Тысячи и одной ночи», действие которой разворачивается в Багдаде, безусловно, точно отражают реальность… «Она поднесла им

золотую чашу и вазу, наполненные ароматной водой, для омовения рук, затем подала им чудесный кувшин, украшенный рубинами и бриллиантами… после чего она принесла им благовоние из алоэ в маленькой золотой курильнице». Или еще: «Принесли вино, налитое в золотые, серебряные и хрустальные кубки… юноши обрызгали гостей розовой водой с мускусом с помощью золотых кропил, украшенных драгоценными камнями».

Зубайда, у которой даже туфли были расшиты драгоценными камнями, буквально сгибалась под тяжестью своих украшений, и дело доходило до того, что иногда, для того чтобы удержаться на ногах, ей требовалась помощь двух рабынь. Она приказывала, чтобы ее носили в паланкине из серебра, эбенового дерева и сандала, устланного шелками и собольим мехом, с рукоятками из золота; внутри горели факелы из амбры. Она наполняла жемчужинами рот поэтам, которые пели ей хвалу. Хайзуран жила в такой же роскоши. Однажды она купила кусок ткани за баснословную сумму в 50 000 динаров. После ее смерти в ее сундуках насчитали 18 000 платьев. Израсходовать на красивую ткань[30] 1000 динаров не было чем-то необычным, а уж сумму в 500 динаров те принцы, которые делали подобные покупки в огромных количествах, тратили с легкостью.

Шелка, парча, тонкий лен, расшитый золотом и жемчугом… но были еще роскошные благовония. Они должны были гармонировать с одеждой, и их использование подчинялось четким правилам. Порошкообразный мускус смешивали с розовой водой, алоэ и гвоздикой, обрызгивали себя и даже пол бахрейнской амброй и розовым маслом. Ароматическими веществами умащали мертвых, жгли благовония в курильницах из драгоценных металлов самой разнообразной и изысканной формы. На пирах духи лились рекой. Одежда, пища, дома — все было пропитано самыми разнообразными ароматическими веществами. Воздух дворцовых залов также был насыщен ими. «Ладан, бензойная смола и духи для сжигания в зале, а также розовая вода и вода из цветков апельсина для обрызгивания наших гостей… я никогда не забуду ароматические масла и серебряные курильницы, наполненные душистой водой» («Тысяча и одна ночь»).

Обитатели дворца, как женщины, так и мужчины, носили множество украшений. Они надевали их на пальцы, шею и поверх одежды, богато отделанной рубинами, бриллиантами, бирюзой и янтарем. Повязки, которые они носили на голове, сверкали жемчугом и драгоценными камнями. Куртизанки и наложницы, сановники, принцы и принцессы соперничали в изяществе и излишествах. Пример самой необузданной расточительности

подавали Бармакиды. Джафар пригоршнями раздавал золото поэтам и музыкантам, и его дворец затмевал даже дворец халифа. Он без колебаний отдавал гигантские суммы на покупку понравившихся ему тканей и произведений искусства. Высшие чиновники и богатые купцы Багдада подражали ему по мере своих финансовых возможностей.

Узкий круг избранных

Эти мужчины и женщины, которых жесткий церемониал удерживал на почтительном расстоянии от халифа, говорили с ним, лишь смиренно склонившись, и только в ответ на его вопрос. Лишь небольшой привилегированной группе дозволялось приближаться к нему, разговаривать, даже спорить. Речь идет о надимах, товарищах халифа.

Еще Омейяды, а до них персидские Сасаниды окружали себя одаренными людьми. Саффах, первый в династии Аббасидов, часто призывал их к себе, но между ними всегда оставалась завеса. Мансур поступал точно так же. Махди первым начал общаться с ними лицом к лицу, запретив, однако, своим сыновьям Хади и Харуну видеться с ними под страхом порки. Став халифом, Хади сделал их своими собутыльниками. Харун узаконил данным институт, решив привлечь к нему людей, считавшихся выдающимися в литературе, искусстве, науке и богословии. Он присвоил им особый статус и назначил жалованье. Единственной обязанностью надимов, приравненных к высшим чиновникам, было развлекать и занимать его. Помимо достаточно высокого жалованья Харун дарил им серебро, если им удавалось особенно отличиться: так, певец Ибрагим ал-Мавсили получил 4000 дирхемов за одно из своих произведений.

Надимы должны были развлекать без вульгарности, наставлять без педантизма, проявлять как серьезность, так и остроумие, уметь поддержать разговор на любую тему, включая кушанья, а при случае даже их готовить[31]. Кроме того, от них требовалось умение охотиться, стрелять по мишени, прекрасно играть в мяч, а главное, в шахматы[32]. Согласно Масуди, Харун первым из халифов начал играть в шахматы: «Невозможно жить без развлечения, и для властелина не существует ничего лучше, чем шахматы». Вместе со своими надимами Харун играл еще и в триктрак, и нам рассказывают, что однажды он поставил на кон свою одежду, проиграл и был вынужден полностью разоблачиться.

Надимы собирались несколько раз в неделю по вечерам,

зимой во дворце, в остальное время — в садах. Они носили особую одежду: дураа поверх рубахи и тюрбан из шелковой ткани, затканной или вышитой золотом. Сев перед халифом, по четыре или пять человек с каждой стороны, они отвечали на его вопросы, рассказывали истории, декламировали стихи и пили вино: «Когда товарищи ночных бдений и рассказчики царя приходят к нему, никто не должен разжимать губ первым или перебивать, чтобы возразить ему, даже если речь идет о вещах редких, о которых интересно рассказать. Только одно стремление должно быть у каждого — старательно слушать речи царя и уделять им все свое внимание… Говоря с царем, должно тщательно выбирать слова, не торопясь, не жестикулируя руками и не тряся головой, не съезжая со своего сиденья, не меняя положения тела и не направляя взгляда ни на кого другого, кроме царя»[33].

Из всех своих надимов Харун ар-Рашид более всего ценил Исхака, сына Ибрагима ал-Мавсили, также входившего в число его надим и прославленного музыканта. Помимо артистического таланта Исхак славился познаниями в истории, грамматике и поэзии. Однажды Харун сказал ему: «Если бы ты не был певцом, я бы сделал тебя судьей». Исхак неоднократно фигурирует в «Тысяче и одной ночи»: «У халифа Харуна ар-Рашида, наместника Господа трех миров и Эмира правоверных, среди его близких друзей и стольников был товарищ, с которым они вместе поднимали кубок, и любимый друг, чьи пальцы владели гармонией, руки были любимы лютней и чьему голосу завидовали соловьи. Это был музыкант, царь музыкантов и музыкальное диво своего времени, чудесный певец Исхак ал-Надим из Мосула. А халиф, любивший его великой любовью, отдал ему для жизни прекраснейший и превосходнейший из своих дворцов» (Ночь 926-я).

Не меньше радовали Харуна остроумные реплики поэта Абу-л-Атахии. Многие другие надимы, известные своими талантами, надолго или всего на несколько месяцев становились товарищами халифа в его ночных бдениях. Среди них был прославленный Абу Нувас, один из величайших арабских поэтов, Аббас ал-Ахнаф, Салм ал-Кашир, Мерван ибн Хафсан и другие поэты и музыканты.

Ибрагим, сводный брат Харуна[34], занимал особое место в окружении повелителя. Этого надима действительно ждала необычная судьба, поскольку впоследствии он и сам ненадолго занял халифский трон.

Ибрагим и Улайя, получившие очень глубокое образование, стали певцами и музыкантами, «такими, каких не бывало ни до, ни после проповеди ислама». Харун, который был значительно

старше обоих, питал к ним самые нежные чувства. Назначив Ибрагима наместником Дамаска, он так тосковал в разлуке с ним, что отозвал его обратно в Багдад и ввел в круг своих ближайших друзей. Ему никогда не надоедало его слушать, но только наедине, поскольку было не принято, чтобы принц крови выступал перед кем-то кроме собственного семейства. Багдадская аристократия, как и все остальные слои общества, чрезвычайно увлекалась лирической поэзией[35]. Общественное мнение вставало на сторону того или иного поэта, подобно тому, как это происходило в Вене или малых столицах Италии в XIX в. Великие музыканты, вроде Исхака, стояли на одном уровне с самыми влиятельными лицами. Сам Харун, являвшийся подлинным меломаном, питал страсть к поэмам Абу Нуваса или Абу-л-Атахии в исполнении своего сводного брата, которому аккомпанировали певицы, гобоисты и лютнисты. Однажды, когда Ибрагим пришел к халифу, тот разрешил ему спеть поэму Ахваза перед небольшой группой своих ближайших друзей, которые его никогда не слышали. После выступления переполненный восхищением Харун приказал немедленно отсыпать Ибрагиму миллион дирхемов, и этот высокорослый и смуглый человек, своенравный и расточительный, наверное, промотал их в тот же самый день.

В транжирстве Ибрагим настолько превосходил Харуна ар-Рашида, который и сам не пользовался репутацией скупца, что однажды халиф даже разгневался. Ибрагим пригласил халифа и подал ему рыбу, нарезанную небольшими кусками. «Что это за рыба?» — спросил Харун. — «То, что ты принял за куски, это на самом деле только рыбьи языки». — «И сколько же их у тебя?» Хозяин дома ответил, что их более 150. «И во сколько же тебе все это обошлось?» — «По меньшей мере в 1000 дирхемов». Харун отказался от угощения и потребовал, чтобы Ибрагим отдал ему такую же сумму. Ибрагим подчинился. «Это серебро будет потрачено на милостыню, — сказал халиф и потребовал, чтобы Ибрагим дал еще 1000 дирхемов: — Это чтобы искупить твою расточительность, и не только эти суммы будут отданы бедным, но еще и тарелка, на которой была подана эта рыба»[36]. А она стоила более 300 дирхемов.

Завидуя таланту и успехам других артистов, Ибрагим, отличавшийся непомерным тщеславием, изгонял из своего ближайшего окружения певцов и музыкантов, которых слишком хвалили. В числе прочих настоящую ненависть у него вызывали Исхак и его отец. Став халифом, он, однако, не воспользовался своим кратковременным могуществом, чтобы расквитаться со своими соперниками на артистическом поприще. Не замарав рук пролитой кровью, этот яркий персонаж снова занял свое место во

дворце, войдя в число надимов при сыне ар-Рашида Мамуне, который простил его за короткую узурпацию.

Совершенно иным человеком был Джафар Бармакид, самый близкий и самый любимый — странной любовью, как утверждали некоторые, правда, без доказательств, — друг праведного халифа. Ибрагим был огромного роста и не слишком пригожий, а Джафара отличали миниатюрность и красота, которую однажды воспел Ибрагим: «Когда описывают его красоту, пытаются сравнить ее с чистым золотом древнеегипетских монет, с жемчугом, который, скрываясь, в глубине своей раковины, доводит до отчаяния ловца; или же с золотом, которое золотильщик нанес на лист книги». Как говорят, услышав эти строки, Джафар пришел в восторг.

Являясь арбитром изящества, Джафар, всегда одетый с чрезвычайной изысканностью, был законодателем моды. Именно он ввел в употребление воротнички, чтобы спрятать свою собственную, несколько длинноватую шею. Его же рассказчики называют спутником Харуна в его ночных прогулках по Багдаду, когда халиф ощущал «стеснение в груди» — иначе говоря, скучал, — или когда он хотел «разузнать о деяниях наместников и вали, чтобы сместить тех из них, на которых обнаружатся жалобы» («Тысяча и одна ночь»).

Будучи помощником халифа и символом эпохи, когда в империи царили справедливость и благоденствие, Джафар, наряду со своим отцом Яхьей, был наиболее близким к Харуну человеком, который, как и Яхья, пользовался наибольшим влиянием вплоть до того момента, когда повелитель правоверных порвал с Бармакидами. Это был человек высочайшей культуры, замечательный каллиграф и юрист, писатель и оратор, обладавший веселым и жизнерадостным характером. В начале правления Харуна их сблизил общий вкус к удовольствиям, и между ними завязалась пылкая дружба. Поселившись в крыле дворца ал-Хулд, где жил и сам повелитель правоверных, Джафар проводил с ним все вечера вместе с остальными надимами и певицами. Учитывая их общее пристрастие к вину — Харун пил вино дважды в неделю[37], — можно себе представить, что такие развлекательные вечера часто превращались в попойку, что не мешало Джафару, отличавшемуся незаурядной одаренностью и работоспособностью, рано утром приступать к своим многочисленным обязанностям.

Мы увидим, что впоследствии Харун назначил его наместником Египта, а затем отправил его в Сирию, чтобы пресечь беспорядки. Однако в основном Джафар занимал разнообразные посты при дворе, где он заседал нередко вместе со

своим отцом Яхьей и братом Фадлом, выслушивая жалобы народа и карая злоупотребления. В течение нескольких лет он был хранителем государственной печати, командовал халифской гвардией, руководил «разведывательной службой» (барид), ткацкими мастерскими (тираз), обладавшими чуть ли не имперской монополией на производство самых роскошных тканей, и монетным двором (вплоть до того, что на монетах порой значилось его имя). На всех этих поприщах он проявил свои необыкновенные способности, ум и чувство ответственности. По словам Ибн Халдуна, «он держал в руках управление всей империей» (Ибн Халдун). Наконец, Харун поручил ему опеку над Мамуном, когда тот был назначен вторым наследником после своего старшего брата Амина, сына Зубайды, которого Харун выбрал своим будущим преемником. «Богатый, как Джафар», — говорили в Багдаде. Рассказывают, что однажды певец Ибрагим ал-Мавсили, оказавшись вместе с Харуном и Джафаром, увидел прекрасный сад и захотел его посетить. «Продается ли он?» — «Да». — «Сколько?» — «14 000 динаров». Он тотчас же сочинил стихотворение об этом саде и прочитал его перед Харуном. Тот приказал выдать ему требуемую сумму, к которой Джафар прибавил 5000 динаров. Его щедрость, вошедшая в поговорку, могла сравниться только с роскошью, в которой он жил. С благоразумием, которому мог бы позавидовать Фуке, он по совету Ибрагима ал-Махди подарил свой великолепный, только что выстроенный дворец своему ученику Мамуну. Как страстный любитель музыки и поэзии, музыкант, он окружал себя лучшими поэтами, певцами и певицами и роскошно вознаграждал их, рекомендовал халифу, а при необходимости защищал, если соперники посягали на их благополучие. Впоследствии один из его подопечных, Абу Заккар, не захотел пережить его и пожелал разделить его страшную участь.

Его прекрасное чувство юмора, щедрость и влияние на халифа, которым, как все знали, он обладал, делали его одним из самых популярных людей в Багдаде. Его шумно приветствовали на улицах, и, возможно, его слава как раз и способствовала его финальному краху.

Фадл, старший брат Джафара, также входил в число надимов. Уступая блеском лишь последнему, он, по словам Табари, обладал большим опытом и показал себя «более способным в делах».

Он был менее привязан к наслаждениям, чем его брат, не пил вина и воздерживался от участия в самых буйных вечерних застольях. Он был не менее щедрым и также осыпал милостями поэтов, назначая многим из них ежегодное жалованье. Одному

индийцу, сочинившему о нем поэму, он дал 1000 динаров, скакового верблюда и одеяние, а переводчику досталось 500 динаров.

Фадл был серьезным и умным человеком, настоящим тружеником. Он на какое-то время заменял своего отца во главе правительства и тоже хранил государственную печать, пока Харун не передал ее Джафару. Он долгое время оставался доверенным лицом халифа, который, в основном, поручал ему управление провинциями и командование военными походами. Фадлу довелось послужить наместником Западного Ирана (а до того, возможно, провинции Рейи[38]), а главное, Хорасана, где он добился очень многого за счет проводимой им политики примирения в этой традиционно беспокойной провинции. Там он завоевал невероятную популярность, и говорят, что в течение его наместничества 20 000 детей были названы его именем в знак признательности за благодеяния, которые он оказал народу.

Манипулировать этим молочным братом Харуна (его кормила грудью Хайзуран), обладателем цельного и властного характера, было непросто. Он больше стремился к примирению с Алидами, чем Харун, и впал в немилость после того, как один из них, находившийся под его покровительством, сбежал. Однако он остался наставником принца Амина, поспособствовав тому, чтобы именно его подопечный был провозглашен основным наследником. Постоянное соперничество с Джафаром и тот факт, что один из них был опекуном наследного принца, а второй — его главного конкурента, следующего за ним по праву первородства, не способствовал урегулированию ситуации ни внутри семьи Бармекидов, ни в ее отношениях с Харуном.

У Яхьи Бармакида было еще два сына — Муса, ставший наместником Сирии, и Мухаммед. Оба, особенно Мухаммед, долгое время входили в круг ближайших друзей халифа. Они оба носили титул эмира, который от них, в свою очередь, перешел к их детям и племянникам. Брат Яхьи Мухаммед ибн Халид девять лет подряд занимал пост халифского постельничего.

В окружении Харуна Бармакиды встретили своего главного соперника ал-Фадла ибн ал-Раби, звезда которого разгоралась все ярче, по мере того как их — угасала. После их падения, которому он немало содействовал, Фадл ибн ал-Раби стал правой рукой Харуна. Ал-Раби ибн Юнус, его отец, был человеком низкого происхождения, но его ум и таланты позволили ему осуществлять важные функции при Мансуре, в том числе — обязанности хаджиб. Он пользовался полным доверием халифа, который поручил ему заведовать расходами, а потом назначил его визирем (тогда это подразумевало, скорее, высокое звание, чем

конкретные функции), в то время как его сын занял его пост хаджиба. Фадл также был очень близок с халифом Мансуром, а затем и Харуном. Он получил государственную печать, затем в 795 г. был назначен хаджибом, а в 803 г., когда Бармакидов постигла опала, — визирем. Являясь доверенным советником Харуна, к чьему мнению очень прислушивалась и Зубайда, он оставался одной из ключевых фигур двора в период, когда политические, военные и административные функции, которые, как правило, не имели четкого разделения и часто смешивались с более щекотливыми обязанностями товарища халифа, принимавшего участие во всех забавах повелителя правоверных.

Во дворце принимали и других чиновников и высокопоставленных лиц: в первую очередь, аббасидских принцев, сводных братьев, дядей, племянников и двоюродных братьев Харуна — Аллаха ибн Мухаммеда, Али, знаменитого Абд ал-Самада, служившего пяти халифам, и многих других. Военачальник Харсама, с которым мы уже встречались, Али ибн Иса, будущий наместник Хорасана, многие другие полководцы, врач халифа Джибрил, богослов и кади Абу Юсуф также были близки этому тесному и замкнутому мирку, где рождались и рушились интриги, махинации, борьба за влияние.

ГЛАВА III

ПЕРВЫЕ ТЕНИ НАД ЦАРСТВОМ БЛАГОДАТИ

Сами крестьяне плохо обращались с бедняками, какие жили среди них.

Дионисий Теллмахрский

Цена расточительства

Щедрость халифа и принцев, непомерная роскошь женщин и мужчин, райские сады и постройки… Когда императрица усеивает свои туфли драгоценными камнями и наполняет жемчугом рот поэта, откуда у нее берутся головокружительные суммы, необходимые для подобных причуд? Набеги на Византию почти не приносили трофеев (великие завоевания уже закончились), а прибылей от торговли было явно недостаточно, хотя расходы двора и способствовали ее развитию. В империи Аббасидов, как, впрочем, и в любой другой, существовал только один источник, из которого государство черпало без всяких ограничений: кошельки тех, кого мы сегодня недвусмысленно именуем налогоплательщиками.

Система налогов была достаточно простой. Мусульмане платили добровольную милостыню (закат, садака), приравненную к десятине (ytup), — это одна из пяти заповедей ислама. Немусульмане платили подушную подать, джизью, а также поземельный налог, харадж (местное население в массовом порядке принимало ислам, чтобы избежать этого налога). Однако впоследствии этот побор распространился на все земли вне зависимости от вероисповедания своих владельцев. Фай, земельная собственность, захваченная во время завоевания, включала общинные угодья, к которым причислялось недвижимое имущество побежденных — государств, церквей, бежавших землевладельцев и пр. Государство могло либо эксплуатировать эти земли напрямую, либо передать их в частные руки на условиях уплаты налога. Таким образом, эта система, называемая катиа, или ик-та, которая была в ходу у византийцев, представляла собой долгосрочную аренду государственного имущества. Позднее, в XI в., появился вакф, своеобразная форма

имущества, предназначенная для использования определенным выгодоприобретателям (частным лицам или государственным структурам: мечетям, караван-сараям, больницам). Вакф, или хабу, сохранился до наших дней.

Налог (харадж) полагалось уплачивать либо натурой в размере, который колебался от четверти до половины урожая в зависимости от конкретной культуры, либо деньгами. В этом случае его рассчитывали в зависимости от площади земли, типа культуры, а главное, качества орошения. Первая система применялась, главным образом, в Саваде, области по соседству с Багдадом, а вторая почти повсеместно. В каждом округе налог собирал государственный чиновник или откупщик. В этом случае представитель фиска назначал к выплате сумму, разумеется, ниже фактического размера налога, а разница составляла прибыль откупщика. Эта система, применявшаяся с незапамятных времен и до сих пор не вышедшая из употребления, вероятно, оставляет много места для злоупотреблений. Кроме того, крестьяне — налогоплательщики — были обязаны оплачивать большую часть расходов по сбору налогов и обеспечению жильем тех, кто выполнял эту функцию.

К этим налогам добавлялись другие, открывая простор для новых вымогательств — штрафов, конфискаций «незаконно» приобретенного имущества и земли, пошлин за защиту органов правопорядка. Дионисий Теллмахрский, монофизитский патриарх Верхней Месопотамии, в своей «Сирийской хронике» нарисовал мрачную картину участи простых людей в этом регионе незадолго до прихода Харуна к власти. В других областях империи ситуация, скорее всего, была совершенно такой же. При Харуне жизнь низших сословий нисколько не улучшилась, даже наоборот. Так, Дионисий упоминает об одном сборщике налогов, который самовольно включил в государственные угодья пространство примерно в 20 метров вокруг любого здания, которое можно было считать государственным. Другой взимал налог на любые товары, находившиеся в частных домах и лавках. Поборами облагалось все, говорит Дионисий, «включая пчел, голубей и кур», а размер налога определялся совершенно произвольно.

Если сумма налога рассчитывалась в деньгах, это обязывало крестьян немедленно продавать свой урожай, чаще всего купцам, состоявшим в сговоре с налоговой службой и предлагавшим им лишь половину реальной стоимости. За задержкой выплаты следовала жестокая кара, нередко с применением пыток. Самый мягкий способ заключался в том, что должника держали взаперти вплоть до уплаты налога. Не желая продавать свою пшеницу по

бросовой цене, крестьянин часто брал деньги в долг, чтобы заплатить налог, а потом, оказавшись не в состоянии заплатить, отправлялся в город, чтобы занять еще денег и вернуть первый долг. Возникали безвыходные ситуации, когда крестьяне просились под «покровительство» аристократов вместе со своим имуществом, в результате лишаясь статуса свободных людей и одновременно своей земли, которая очень быстро оказывалась захваченной. Другие пускались в бега, чтобы избавиться от сборщика налогов, и увеличивали собой армию безработных. Они ходили из деревни в деревню в поисках пропитания и чаще всего, в конце концов, прибивались к разбойничьим бандам. Власти преследовали их, и, когда их удавалось поймать, их метили несмываемыми надписями и заставляли вернуть общине, связанной круговой порукой, всю сумму невыплаченных ими налогов. В результате все жители деревни были заинтересованы в том, чтобы вернуть своих беглых собратьев. Они без колебаний сами пускались в погоню за ними, тем самым усиливая трения в крестьянской среде. Кроме того, подобные побеги крестьян имели пагубные последствия для экономики, и власти пытались вновь заселить обезлюдевшие деревни, но не всегда успешно.

Такую же нищету в ту эпоху можно было наблюдать почти во всех сельских районах Востока: в Северной Африке, Сирии, Египте (где были введены обязательные паспорта) и Иране. В Хорасане и Мавераннахре древние идеи аграрного эгалитаризма усиливали социальный характер восстаний, которые вспыхнули почти повсеместно. Они сочетались с различными выступлениями мессианского толка[39], вроде движения Санбада Мага, Устади, «скрытого вуалью пророка» ал-Муканны, или же Абу Муслима Убиенного.

Не все крестьянские мятежи были социального происхождения. В качестве примера можно привести ситуацию в Египте в 785 г., когда омейядское восстание пошатнуло позиции аббасидских властей, но каждый раз нищета способствовала обострению любого политического или религиозного конфликта. Начиная со второй половины VIII в. пропасть между нищетой народа и головокружительной роскошью двора и привилегированных классов непрестанно расширялась.

Мансур, один из величайших мусульманских правителей, в то же время был одним из самых суровых по отношению к налогоплательщикам. Этот «самый жадный из всех халифов из рода Аббаса», по выражению Табари, не стал менять установленный при Омейядах налоговый режим. Основной для этого режима служила, преимущественно, сельскохозяйственная экономика, и он значительно варьировался в зависимости от

провинции. По причине стремительной урбанизации города платили гораздо меньше, чем сельские районы. Богатые купцы были практически свободны от налогов, поскольку вопрос об уплате был предоставлен их совести. Пошлины за ввоз импортных товаров также были очень низкими, и многие торговцы полностью от них уклонялись. Мансур попытался усилить контроль, но не имел особого успеха. Таким образом, все бремя налогов лежало на сельском хозяйстве, поскольку до крестьянина было легко добраться и так же легко применить к нему любые меры воздействия.

Расточительный Махди, который постоянно нуждался в огромных денежных суммах, передал право сбора налогов армии. В тот момент это был прекрасный ход, но, в то же время, он привел к тому, что условия сбора налогов стали еще более суровыми. Несмотря на развитие сельского хозяйства, можно было наблюдать снижение уровня жизни крестьянства.

Бармакиды не предприняли ничего, что могло бы исправить положение. Будучи выдающимся администратором, Яхья стремился прежде всего увеличить богатства государства, халифа и, вполне понятно, собственной семьи и близких. Он, не колеблясь, конфисковывал земли в пользу халифа или кого-то из Бармакидов: под более или менее законным предлогом он отчуждал у владельцев выморочные или оставленные жителями владения, лавки, а также дома и земли, принадлежавшие «врагам» государства или ислама. В результате халиф и его семья[40] стали хозяевами огромных владений, приносивших колоссальный доход: для того чтобы распоряжаться землями в Египте, принадлежавшими Зубайде, был назначен специальный управляющий.

Судьба народа практически не волновала непреклонного финансиста Яхью. Он никогда не помышлял о проведении налоговых реформ, за которые ратовали самые проницательные люди в окружении халифа. Он увеличил сбор налогов за счет лучшей организации и, главное, потребовал, чтобы они взимались в соответствии с объемом урожая. Кроме того, он назначил специальных чиновников, ответственных за сбор недоимок. В районе Мосула они проявили особую непреклонность. Налогом был обложен весь без исключения домашний скот, недоимки были выколочены, и даже арабы, которые до этого времени пользовались некоторыми налоговыми послаблениями, теперь их полностью утратили. Крестьяне восстали, кое-кто бежал, особенно в Азербайджан, где они примыкали к войскам, уже успевшим взять в руки оружие, чтобы выступить против отмены привилегий, данных арабам при

переселении. И в этом особенно уязвимом регионе, где нередкими были набеги хазар, к мятежникам не замедлили присоединиться неуправляемые элементы.

Социальные и религиозные волнения

В Египте и Северной Африке социальные движения сопровождались антимусульманскими выступлениями. В 767 г. копты разбили мусульманские силы, присланные из Фустата для восстановления порядка. Аббасидам, в то время занятым борьбой с берберами, потребовалось пять лет, чтобы отбить Кайруан и подавить восстание. Однако при Харуне, после введения налога на распашку нови, пришел черед восстать арабам, жившим к востоку от дельты в районе Хауфа. После того как восставшие разбили регулярные силы и убили префекта, из Сирии были присланы свежие войска под командованием Харсамы ибн Айяна, одного из выдающихся военачальников Харуна ар-Рашида, чтобы положить конец беспорядку. В 789 г. были собраны дополнительные силы в 10 000 человек. Они немедленно выступили против крестьян, которые восстали в ответ на новое увеличение поземельного налога по инициативе префекта. В 793 г. последовали новый рост налогов и новые стычки, но на этот раз более серьезные. Чтобы восстановить мир, властям пришлось прислать подкрепление. Спокойствие оказалось недолговечным, и Харуну снова направил войска из Багдада, чтобы подавить новое восстание, разразившееся на другом берегу Красного моря, на юге Синая, а затем в самом Фустате, который предали огню и мечу взбунтовавшиеся солдаты. Они протестовали против «исправления» своего жалованья правительством, решившим выплачивать им 1/3 деньгами, 1/3 пшеницей и 1 /3 тканью[41]!

В Хорасане и Западном Иране другие причины усугубили недовольство, вызванное лихоимством и злоупотреблениями. В этих провинциях, ставших колыбелью аббасидской революции и давших новой империи ее самых выдающихся людей, волнения никогда не прекращались. Их инициировали и поддерживали противники Омейядов, привлекая к себе массы с помощью всевозможных обещаний, в частности, социального порядка, но они не были в состоянии сдержать свои посулы, и разочарование их сторонников соответствовало утраченным иллюзиям. Отчаявшись в своих надеждах, крестьяне возлагали вину на местных вождей, дикханов, и арабов. Мессианская пропаганда, распространившаяся в момент революции, слились с местными

верованиями и, для многих, с отрицанием ислама. Для самозванных «посланников Бога» или «воплощений» Абу Муслима и им подобных не было ничего проще, чем собрать толпы бедняков, готовых поверить во что угодно, если только пообещать им лучшую жизнь. Они приветствовали любые движения, даже если те были напрямую связаны со старым манихейством или с древнеперсидской культурой, хотя иранское национальное самосознание, безусловно, оставалось совершенно в стороне от этих восстаний, так как участвовавшие в них люди были готовы пойти за каждым, кто выступит против власть имущих.

Таким образом, на момент восшествия Харуна на престол в большинстве провинций Персии шли выступления против существующего порядка. Самое опасное движение под предводительством ал-Муканны («скрытого вуалью пророка»), действовавшее в Хорасане и Мавераннахре; оказалось очень трудно искоренить. Однако ему на смену пришли мухаммирриты, исповедовавшие аналогичную идеологию. А были еще близкие к маздакизм хуррамиты и многие другие. В 796 г., после нескольких лет жестоких боев, войска Харуна наконец смогли с ними справиться.

В Табаристане и Дейлеме, областях, расположенных на побережье Каспийского моря, агитация в основном принимала форму поддержки Алидов или хариджитов. Потомок Хасана (одного из сыновей Али) Яхья ибн Абдаллах открыто выступил против Аббасидов при поддержке вождей местных племен и значительной части населения. События очень быстро приняли тревожный оборот. Силы местных гарнизонов оказались недостаточными, и, казалось, они вообще не испытывали особого желания преследовать потомка двоюродного брата и зятя Пророка, а потому борьба с восставшими, количество которых постоянно росло, шла без заметных успехов.

В 792 г. Харун ар-Рашид поставил Фадла Бармакида во главе западных провинций Ирана. Это был самый удачный выбор из возможных. Фадл воспользовался неблагоприятными погодными условиями, мешавшими военным действиям, для переговоров. Яхья ибн Абдаллах согласился сдаться в обмен на официальные гарантии. Халиф лично подписал документ, заверенный также багдадскими законоучителями и хашимитами[42]. Получив богатые дары, Яхья удалился в Медину. Но, несмотря на этот аман, он впоследствии был убит: верность данному слову не была сильной стороной Харуна ар-Рашида. Фадл, которому удалось положить конец восстанию без пролития крови, помимо этого, проделал большую работу, включавшую строительство караван-сараев и мечетей, в частности в Бухаре, и рытье канала в

Балхе[43]. Наконец, он простил народу невыплаченные налоги. В результате ему удалось установить мир на территории до самого Кабула и впервые завоеванного Бамиана.

Именно в это время Фадл набрал в Хорасане войско численностью в 50 000 человек, 20 000 из которых под командованием военачальника Харсамы была отправлены в западные области империи, а остальные — в Багдад. Эти силы, призванные подкрепить карательные отряды, действовавшие при подавлении восстаний и более благосклонные к Бармакидам, чем абна, получили название аббасийя. Мы еще к ним вернемся.

Когда с восстанием Яхьи было покончено, недоверие Харуна к Алидам не улетучилось, совсем напротив, оно обратилось против Мусы ал-Касима[44], прямого потомка Хусейна, сына Али, убитого в Кербеле. Этот уважаемый всеми святой человек был взят под арест при Махди, а затем опущен. Он не вел никакой политической деятельности, но Харун приказал снова заключить его под стражу. Он умер в заточении, возможно, естественной смертью, хотя Харуна и обвиняли в его убийстве.

Империю сотрясали и другие религиозные движения с социальной окраской. Большинство из них опиралось на идеи хариджитов, исламской секты, образовавшейся после битвы при Сиффине в 657 г. Хариджиты, в основе учения которых лежало понятие свободы воли и ответственности человека, требовали права свободно избирать главу общины, независимо от его арабского или неарабского происхождения, и права восставать против него, а также выступали против единого халифа. Они разделялись на несколько течений[45], но все они боролись с государственной властью.

В первые годы правления Харуна в Джазире, в районе Нисибина, вспыхнуло хариджитское восстание, возглавил которое племенной вождь Валид ибн Тариф. Во главе тридцатитысячной армии Тариф напал на Азербайджан и Армению, которые быстро покорил. В течение двух лет Тариф собирал налоги, и авторитет центральной власти был попран. Чтобы положить конец восстанию, Харуну пришлось прислать военачальника Язида ибн Шайбани, одного из тех, кто сильнее всех противодействовал ему в момент его прихода к власти. Этот первоклассный полководец, вместе с которым Харун сражался с византийцами, в конце концов убил Валида.

В Хорасане, в районе Герата, произошло еще одно возмущение, связанное с теми же самыми религиозными и социальными причинами. Хариджит по имени Хамза ибн Адрак поднял восстание, возложил на себя титул эмира правоверных и убил наместника. Будучи отброшен в результате кровавого

поражения, он укрылся в Сиджистане, а потом в Кирмане. Понадобились годы борьбы, чтобы сломить это восстание, основанное на террористической деятельности и вменявшее каждому правоверному в обязанность сражаться с халифской властью и всеми, кто ее поддерживает. Победить Адрака, обладавшего замечательной организацией, хорошей армией и удивительно действенной пропагандистской машиной, удалось только в 820 г. отрядам самообороны, созданным жителями Нишапура.

На всех этих территориях социальное недовольство и религиозные противоречия усугублялись произволом властей и жестокостью отдельных наместников. К восстанию всегда приводила нищета людей. И еще тирания, особенно если она сопровождалась вымогательством, усиливавшим нищету. Однако религиозная ненависть также могла быть очень сильной, и отвести религиозному чувству видное место в числе движущих сил человеческих поступков — вовсе не означает скатиться в иррационализм и суеверие.

Например, вполне очевидно, что объяснять события VII и VIII вв. так называемым конфликтом между семитами и ариями несерьезно. Нужно ли говорить, что население Хорасана и побережья Каспия или же Йемена и Хеджаза никогда не подходило к существующим проблемам с подобной терминологией и что нет смысла говорить о наличии в эту эпоху персидского или арабского «национализма»? К тому же было бы ошибкой рассматривать шиизм и связанные с ним ереси как исключительно иранское явление. Родиной шиизма, являвшегося, «по сути, арабским движением» (C. Cahen), были Месопотамия и Северная Сирия. Впоследствии его восприняли некоторые слои живших в городах иранцев. «Именно арабы ввезли шиизм в Персию, где его главными оплотами стал гарнизонный город Кум и колония в Куфе. Выражаемый шиизмом протест представлял собой социальное недовольство арабской аристократией, ее верой, ее государством и ее приспешниками, а не национальное возмущения против арабов вообще» (B. Lewis).

С первых лет правления Харуна ар-Рашида политические, религиозные и социальные беспорядки, которые не прекращали сотрясать империю с самого начала режима Аббасидов, приобретали все большую остроту. То тут, то там за ослепительным фасадом можно было распознать первые признаки, позволявшие предсказать потрясения, которым вскоре предстояло поставить под угрозу единство колоссального сооружения, построенного первыми двумя арабскими династиями. Крайняя централизация власти, еще усилившаяся

при Харуне и Бармакидах, из-за которой все решения, даже в отношении отдаленных провинций, принимались только в Багдаде, сделала империю уязвимой. Благодаря прекрасной работе разведывательной службы барид центральная власть получала сведения обо всем, что происходило в больших и малых городах до самых границ империи. Однако этого было недостаточно, и приказы халифа и визиря, доходившие через много недель, не приносили тех результатов, которых мог бы добиться наместник, принимая решения на месте. Каковы бы ни были полномочия наместников, далеко не все они были способными и надежными людьми. Мы уже видели, что, когда в какой-то провинции неожиданно разражался кризис, халифу приходилось отправлять на место облеченного властью человека: например, Фадла Бармакида в Иран, Джафара — в Сирию. И они быстро восстанавливали порядок.

Тем не менее центробежные процессы, которые вскоре можно будет наблюдать во многих частях империи, пока не приобрели пугающего характера, и кризисы удавалось разрешать, хотя порой и с большим трудом. Казалось, что численности войск недостаточно, чтобы поддерживать порядок повсеместно, но набрать новых воинов было довольно просто, и, хотя арабы проявляли все меньше желания встать под знамена, Иран и Хорасан обеспечивали армии личным составом. Время, когда халифы доверили государство и собственную безопасность наемникам[46], еще не настало.

Халиф берет власть в свои руки

Первая часть правления Харуна закончилась. Юный неопытный принц превратился в монарха, все более осознающего свою чуть ли не безграничную власть. Повелитель правоверных больше не был игрушкой в руках женщин и Бармакидов: нам известно о решениях, которые он принимал вопреки совету Яхьи и даже против воли императрицы Хайзуран. Именно Харун, легко впадающий в раздражение, уверенный в себе, обеспокоенный всем, что могло угрожать его власти, приказал арестовать благочестивого и безобидного Мусу ал-Касима, разделаться с Яхьей ибн Абдаллахом, которому сам же пообещал жизнь и безопасность. Он не был ни милым персонажем театра кукол, ни «добрым Харуном» из восточных легенд, а человеком, который не терпел противодействия и даже возражений. Как большинство глав государств, он теперь предпочитал окружать себя, скорее, покладистыми, нежели слишком талантливыми людьми. Фадлу

ал-Бармаки очень скоро пришлось почувствовать это на себе.

Будучи очень способным администратором и военачальником, Фадл без колебаний спорил с халифом и даже не выполнял некоторые из его решений. Эта несовместимость характеров стала одной из причин его опалы. Но хуже всего были чрезмерные, с точки зрения Харуна, успехи, достигнутые «младшим визирем» в Хорасане, и покровительство, которое он, как болтали злые языки, оказывал Алидам. Бармакиды выказывали по отношению к последним больше терпимости, чем Харун, всегда готовый подозревать потомков Али в желании отыграться. Фадл, осыпанный благодарностями халифа по возвращении из Хорасана, больше никогда не получал ответственных поручений. Несколькими годами позже он был отстранен от исполнения своих административных обязанностей.

Наместником Хорасана был назначен Али Иса ибн Махан, который совершал в этой провинции ошибку за ошибкой. Однако он принадлежал к фракции, противостоявшей Бармакидам. Кроме того, он командовал аб-ной, которая выражала недовольство созданием аббасийи, воинского корпуса, сформированного Фадлом в восточных провинциях. Сиро-иракским отрядам создание новой армии понравилось ничуть не больше. Яхья попытался воспротивиться назначению Исы ибн Махана, которого считал бездарным. Но тщетно. На самом деле халиф, без сомнения, выбрал его именно потому, что это раздражало Бармакидов, чье влияние он стремился уравновесить.

Следуя одно за другим, отстранение Фадла, возвышение его соперника вопреки советам Яхьи, назначение Фадла ибн Раби, одного из кровных врагов Бармакидов, вокруг которого теперь сплотились все недруги этой семьи, на место брата Яхьи Мухаммеда, занимавшего важный пост хаджиба, говорили о том, что халиф, через десять лет после своего прихода к власти, задумал положить конец господству всемогущего рода.

Ракка

В это же самое время Харун решил оставить Багдад — и похоже навсегда. Как говорят, халиф никогда не любил этот прекрасный город, возведенный по воле его деда. Он утверждал, что в Багдаде плохой воздух, который ему не подходит. Ему не нравилась близость абны с ее привилегиями и распрями. Население огромной столицы безостановочно росло и вечно волновалось. Харун, очень озабоченный собственной безопасностью, подобно своим предшественникам, не мог здесь

чувствовать себя непринужденно. По крайней мере, желание покинуть Багдад у него появлялось и раньше. Сначала он подумывал построить дворец у подножия Загроса в Западном Иране, потом заболел и отказался от своего замысла. Через два года он приказал возвести резиденцию в районе Мосула, но так и не поселился в ней. В 796 г. он, наконец, выбрал Ракку в Джазире, на левом берегу Евфрата, где со времен античности существовал город под названием Каллиник[47].

Почему именно Ракку, расположенную очень далеко от Багдада и Нижней Месопотамии, где находилось большинство политических, торговых и интеллектуальных центров империи? Если его единственными побудительными мотивами были соображения безопасности, то разве оставил бы он во дворце ал-Хулд своих жен, детей и сокровища? Вполне возможно, что в его решении поселиться на границе с Византийской империей большую роль сыграли соображения военного порядка.

Мы помним, что еще очень молодым человеком он принял от отца командование походом на Византию. Он дошел до Константинополя, к стене которого «прислонил свое копье»[48]. Как мы видели, едва успев занять трон, он приказал укрепить опорные пункты этой границы. Эти приготовления, разумеется, не были чисто оборонительными, так как Византия, находившаяся в состоянии глубокого кризиса, не представляла никакой угрозы. Таким образом, есть основания полагать, что Харун ар-Рашид с самого начала своего правления планировал воевать, а не только совершать походы и набеги на Византию, и, если будет на то воля Аллаха, дойти до Константинополя. Война с греками была великой мечтой его правления. Его политику сооружения мощных военных баз у подножия Тавра и перенос резиденции поближе к границе сложно объяснить иначе.

Ракка, населенная христианами и захваченная арабами в 639 г., была выведена из оцепенения Мансуром, который приказал построить в непосредственной близости от нее новый город, получивший название ал-Рафика. Два поселения быстро объединились. Город имел форму конской подковы, плоская сторона которой омывалась Евфратом, а сегодня отделена от него расстоянием в километр. Ворота, две концентрических стены, расположение улиц, напоминающее план Круглого города в миниатюре (1500 метров с севера на юг и с запада на восток). На зубчатой городской стене, толщина которой варьировалась от 4 до 5 метров, размещались двадцать восемь башен, служивших оборонительными постами. Для строительства этих башен был использован обожженный кирпич, а для стен — высушенный кирпич-сырец. Для снабжения города водой были прорыты

каналы. В центре нового города была построена большая прямоугольная мечеть (93 на 108 метров).

К юго-востоку от мечети, внутри городских стен, возвышался дворец Харуна, Каср ас-Салам, «Дворец мира». Это величественное здание[49] огромных размеров включало постройки, разделенные двориками и садами, разбросанными на обширной территории. Наружная отделка была сдержанной, и видны были лишь сплошные стены из сырого кирпича (цоколь был сложен из обожженного кирпича). Вся роскошь скрывалась внутри: штукатурка под мрамор, гобелены, позолота, росписи, ковры. В этом пышном обрамлении жили сотни людей, еще более, чем в Багдаде, изолированных от местного населения, снабжавшего громадный двор рабочей силой и продуктами.

Во всех областях все больше ощущалось влияние Сасанидской Персии, которое в следующем веке проявилось еще сильнее. В подражание царю царей, халиф заперся в своем дворце, окружая себя все более сложным церемониалом. Он был самым могущественным правителем своего времени и одновременно религиозным вождем, имамом правоверных, а вскоре «Тенью Бога на земле». Его дворец напоминал святая святых, и выходил он оттуда лишь с огромной помпой, призванной ослеплять народ. Груды развалин, которые сегодня усеивают равнину к востоку от Евфрата, позволяют представить себе халифа в окружении двора в этом огромном дворце, опоясанном разбитыми по его приказу «райскими садами», этими парками с дичью[50], вроде тех, которые Омейяды устроили для себя в пустыне, чтобы охотиться и развлекаться. Будучи большим любителем спорта на открытом воздухе и прекрасным наездником, Харун приказал построить в Ракке ипподром, где состязались в беге лошади его конюшни. Летописец Джашияри оставил описание того, с какой радостью халиф встречал победу лошадей, принадлежавших ему или его сыновьям. На ипподроме также играли в чауган — что-то вроде современного поло[51]. Очень вероятно, что именно Харун ввел в оборот эту игру иранского происхождения, пока жил в Ракке. Однако халиф отдавал предпочтение одной из разновидностей этой игры, табтабу. Он также внедрил забаву под названием бирджас, состоявшую в стрельбе из лука верхом на лошади или пробивании копьем цилиндрической мишени. Харун принимал участие в подобных развлечениях наравне со своими товарищами. Он также участвовал в состязаниях по стрельбе из лука. Он стал одним из первых халифов, у кого на постоянной службе состоял отряд лучников.

Праведный халиф провел в Ракке тринадцать последних лет своего правления и жизни. В Багдаде он бывал лишь краткими

наездами. Со временем они становились все более редкими. Дошло до того, что, отправившись на юг, он огибал бывшую столицу, не заезжая в нее. Центральная администрация оказалась поделена между двумя городами, что затрудняло управление государством. Интерес халифа был обращен прежде всего на приграничную зону, а подготовка к военным действиям по ту сторону Тавра требовала больше его внимания, чем управление империей. Возможно, именно в этом следует видеть одну из причин упадка халифата в период, последовавший за уходом его главы из Багдада.

ГЛАВА IV

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

У империй, как у людей, есть своя жизнь и существование, которое им свойственно. Они растут, достигают возраста зрелости, а потом начинают увядать.

Ибн Халдун

Годы, которые протекли с момента восшествия Харуна на трон, не были свободны ни от волнений, ни от кризисов. Ничего слишком серьезного, ничего такого, что могло бы поставить империю под угрозу. Однако, когда халиф оставил Багдад, чтобы перебраться в Ракку, все указывало на то, что царству благодати пришел конец. Намеревался ли он отделаться от Бармакидов? Наверное, еще нет, хотя усталость от их присутствия, которую он выказывал, поражала многих в его окружении, тем более на фоне восходящей звезды их злейшего врага Фадла ибн Раби.

Помимо приготовлений к войне с Византией (его отношения с Карлом Великим были частью его планов против василевса) Харун озаботился вопросом престолонаследия. Он постоянно думал об этом, советуясь со своими доверенными лицами. В конце концов, он оставил эту проблему, ничего по-настоящему не решив.

Таким образом, период Ракки, самый долгий за правление Праведного, стал также и самым активным, потому что именно теперь, после своеобразной разминки, продолжавшейся первые десять лет, все проблемы предстали в своем истинном, несколько трагическом свете. В этот период разложение империи, признаки которого были уже давно заметны то тут, то там, усилилось. В итоге этот процесс привел некоторые провинции к фактической независимости.

Единство империи под угрозой

В конце VIII в. аббасидская империя достигла своей вершины. Экономическое процветание, какого эта часть света никогда не знала, сильнейшая армия своего времени, утонченная

цивилизация: все содействовало тому, чтобы повелитель правоверных стал самым могущественным монархом своей эпохи. Его владения простирались от Атлантики до Тянь-Шаня и устья Инда, от Тавра до Баб-эль-Мандеба и голубого Нила. Его враги были ослаблены внутренними раздорами. Византийская империя мучительно преодолевала свои кризисы, последний из которых, связанный с иконоборчеством и еще не закончившийся, серьезно подорвал ее силы. Что касается Карла Великого, которому предстояло отправиться в Рим за имперской короной, то соперничать, а тем более враждовать с халифом ему было далеко не по силам. К тому же он был так далеко! Никто в тогдашнем мире не мог сравниться с повелителем миллионов верующих — арабов, африканцев, египтян, тюрков и берберов, — которые пять раз в день произносили одни и те же молитвы, кланялись в землю в направлении одного и того же святилища и, к тому же, были объединены общим для всех языком Корана, арабским, быстро превратившимся в язык администрации и культуры на всем пространстве империи.

Халиф, хозяин централизованного государства, образцом которому послужила империя Сасанидов, поддерживал порядок на всех этих, хотя и очень разных, территориях. Борьба против партикуляризма и феодалов разного калибра, еретиков всех мастей, движений, спровоцированных нищетой и разочарованием — не было почти ни одного года без восстаний (одного или нескольких), подавление которых требовало вмешательства наместников и военачальников.

Омейяды установили господство арабов в этих провинциях, подчинив огромные массы власти меньшинства; им на смену пришли Аббасиды, чья администрация в основном находилась в руках обращенных в ислам неарабов, стоявших ближе к местному населению — не слишком ли поздно, чтобы перебороть ненависть побежденных народов? И было ли неизбежным, что некоторые из них стремились сбросить иго при первой же возможности? Еще до конца столетия социальные и религиозные движения, которые, как мы видели, зародились уже в первые десятилетия правления аббасидской династии, пробили бреши, которые так и не удалось залатать. К этому следует присовокупить то, что из-за огромной протяженности империи и ее избыточной централизации контролировать отдаленные провинции было очень трудно. Разве могли наместники преодолеть искушение становиться все менее и менее зависимыми от центральной власти?

Северная Африка, завоеванная в конце VII в., по большей части, приняла ислам в форме хариджизма, одной из самых распространенных в то время ересей. Зародилась она, как мы

видели, в результате отказа одной из групп верующих признать решение третейского суда, призванного разрешить соперничество между Али и Муавией, а сельское население Магриба охотно ее приняло благодаря эгалитаристскому характеру ее учения. Ее проповедники объявились в берберских племенах, вероятно, вследствие гонений со стороны Омейядов, которым они подверглись в Ираке. Эта «освободительная ересь» очень быстро распространилась среди жителей равнин и гор, на которых авторитет арабов не производил большого впечатления, а надменность разочаровала. В 757 г., при Мансуре, группа хариджитов завладела Триполи, сделав его своей столицей. Год спустя их собратья по вере заняли Кайруан и оставались его хозяевами в течение трех лет, пока наместник халифа не отбил город. Несмотря на последовавшую бойню, власть представителя Багдада оставалась шаткой, и в Тлемсене появился самозваный халиф. Наместник ал-Аглаб отказался от попыток выбить его оттуда. В конце правления Мансура ситуация стала угрожающей. Территория снова превратилась в арену священной войны, и аббасидский наместник Омар ибн Хафс погиб в Кайруане. Чтобы подавить восстание, было прислано значительное подкрепление под командованием Язида ибн Хатима: из Ирака и Сирии — 60 000, а из Хорасана — 30 000 человек, хорошо экипированных и вооруженных. Власти укрепляли слабые места и устраивали там рибаты[52]. Были отремонтированы старые византийские цитадели, в которых были расквартированы элитные войска. Эти меры принесли свои плоды. В 772 г. хариджиты в Триполитании были разгромлены, а их вожди погибли. Язид вернул Кайруан. В течение пятнадцати лет новый наместник правил, успешно применяя силу. Его сменил сын, а затем брат. Таким образом, начали складываться династии наместников, и хотя эта система отличалась результативностью, с ней также были связаны многочисленные неудобства.

Однако в данном случае семье Язида не удалось сохранить власть. Бармакиды, не желавшие мириться с переходом поста наместника провинции от отца к сыну, смещали всех тех, кто был способен причинить им беспокойство. После долгой борьбы за влияние двух партий при Харуне ар-Рашиде Бармакиды сумели добиться назначения на этот пост знаменитого военачальника Харсамы ибн Айяна, который был им ближе остальных. Благодаря поддержке аббасийи, армии, набранной Фадлом ал-Бармаки в Хорасане, Харсама продолжил урегулирование ситуации в стране. Он также выстроил в Монастире рибат, который можно видеть еще и сегодня, один из самых величественных и лучше всего сохранившихся в Северной Африке. Харун отдал личный приказ о

его строительстве, чтобы преградить путь из Испании.

Однако над регионом нависли новые тучи, и Харсама был отозван по его собственной просьбе. Последовало смутное время: наместник Мухаммед ал-Мукатил, ставленник Бармакидов, был изгнан армией (джунд) и народом, затем с помощью наместника Заба[53] Ибрагима ибн ал-Аглаба сумел вернуть себе свой пост, но его подданные снова прогнали его. После этого жители стали убеждать Аглаба потребовать управления областью для себя самого. Харун после некоторых колебаний согласился, и в июле 800 г. будущий эмир Ифрикии Ибрагим I был назначен наместником огромной провинции на западе империи.

Для Ифрикии[54] началась новая эра, и, безусловно, для империи тоже. Впервые между халифом ислама и наместником провинции было заключено соглашение, по условиям которого последний не только отказался от пособия в 1 000 000 динаров, которое поступало из Египта на содержание оккупационных войск, но и взял на себя обязательство ежегодно выплачивать халифу 40 000 динаров. Отныне Ифрикия получила финансовую автономию (возможный предвестник просто автономии), хотя это и не подразумевало независимости. Эмир Ифрикии, переставший быть отзываемым чиновником, управлял провинцией без всякого контроля со стороны Багдада. Он оставался вассалом халифа, подтверждавшего его права при восшествии на трон. Однако халиф уже не вмешивался в порядок наследования, и род Аглаба сохранял за собой власть на протяжении ста лет.

Удаленность от столицы, невозможность для центральной власти эффективно вмешиваться в дела этой провинции, достаточно богатой, чтобы обходиться без посторонней помощи, мало-помалу ослабила связи между Багдадом и Кайруаном. Впрочем, Ибрагим очень скоро стал действовать как практически независимый правитель. Он сформировал «черную гвардию» из 5000 человек, полностью преданных лично ему, что гарантировало его от любых неожиданностей со стороны джунда. Мудрое управление, установленный им внутренний мир, а также экономическое развитие страны обеспечили ему верность населения.

Чтобы отчетливее показать, что он не временный наместник, а практически независимый правитель, пользующийся престижем, практически равным престижу самого халифа, Ибрагим приказал построить в окрестностях Кайруана величественную резиденцию Каср ал-Ка-дим[55], которую он навал Аббассийя, в знак уважения к правящей династии. Он поселился там вместе со своими черными воинами, самыми верными арабскими отрядами, двором и слугами. Именно там он принимал послов от Карла Великого,

прибывших, чтобы просить у него мощи святого Киприана. Один из его преемников, Ибрагим И, выстроил недалеко оттуда внушительный замок ал-Раккаба, окруженный обширными садами, от которого сохранились кое-какие остатки.

Подобно халифам, Аглабиды использовали свои ресурсы для строительства религиозных и утилитарных сооружений. Они расширили мечеть Сиди Окба в Кайруане, одну из самых древних и почитаемых в мусульманском мире, Большую мечеть в Тунисе, главные мечети в Суссе и Сфаксе, а также крепости и гидротехнические сооружения. Эти изменения в стране, являвшиеся отражением ее экономического благополучия, сопровождались насыщенной религиозной жизнью. При Аглабидах Кайруан превратился в крупный центр образования и коранической литературы, где приверженцы различных восточных школ вызвали интеллектуальное оживление, сопоставимое с аналогичным явлением в Багдаде, Фустате и Басре.

К концу правления Ибрагима I, практически одновременно с концом правления Харуна, Ифрикия фактически оказалась вне рамок империи. Халиф ограничивался тем, что напоминал о своем существовании пожертвованиями в адрес пострадавших от природных бедствий и участием в строительстве религиозных памятников. Оставшись обычным монархом и религиозным лидером, Харун ар-Рашид предвосхитил в этой стране ту сильно редуцированную роль, которую предстояло играть аббасидскому халифу в следующем веке.

Искорененная в Ифрикие хариджитская ересь больше здесь не проявлялась. Не так обстояло в регионе к западу от нее, в центральной части современного Алжира. Эта область, населенная берберами, была завоевана в середине VII в. и также исламизирована хариджитами в течение первой половины VIII в.; это религиозное течение сохранилось там и поныне, особенно в районе Мзаба. При повторном завоевании халифской армии не удалось продвинуться западнее Ифрикии, и ей пришлось жить и процветать бок о бок с княжествами, население которых исповедовало почти исключительно неортодоксальный ислам.

Главный из этих эмиратов был основан в 761 г. в Тахарте (Тиарете) Абдаррахманом ибн Рустамом, персом, изгнанным из Кайруана в разгар столкновений, приведших к восстановлению ортодоксальной веры в этом городе и по всей Ифрикии. Местные хариджиты нарекли его имамом, а впоследствии избирали ему наследников среди членов его рода. Таким образом, верховная власть стала наследственной, и власть Рустамидов быстро распространилась на значительную часть Северной Африки. Этот

теократический режим, важную роль при котором играли берберы, не был свободен от экономических забот. Политика династии Рустамидов, продолжавшей поставлять имамов до начала X в., заключалась прежде всего в поощрении обмена между побережьем и внутренними районами, включая даже территории по ту сторону Сахары, в частности Судан. Эта «наследственная республика» купцов, в которой персы традиционно пользовались большим влиянием, установила отношения с кочевниками и земледельцами удаленных от моря районов, обеспечила безопасность караванов и, в результате, распространила свое влияние, а заодно и авторитет хариджизма, до самой Испании и Ирака. Почти отовсюду в Тахарт устремились потоки иммигрантов, привлеченных его процветанием, в то время как Рустамиды занимали должности при дворе эмиров Испании.

Как и во всем мусульманском мире в Средние века, знание шло рука об руку с экономическим расцветом. Население, охотно принимавшее аскетический образ жизни, и, в любом случае, очень далекое от распущенности аглабидского Кайруана, изучало математику, астрономию[56], литературу, поэзию и, разумеется, религиозную науку. Восточные соседи не имели никакого влияния на Тахарт, откуда на Кайруан взирали как на образец, которому не стоит следовать. Что же касается Багдада, то он был во всех отношениях еще дальше от сознания этих берберов и персов, осуждавших как учение, разделяемое халифом и его окружением, так и разнузданные, с их точки зрения, нравы двора и столицы. Весь регион Центрального Магриба испытывал отчуждение по отношению к центральной власти задолго до того, как Аглабиды от нее отмежевались. Харун больше не имел над этой территорией никакого контроля, и даже его имя исчезло из пятничных молитв.

Дальше к западу, в современном Марокко, жили горцы, которые, приняв ислам в конце VII и в начале VIII вв., быстро придали ему еретическую окраску. И здесь снова злоупотребления при сборе налогов, произвол наместников и слабость администрации скоро отвратили население, зачастую исламизированное лишь поверхностно, от ортодоксального ислама и халифской власти. Народ обращался к учениям хариджитов и мутазилитов в первую очередь потому, что они противостояли официальной власти и восставали против нее при каждом удобном случае. В 740 г. на крайнем западе вспыхнуло восстание, и мятежные племена захватили Танжер, а потом и большую часть страны. Власть Омейядов была в значительной мере подорвана. Аббасидов ожидала не лучшая участь. В племенах царила фактическая анархия. Княжества возникали и

распадались. Некоторые росли и превращались в королевства. Одно из них, основанное выходцем из семьи Пророка, подарило исламскому миру Фес — один из величайших центров мусульманской цивилизации и одновременно один из прекраснейших городов.

В 786 г., одновременно с восшествием на престол Харуна ар-Рашида, в Медине разразилось алидское восстание. Хасанид Хусейн ибн Али заперся в главной мечети и провозгласил себя амир ал-муминином. Его силы были невелики — 26 алидов, несколько новообращенных и группа паломников. Его отчаянная попытка не имела никаких шансов на успех. Власти позволили ему удалиться, и он отправился в Мекку. Там бы эта история и закончилась, если бы халифские отряды, сопровождавшие паломников, не перехватили его караван. В последовавшем сражении между его сторонниками и воинами Аббасидов Хусейн погиб, а его люди рассеялись. Алиды, рьяно преследуемые людьми халифа, бежали во всех направлениях. Один из них, Яхья ибн Абдаллах, достиг Ирака, а потом Рейя. Хотя Харун, занявший к этому времени трон, назначил за его голову вознаграждение, он добрался до Хорасана, потом оказался в Мавераннах-ре, добрался до Дейлема и Каспийского моря, откуда бросил призыв к восстанию. В конце концов Фадл уговорил его сдаться. Однако его смерть, последовавшая вскоре, стала одной из причин разрыва между Харуном и Фадлом. Халиф совершенно несправедливо возложил ответственность за нее на Фадла.

Другого представителя рода Али, Идриса, ждала более славная судьба. В сопровождении одного из своих вольноотпущенников по имени Рашид ему удалось добраться до Египта. Поскольку его активно разыскивал Харун, он некоторое время скрывался, а затем отправился в Магриб, где нашел приют у одного из берберских племен в районе Волюбилиса (Улила). Тот факт, что он был потомком Пророка, обеспечил ему уважение. Он основал династию, которая просуществовала более века, и, самое главное, именно он заложил Фес.

У Идриса I очень быстро появилась честолюбивая мечта о столице, способной соперничать с Тахартом и Кайруаном. Фес, расположенный вблизи реки, на пересечении путей сообщения, был выбран совершенно осознанно. Несколько потерявшись в берберской среде, Идрис стремился привлечь к себе арабских эмигрантов. Имея Фез в качестве отправной точки, он мог проводить исламизацию населения внутренних областей, которые еще не вполне отказались от христианства, иудаизма и даже идолопоклонства. В 801 г. его сын начал чеканить монету. Сам же Идрис умер в 791 г., будучи, как говорят, отравлен по приказу

Харуна ар-Рашида, чье недоверие и ненависть к Алидам только возросли.

Идрис II, его сын, продолжил дело отца. Он перенес Фес на противоположный берег вади вверх по течению, приказал построить мечеть Шериф и дворец. В 814 г. в Фесе поселились восемь тысяч арабских семей, изгнанных из Испании после подавления восстания против Омейядов. Так появился квартал Андалус, который до сих пор не изменил своего названия.

Государство Идриссидов переживало расцвет еще около тридцати лет. Блеск Феса, являвшегося одновременно центром торговли и транзита, образования и религии, достигал Египта. Чуждые фанатизма Идриссиды[57] принимали все религиозные течения, даже самые неортодоксальные, и не собирались превращать свою столицу в центр шиизма. Влияние халифов на Фес, расположенный так далеко от Багдада, религиозных центров и двора, было самым минимальным: эта часть Магриба так никогда и не вернется в сферу влияния Аббасидов.

Как и Испания. Абдаррахман I, омейядский принц, ускользнувший при избиении своей семьи и провозгласивший себя эмиром Андалусии в 756 г., так и не признал Аббасидов. Он никогда не допускал какого-либо вмешательства Аббасидов в дела на своей территории. Черный цвет в его государстве был под запретом, а сам он, как и его окружение, одевался в белое, поскольку именно белый был цветом Омейядов. Какое-то время пятничные молитвы произносились во имя халифа, но после капитуляции аббасидского наместника с этим было покончено. С этого момента само имя Аббасидов было предано проклятию. Эмиры неоднократно пытались спровоцировать восстания против халифской власти. Абдаррахман I дошел до того, что открыто готовил поход против Сирии с целью свергнуть Аббасидов. При Харуне между этим новым арабским эмиратом и империей повелителя правоверных больше не существовало никаких связей[58].

Ифрикия, Испания и Тихерт находились далеко от Багдада, и их отделение почти не сказалось на судьбах империи, а те движения, которые сотрясали Египет или Сирию, в тот момент не отличались ни размахом, ни глубиной. Восстание в Йемене в 795 г. было подавлено без особого труда, его главари были отправлены в Багдад и задушены по приказу Харуна ар-Рашида, наместника отстранили от должности, и порядок восстановился.

В Хорасане (охватывавшем Восточный Иран, часть Афганистана и Мавераннахра) дела обстояли иначе. Все, что там происходило, немедленно получало отклик в Багдаде и остальной империи, в администрации, поскольку большая часть ее

персонала имела персидские корни, и в армии (абна, аббассия). И становилось все очевиднее, что назначение Али ибн Исы на пост наместника провинции оказалось ошибкой. Заботясь лишь об использовании Хорасана в личных интересах, он перебил противостоявших ему диканов и ценой невероятных злодеяний выколачивал у населения деньги, которые отправлял в Багдад. Угнетение достигло такого размаха, что жалобы докатились до самой столицы. Один из наиболее влиятельных аристократов по имени Хишам ибн Фаркусров бежал в Багдад, чтобы просить у халифа защиты. Другой прикинулся парализованным, чтобы избежать гнева Исы. Тогда Яхья выступил посредником, попросив Харуна призватьИсу к порядку. Тщетно. В распоряжении Али ибн Иса находились значительные и верные ему силы, а Харун ни за что не хотел уступать влиянию Бармакида. К тому же наместник присылал ему великолепные дары, которые каждый раз смягчали недовольство халифа.

Харун замечал только ослабление влияния местной знати, в прошлом связанной с Бармакидами, и поток денег и даров, прибывавших в Ракку. Однако ситуация настолько обострилась, что произошло несколько восстаний. Тогда халиф направил в Иран войска, которые дали несколько сражений. Безуспешно. Забеспокоившись, он, наконец, решил изучить ситуацию на месте. Прервав военные действия против Византии и оставив на малоазийской границе значительные силы под командованием своего сына Касима, он отправился в Хорасан.

Впервые правящий халиф оказался так далеко на Востоке. Он остановился в Рейе. До столицы, Мерва, он так и не добрался. Это краткое пребывание в родном городе ничего не изменило. Он заключил договоры с вождями кавказских и прикаспийских племен, но результаты оказались ничтожными. Али ибн Иса прибыл ко двору халифа нагруженный подношениями, обрисовал ему ситуацию в самых радужных красках и вернулся назад, получив подтверждение своих полномочий. Возможно, Харун только и хотел, чтобы его убедили. Он не принял никакого решения по поводу хорасанских дел, вновь проникся доверием к Али и возвратился в Ракку. Несколько лет спустя он снова посетил восточные провинции. Но на этот раз вернуться ему было не суждено.

Роковая проблема наследования

Правила наследования в мусульманской империи никогда не были кодифицированы или даже четко сформулированы.

Избрание Али халифом привело к трагедии, последствия которой не утратили силы до наших дней. Эпоха Омейядов была заполнена нескончаемым противостоянием с Алидами. Когда власть перешла к Аббасидам, Мансур должен был, в свою очередь, выдержать трудную борьбу со своим дядей Абдаллахом. Как мы помним, в «Ночь судьбы» Харун ар-Рашид пришел к власти благодаря насильственной смерти своего брата, убитого их общей матерью, которой самой грозило убийство по приказу последнего. Многочисленность семьи Аббасидов, постоянно разраставшейся благодаря равноправию потомства законных жен и наложниц, способствовала появлению группировок и конфликтов. В результате проблема наследования постоянно выходила на передний план халифских забот, тем более что мужчины и женщины в то время умирали сравнительно молодыми.

У Харуна ар-Рашида было четырнадцать сыновей, но он быстро понял, что для наследования годились только двое старших, Абдаллах, будущий Мамун, и Мухаммед (Амин). Первый, ребенок «Ночи судьбы», был сыном персидской рабыни Мараджил, умершей в ту же самую ночь. Матерью второго, появившегося на свет несколько месяцев спустя, была Зубайда, законная супруга и принцесса крови. Многие рассказы свидетельствуют о том, что Харун питал к ним обоим глубокую привязанность и заботливо следил за их образованием. Он сам выбирал для них наставников, среди которых был знаменитый ученый и его собственный бывший учитель ал-Кисаи. Он оставил нам описание трогательной сцены, в которой приняли участие халиф и его два сына: «Два юных принца предстали подобно двум звездам на небе, очаровательные своей нежностью и серьезностью. Они подошли к порогу зала медленным шагом, потупив глаза. Там они обратились к своему отцу с подобающим приветствием, сопроводив его самыми красноречивыми пожеланиями. Рашид велел им приблизиться, и по его приказу Мухаммед встал справа, а Абдаллах слева от него. Тогда он велел мне, чтобы я сказал им прочитать отрывки из Корана и потом задал им некоторые вопросы. Они ответили самым удовлетворительным образом и прошли проверку с успехом. Рашид был восхищен и не скрывал своей радости». Тогда юные принцы продекламировали поэмы. «Я никогда не видел среди халифских детей, продолжает ал-Кисаи, двух юных принцев, более быстрых на ответ, с более изящным слогом и более способных показать свои знания, чем эти двое сыновей Рашида. И я произнес им тысячу пожеланий благополучия, к которым их отец присоединился, сказав да будет так. Он привлек их к своему сердцу, долго держал их в объятиях, и, когда он их отпустил, я

увидел, как слезы текут по его лицу».

Любовь, с которой Харун относился к обоим своим старшим сыновьям, не могла заслонить от его взгляда серьезных недостатков сына его законной и царственной жены и многообещающих качеств ребенка персидской наложницы. «Первый, сказал он однажды, подвластен своим страстям, капризам, которые составляют единственное правило его поведения… он с легкостью растрачивает свое состояние и привлекает женщин и даже рабынь к своим замыслам. Абдаллах же, напротив, заслуживает только похвал. Его суждения основательны, и ему можно доверить самые серьезные дела… Я нахожу в Абдаллахе глубокую мудрость, благочестие Махди, гордость ал-Хади»[59]. «Хвала Богу, сказал также Харун о будущем Мамуне, за то, что он дал мне сына, который очами разума видит еще лучше, чем очами телесными».

Искренне желая обеспечить после своей смерти империи стабильность, а роду Аббасидов — сохранение власти, Харун был как будто одержим идеей, что его наследник не отвечает высоте своей ответственности. В 791 г. он приказал принести байях (присягу) Амину, которому тогда было пять лет, что встретило возражения. Некоторые члены семьи ссылались на крайнюю молодость принца. В действительности они думали о собственных интересах в случае, если трон неожиданно опустеет. Фадл ал-Бармаки, «учитель» Амина, попытался преодолеть эти колебания. Власти Хорасана присягнули, остальные последовали их примеру.

Но чем старше становился Амин, тем отчетливее Харун видел того заурядного человека, в которого ему предстояло превратиться. Он открылся Фадлу ал-Бармаки. «Я хочу передать наследование человеку, чье поведение будет вызывать мое одобрение, а поступки — уважение, человеку, в котором я буду уверен, что он будет править умело, чтобы никто не мог заподозрить его ни в малодушии, ни в слабости. Я хочу говорить об Абдаллахе [Мамуне]». И он добавил: «Но моя семья предпочитает ему Мухаммеда [Амина], и, если я сделаю выбор в пользу Абдаллаха, я обращу ее против себя»[60]. Именно в этом и заключалась проблема. С этого момента можно было предвидеть раздоры, которые разделили Аббасидов и саму империю, как только Харун сошел со сцены. Тогда Харун решил, что корона перейдет к Абдаллаху после Амина. Вскоре Абдаллах получил лакаб (титул) Мамуна и должность наместника Хорасана. Амин, со своей стороны, получил в управление западную часть империи. Церемония байяха имела место сначала в Ракке, а потом в Багдаде.

Однако со временем недостатки одного и достоинства другого вырисовывались все яснее. Возможно, еще важнее было то, что у каждого принца появились свои приверженцы, которые действовали не таясь. На стороне Амина стояла халифская семья, разумеется, во главе с Зубайдой. Она и сама не питала иллюзий по поводу того, какой никчемный халиф должен был получиться из ее сына, ленивого и практически равнодушного к государственным делам. Харун поставил под командование Мамуна крупные военные силы, поскольку Хорасан оставался беспокойной провинцией, и Зубайда решила, что ее сыну угрожает опасность. Однако халиф одернул ее: «Если один из них и должен бояться другого, то, скорее, Мамун твоего сына, а не наоборот». Страхи Зубайды не полностью развеялись: похоже, что в какой-то момент Харун имел намерение сделать Мамуна первым, а не вторым наследником. Наконец, он решил придать более торжественную и обязывающую форму тем распоряжениям, которые он уже успел отдать, очевидно, опасаясь, что даже они останутся мертвой буквой.

Для церемонии, призванной обеспечить будущее рода Аббасидов и его главы, «наследника Пророка», нельзя было найти более подходящего места, чем Мекка. Харун пустился в путь в декабре 802 г. в сопровождении принцев, многочисленных высших сановников и всего двора вместе с Яхьей ал-Бармаки и его сыновьями Фадлом и Джафаром. Присутствовал также и хаджиб Фадл ал-Раби. Дворцовые юристы подготовили текст, уточняющий детали наследования трона и обязанности, которые предстояло принять на себя обоим принцам. Два брата принесли Аллаху клятву, предусматривавшую все возможные кары для того, кто ее нарушит: конфискацию имущества с последующей раздачей бедным, пешее паломничество в Мекку, развод с женами, освобождение всех рабов.

По воле Харуна, совершив ритуалы, связанные с паломничеством, Мамун и Амин в присутствии всех аристократов собственными руками прикрепили одобренный ими текст к священной стене Каабы. Это событие взволновало тех, кто верил в предостережения свыше: документ оторвался от стены и соскользнул на землю, что побудило суеверных предсказывать, что он никогда не будет соблюдаться. Харун не придал этому никакого значения, и во все провинции были отправлены письма, оповещавшие о мерах, предпринятых халифом ради будущего империи. Он приказал зачитать их даже в самых отдаленных городах. Сами документы были переданы хранителям Каабы и помещены в драгоценные рамы, украшенные жемчугом, рубинами и изумрудами.

По своему значению подписанные и обнародованные таким образом документы далеко превосходили разрешение проблемы наследования халифского трона. Амин принимал на себя обязательство уважать права своего брата, но, главное, он должен был признать его сюзеренитет над Хорасаном, то есть всей восточной частью империи, от Хамадана до Трансоксианы, включая Кирман, Фарс, Сиджистан. Полномочия, предоставленные Мамуну на этих территориях, выходили за пределы прерогатив наместника и даже любого принца крови, направленного в какую-либо часть империи, чтобы укрепить там авторитет государства. В его единоличное ведение было передано все — армия, казна, подати, десятина. Собранные налоги надлежало расходовать на месте вместо того, чтобы отсылать в Багдад. Администрация, оборона и барид отныне зависели только от него. Халиф не имел права присылать ни чиновников, ни инспекторов. Он не мог больше требовать никакой дани. Его власть ограничивалась расплывчатой формулой, предусматривавшей повиновение и верность. Таким образом, еще при полном расцвете империи Аббасидов, была предвосхищен чисто духовный характер халифской власти, который в скором времени возобладал на территориях, управляемых Аглабидами, Идриссидами и Тахиридами, а затем и в остальной части империи.

Несмотря на торжественность церемоний в Мекке, немногие поверили в то, что принцы выполнят свои обязательства. Рассказывают, что, уходя от Каабы, Джафар ал-Бармаки подошел к Амину и заставил его трижды повторить формулу: «Пусть Бог оставит меня, если я предам своего брата!» Современники видели, в основном, недостатки придуманного Харуном решения. Зеркалом общественного мнения, как обычно, служили поэты:

> «Безукоризненный властитель получил плохой совет —
> разделить халифат и его земли.
> Если бы тот, кому в голову пришла эта идея, внимательно
> ее обдумал бы, его волосы поседели бы».

А Масуди рассказывает, что слышал, как погонщик верблюдов пел такую песню:

«Это выбор, обещания которого будут нарушены; это война, огонь которой возгорится». На вопрос о смысле этих слов человек ответил: «… Сабли покинут ножны, распри и междоусобица раздерут империю».

Вероятно, подобные истории были придуманы намного

позже, но они прекрасно отражают сомнения и страхи, вызванные мекканской клятвой.

Три года спустя Харун решил назначить еще одного из своих сыновей, Касима, третьим в череде наследников. Он дал ему власть над Северной Месопотамией и провинциями на юге Анатолии. В единстве империи была пробита еще одна брешь.

Праведный халиф так никогда и не раскрыл соображений, по которым он разделил наследие Аббасидов, вернувшись тем самым к доисламской концепции коллективного владения имуществом. Помимо заурядности его сына Амина, он, по всей видимости, начал осознавать серьезные неудобства, связанные с чрезмерной централизацией империи, которой наместники пользовались, чтобы пускаться во всевозможные бесчинства. Они нуждались в более пристальном надзоре. Разве не лучше было бы, чтобы представитель правящего рода взял ситуацию в свои руки, особенно в Хорасане, самой беспокойной провинции империи, как это было во времена Мансура, когда он послал своего сына Махди в Рейи, наделив его широкими полномочиями на всех восточных территориях? Не надеялся ли Харун ар-Рашид обуздать центробежные силы, которые, как он видел, набирали обороты на востоке и западе, поставив две половины империи под непосредственное управление своих сыновей?

Однако произошло обратное, и разделение лишь усилило поляризацию и опасность конфликта. Разумеется, возможностей избежать их было немного, поскольку распаду империи способствовало все: колоссальные размеры халифских владений, расходящиеся интересы различных провинций, лишь слегка замаскированные религиозным единством, а также разочарование, последовавшее за приходом к власти Аббасидов. Если присяга у Каабы и не стала непосредственной причиной гражданской войны, которой предстояло разделить род Аббасидов и арабское общество, то она оказалась напрасной.

Трагедия Бармакидов

> Эта печальная история запятнала правление Харуна ар-Рашида кровью, которую не смыть и водами четырех рек.
>
> *«Тысяча и одна ночь»*

Харун еще несколько дней совершал обряды поклонения в святом городе, а потом, в январе 802 г. (мухаррам 187), вместе со своим двором отправился обратно в Ракку. Добравшись до ал-

Умра недалеко от Анбара, караван остановился на несколько дней, чтобы отдохнуть. На четвертый день, рассказывает Табари, халиф собрал присутствовавших Бармакидов — Яхью с сыновьями Фадлом, Джафаром и Мусой — и, «побеседовав с Яхьей о государственных делах, даровал им всем почетную одежду, как будто желая опровергнуть слухи об их немилости, которые ходили уже некоторое время. Они были очень счастливы и полностью успокоились».

Через несколько часов разразилась одна из самых кровавых бурь в истории ислама.

«В час молитвы Харун сказал Джафару: «Я не позволил бы тебе уйти, если бы не собирался сегодня вечером развлечься питьем вина со своими рабынями. Ты тоже веселись со своими» Тогда он отправился в свой гарем и начал пить. Через какое-то время он послал кого-то посмотреть, занят ли Джафар тем же самым. Узнав, что Джафар предался печали, он приказал передать ему: «Клянусь моей головой и моей жизнью, что совершенно необходимо, чтобы ты сегодня устроил пир и предался радости, ибо мне нет никакого удовольствия в вине, если я не знаю, что и ты пьешь его» Джафар, сердце которого было полно тревоги и страха, велел приготовить пир. У него в услужении находился слепой музыкант по имени Абу Заккар. После того как Джафар выпил немного, он сказал этому музыканту: «Моя душа сегодня охвачена сильнейшим волнением» Абу Заккар ответил: «О визирь, никогда повелитель правоверных не оказывал тебе и твоей семье такого благоволения, как сегодня» — «У меня печальные предчувствия», — сказал Джафар. — «Отгони свои глупые страхи, — отвечал Абу Заккар, — и предайся удовольствиям» В час вечерней молитвы слуга Харуна принес Джафару сладости, сушеные фрукты и благовония в подарок от халифа. В час молитвы на сон грядущий Харун снова послал ему то же самое, а затем и третий раз. Около полуночи Харун покинул шатер своих жен. Он призвал евнуха Мас-рура и сказал ему: «Немедленно найди Джафара, отведи его в свой шатер, отруби ему голову и принеси ее мне» Когда Масрур появился перед Джафаром, тот содрогнулся. Масрур сказал ему: «Повелитель правоверных зовет тебя» «Где он?» — спросил Джафар. «Он оставил своих жен, — ответил Масрур, — и пошел к себе» Джафар сказал: «Позволь мне зайти в шатер к моим женам, чтобы сделать некоторые распоряжения» «Это невозможно, — сказал Масрур, — сделай свои распоряжения здесь» Джафар подчинился. Потом Масрур увел его и вошел в свой шатер и извлек саблю. Джафар спросил его о том, какой он получил приказ. Масрур сказал: «Халиф приказал мне принести ему твою

голову» Джафар сказал: «Берегись, возможно, он отдал этот приказ в опьянении и потом пожалеет» Взывая к их былой дружбе, Джафар умолял Масрура вернуться к халифу. Масрур согласился. Харун ждал евнуха сидя на своем молитвенном коврике. Увидев, что он входит, он тотчас же спросил: «Где же голова Джафара?» «Повелитель правоверных, — отвечал Масрур, — я привел Джафара» «Мне нужен не Джафар, — вскричал халиф, — а его голова!» Масрур вернулся к Джафару и отрубил ему голову. Когда он показал ее Харуну, тот сказал ему: «Сохраняй голову и тело, пока я их не попрошу. Теперь же немедленно пойди и арестуй Яхью, трех его сыновей и его брата Мухаммеда, сына Халида, и отведи их в шатер, где наденешь на них цепи. Затем наложи руку на все их имущество» Масрур выполнил все его приказания. На рассвете Харун отправил голову Джафара в Багдад. На следующий день он продолжил свой путь в Ракку»[61].

Труп Джафара был поручен военачальнику Харсаме и другим сановникам. Харун приказал им доставить его в Багдад. Голова была выставлена на обозрение на Серединном мосту, на главной артерии города, а разрубленное на две части тело — на Верхнем и Нижнем мосту. Эту жуткие останки висели на своих местах в течение двух лет, пока Харун не приказал их сжечь[62].

Все члены семьи Бармакидов, их клиенты и слуги были арестованы. Яхья, сначала помещенный под надзор, впоследствии был заключен в тюрьму в Ракке вместе с Фадлом. Он отклонил предложение Харуна выбрать место жительства по собственному желанию, сказав, что останется там, где он есть, пока не примирится со своим халифом. Обращались с ним то мягко, то сурово, а в конце 805 г. Яхья умер в раккской тюрьме. Ему было около семидесяти лет. Фадл, разбитый односторонним параличом, умер в 808 г. в возрасте сорока пяти лет, почти в том же возрасте, что и Джафар. Незадолго до этого Харун приказал подвергнуть его пыткам, чтобы он признался, где спрятаны богатства его семьи и близких. После двадцати ударов бичом Фадл умер бы тогда же, если бы о нем не позаботился некий человек, заключенный в ту же тюрьму. Он написал следующие строки: «Только к Богу в нашей скорби мы возносим молитвы, ибо лекарство от наших страданий и печалей в его руках. Мы оставили этот мир и все же еще пребываем в нем. Мы не числимся ни среди мертвых, ни среди живых». Похороны Фадла стали поводом для проявлений сочувствия к нему и Бармакидам. Зубайда почтила его память личным присутствием вместе с наследным принцем Амином и многочисленными сановниками. Узнав о смерти Фадла, Харун ар-Рашид сказал: «Моя участь близка к его участи!» — так как астрологи предсказали ему, что

его молочный брат окажется в могиле чуть раньше его, и это пророчество оправдалось.

Муса и Мухаммед, два других сына Яхьи, оставались в тюрьме до восшествия на трон Амина, который их освободил. Все имущество представителей опального рода в Багдаде, Ракке и провинциях было конфисковано, и ту же участь разделили их родственники, друзья и слуги. Под арестом оказалась мать Фадла Зубайда бинт Мания, Дананир[63], знаменитая певица и вольноотпущенница Фадла, и другие женщины из числа их рабынь, однако детей Фадла, Джафара й Мухаммеда, а также мать Яхьи и Джафара пощадили. Еще тысяча женщин, детей, вольноотпущенников и клиентов Бармакидов были убиты, их дома снесены, а все, что им принадлежало, натурой и деньгами, отошло в казну.

Падение Бармакидов и жестокое обращение, которому подверглись главные члены семьи, получили огромный резонанс в Багдаде и по всей империи. Радости не испытывал практически никто, кроме, разве что, их врагов. «Поведение Харуна вызвало общее неодобрение, — сдержанно отмечает Табари. — Память об этом не сотрется до дня воскресения, и нам известно, что наказание, постигшее Бармакидов, не было деянием, исполненным политической мудрости». Поэты стали выразителями общих чувств. Многие элегии дошли до наших дней. Все они выражают сожаление о гибели этих мудрых и великодушных людей, чьи имена оказались неразрывно связаны с минувшей эпохой.

> «Остановимся и дадим отдых нашим коням. Больше нет благодетелей, больше нет ходатаев. Скажи щедрости: ты умерла вместе с Фадлом, скажи горю: ты можешь показываться каждый день»
>
> *(Ачджа, у Масуди).*
>
> «Удача покинула сыновей Бармака, не сохранив ни одного из них нам на радость. Они владели всеми богатствами и заслуживали того, чтобы ими владеть, но все их богатства покинули мир вместе с ними»
>
> *(там же).*
>
> «Светоч щедрости угас, рука дающего оскудела, океан великодушия отхлынул с тех пор, как больше нет Бармакидов. Звезда этой семьи, которая указывала караванщику верный путь, больше не светит над

горизонтом»

(Салм ал-Кашир).

«Они украшали землю, как невесту, а сегодня покинули ее во вдовстве. Джафар был визирем наместника, поставленного Богом, он блистал мудростью, достоинством и славой. Весь мир покорялся ему, на суше и на море. Его гений правил империей, и он заставил всех уважать свою волю […] Он содержал мир под своими крыльями, и он надеялся на необыкновенно долгую жизнь, когда судьба увлекла его в бездну. Пусть Небо сохранит нас от подобного несчастья»

(Мансур Немри).

Времена Бармакидов очень быстро стали расцениваться как золотой век аббасидского халифата, который, в свою очередь, отождествился с правлением Харуна ар-Раши-да. «Тысяча и одна ночь» воспевает эту эпоху, которую последующие поколения стали воспринимать с ностальгией, в следующем известном отрывке:

«Род Бармакидов был для их времени сродни украшению на лбу и венцу на голове. И судьба расточала им свои самые заманчивые милости, и осыпала их своими самыми прекрасными дарами. И Яхья и его сыновья стали сверкающими светилами, бескрайними океанами щедрости, бурными потоками милостей и дождями благодеяний. Их дыхание оживотворяло весь мир, и империя достигла высочайшей вершины своего величия.

И они были пристанищем для скорбящих и прибежищем для обездоленных. И именно о них поэт Абу Нувас, в числе многих, сказал: «С тех пор, как мир вас утратил, о сыновья Бармака, на дорогах в утренних и вечерних сумерках больше нет путников»

Они действительно были мудрыми визирями, прекрасными правителями, наполнявшими государственную казну, красноречивыми, сведущими, непреклонными, умудренными опытом и великодушными. Они были источниками довольства, благотворными ветрами, пригонявшими дождевые тучи, которые дают земле плоды. И, в основном, благодаря их обаянию имя и слава Харуна ар-Рашида прогремела от нагорий Центральной Азии до чащи северных лесов и от Магриба и Андалусии до дальних границ Китая и Татарии».

Слава Бармакидов на Востоке оставалась неизменной и по прошествии нескольких веков. Выражение «времена Бармакидов» издавна означает «все, что есть хорошего, и высшую степень

благополучия и изобилия». Еще в XVII в. испанский историк Маккари пользовался прилагательным бармаки для обозначения «всего, что было достойно века Бармакидов»[64].

Опала и падение Бармакидов уже двенадцать веков является предметом многочисленных домыслов. Выдвинуто множество объяснений жестокости, проявленной Харуном по отношению к людям, которым он был многим обязан, и один из которых являлся его «отцом», другой — молочным братом, а третий — самым близкими из друзей. Три поколения этого рода преданно и со знанием дела служили Аббасидам. Сам же Харун так и не раскрыл причин наказания, которое постигло Бармакидов. Однажды, когда его сестра Улайя спросила его, почему он приказал убить Джафара, он ответил: «Если бы я подумал, что самая близкая к моему телу одежда знает об этом, я бы ее разорвал», и в другой раз: «Если бы я узнал, что моей правой руке известна причина, я бы ее отрубил». Таким образом, казнь самого дорогого его сердцу человека не имела иного объяснения, кроме внезапной вспышки гнева.

Однако многочисленные свидетельства доказывают обратное. Согласно Джахизу[65], один из приближенных Харуна — возможно, Масрур-меченосец — рассказал, что в Мекке он был «совсем рядом с Харуном ар-Раши-дом — наши одежды соприкасались, — когда он, притронувшись к завесам Каабы, он сказал, обращаясь к самому Господу: «Мой Бог, я как милости прошу у тебя, чтобы ты погубил Джафара ибн Яхью»». Другие указания свидетельствуют в пользу решения, которое было принято без спешки в течение ряда лет, возможно, под влиянием врагов Бармакидов. «Все те, кто имел на них жалобы, следили за их поведением и доносили халифу об их проступках, и память о них копилась в его сердце», — говорит Табари. Задолго до их гибели их уже окружала атмосфера недоверия. Однажды халиф упрекнул Яхью за то, что тот явился к нему, не спросив разрешения, хотя это было обычной практикой. В другой раз он с гневом заметил своему врачу, что Яхья ведет государственные дела, не ставя его в известность, и действует по собственному усмотрению. Что касается Фадла, то у него было время заметить, как его постепенно освобождают от обязанностей, и Джафар тоже мог задолго до трагедии ощутить, что отношение к нему изменилось. Постигшая их опала не была следствием каприза властелина; он долго вынашивал это решение по мере того, как в нем постепенно росло раздражение против людей, которые слишком хорошо ему служили и в различных обстоятельствах предпринимали шаги, не встречавшие его одобрения, и часто поступали так, как будто он не существовал.

Пораженное ужасной смертью Джафара народное воображение тотчас же расцветило ее романтическими мотивами, скорее, трогательными, нежели точными, их не замедлили подхватить многочисленные историки того времени, а вслед за ними их вплоть до сегодняшнего дня продолжают использовать сказочники и романисты[66].

По рассказу Табари и Масуди, Харун ар-Рашид очень любил свою сестру Аббассу и с удовольствием проводил вечера в ее обществе. Однако самым любимым его товарищем был Джафар. Но было недопустимо, чтобы человек, не принадлежащий к семье, находился в обществе молодой женщины. Харун нашел способ все уладить: он решил поженить их, «при условии, сказал он Джафару, что ты будешь видеть ее лишь в моем присутствии, что твое тело никогда не прикоснется к ее телу, и ты не будешь иметь с ней брачных отношений. Тогда ты сможешь без страха присутствовать при наших вечерних увеселениях». Джафар согласился и торжественно поклялся при свидетелях, что никогда не будет посещать свою молодую жену, оставаться с нею наедине или под одной крышей, иначе как в присутствии Рашида. Поэтому каждый раз, когда Джафар видел свою жену, «он старался не смотреть на нее и опускал глаза».

Но Джафар был красив, и, по словам Табари, «во дворце Харуна ни среди свободных, ни среди рабынь не было ни одной женщины, красивее Аббассы»[67]. И неизбежное произошло. Орудием судьбы стала мать Джафара Аббада, «женщина скудоумная и обделенная разумом». Аббасса осыпала ее подарками и украшениями. Затем, понимая, что получит от нее все, чего попросит, она убедила ее, что для нее и ее сына нет ничего лучше, чем союз с дочерью и сестрой халифа. Аббада согласилась и однажды объявила своему сыну, что у нее на примете есть молодая рабыня, образованная, изящная и очаровательная, «несравненная красавица восхитительного телосложения», которую она хочет для него купить. Она на некоторое время оставила его в муках нетерпения. Наконец в один прекрасный вечер Джафар пришел к своей матери и застал у нее Аббассу. Однако из-за того, что «его разум еще был помутнен винными парами», он ее не узнал, и только после осуществления брака Аббасса спросила его, что он думает о хитрости девушек халифского рода. «О ком ты говоришь?» — «О себе, дочери Махди». Джафар был в ужасе. «Ты купила меня за бесценок и поставила меня на край пропасти», — сказал он своей матери.

Аббасса забеременела и произвела на свет мальчика, которого евнух и служанка немедленно переправили в Мекку. Возможно, ничего бы не случилось, если бы обо всем не

проведала Зубайда. Однажды, изливая перед Харуном свое раздражение по поводу того, что Яхья ал-Бармаки в своем качестве халифского домоправителя приказал по вечерам запирать двери ее апартаментов, она добавила: «Если бы он по-настоящему следил за гаремом, он бы не позволил своему сыну совершить преступление!» Под нажимом Харуна законная супруга рассказала обо всем, в доказательство сославшись на рожденного Аббассой ребенка. Некоторое время спустя, находясь в Мекке, Харун получил подтверждение наличию ребенка и приказал казнить его вместе с Аббассой.

По другой версии[68], Аббасса устраивала для Харуна грандиозные пиры в садах на берегу Тигра. В первый вечер она прислала ему очень красивую рабыню, а Джафару — другую. И так каждый вечер, пока, в конце концов, она сама не пришла к Джафару вместо предназначенной ему рабыни. У них родилось двое детей, Хасан и Хусейн, которым на момент драмы в Умре было десять и восемь лет. Харун пощадил их. Но один из евнухов Зубайды утверждал, что Харун наказал свою сестру, приказав посадить ее в сундук вместе со всеми ее украшениями. Этот сундук заколотили гвоздями и сбросили в ров, который потом заполнили известью и кирпичами. Ее управляющего и дюжину слуг перебили, а детей бросили в печь, в то время как Харун кричал: «Лучше меч, чем позор!» Их палачей, помощников Масрура, посадили в мешки и утопили в Тигре.

Что это, роман, базарная сплетня или подлинная история? Масуди и Табари единодушно верят в удивительный и трагический брак двух прекрасных влюбленных, но Ибн Халдун[69] считает, что Харун никогда бы не отдал принцессу Аббассу в жены Джафару, потомку персидских идолопоклонников, даже с целью фиктивного брака. Большинство современных историков настроено скептически. По их утверждению, источники, которые упоминают об этом эпизоде, были составлены слишком поздно, чтобы заслуживать доверия. Однако в таком случае приходится полностью отвергнуть сведения основных летописцев той эпохи — ограничимся упоминанием о Масуди и Табари. Для нас особенно неубедительно выглядит, присущей этой истории, с ее ярко выраженным характером «восточной сказки» «с моралью», наказание виновных и все невероятные подробности, которыми она обросла с течением времени. Не будем также забывать, что Аббассе было никак не меньше сорока (она была старше Хади и Харуна), и она уже дважды побывала замужем. Трудно представить себе эту женщину, уже далеко не молоденькую девушку, изобретающую уловки, одновременно наивные и

изощренные, чтобы завлечь в свою постель красивого мужчину, которому, наверное, нужно было напиться до беспамятства, чтобы не узнать ее ни до, ни после. Харуну же, со своей стороны, нужно было страдать сильной близорукостью (о чем История нам не сообщает), чтобы не заметить беременности своей сестры, с которой он очень часто виделся. Или же источник этой красивой и одновременно ужасающей истории следует искать в некоем романтическом эпизоде, когда Джафар действительно ошибся. Нет ли здесь переноса от мужского к женскому[70]?

Так каковы же были причины казни Джафара и этой ужасной трагедии, которая уже так давно трогает сердца арабов? Как утверждают, Джафар был мусульманином лишь внешне. Он строил мечети единственно ради развлечения, а чтение Корана ему ужасно надоедало. В глубине души он остался маздаистом[71]. В качестве доказательства ссылаются на то, что однажды он посоветовал Харуну ар-Рашиду, чтобы в Каабе день и ночь курились благовония, как будто бы желал превратить ее в храм огня. Вольность его мусульманских убеждений вроде бы проявлялась в терпимости, с которой он относился к Алидам, еретикам и другим противникам ортодоксального ислама. Джафар якобы приказал освободить Алида Яхью ибн Абдаллаха, поднявшего восстание в Дейлеме.

Однако это также неправдоподобно: как мы видели, разрешил эту ситуацию Фадл, и именно его Харун за это упрекал. Зато Джафар, вопреки приказу халифа, казнил другого Алида — Абдаллаха ибн Хасана. Его также обвиняли в том, что он изъял из государственной казны изрядную сумму для Абд ал-Малика ибн Салиха, принадлежавшего к роду Аббасидов, которого Харун подозревал в намерении захватить трон. Халиф, никогда не терявший бдительности, был в ярости.

Харуна раздражало богатство Джафара и его роскошный образ жизни, сопряженный с расточительством, начиная с дворца, который красавец Бармакид приказал возвести на берегу Тигра. До нас дошло несколько рассказов о том, с каким гневом халиф узнавал о роскошествах Джафара. Однажды, отправившись на охоту со своей многочисленной и блестящей свитой, Харун спросил: «Видел ли кто-нибудь свиту пышнее моей?» — «Ничто не может сравниться со свитой Джафара», ответил один из придворных… А когда процессия проходила через деревни, где виднелись великолепные сады с роскошными беседками, он спросил, кому все это принадлежит. В ответ он услышал: «Бармакидам». Тогда Харун сказал: «Мы сами себя предали, сделав все, чтобы увеличить могущество и богатство Бармакидов. Вот кто знает толк в почестях! Кто может исчислить их

богатство[72]?»

Вполне возможно, что непримиримая ненависть хаджиба Фадла ал-Раби к Джафару имела куда более решающее значение, чем все эти приступы зависти и раздражения со стороны халифа, которые, может быть, и придуманы были много лет спустя. Эти двое не переносили друг друга. Джафар был препятствием для честолюбия Фадла и знал, что тот способен на все, чтобы его уничтожить. Фадл заронил в сознание Харуна недоверие, а потом и ненависть к Джафару. Недруги Бармакидов концентрировались именно вокруг него.

Фадл ал-Раби не был единственным, кто ненавидел Джафара и Бармакидов. Спесь и роскошь красивого фаворита, его нередко презрительные манеры дорого обходились ему, питая глубокую неприязнь его недоброжелателей. В числе прочих и Зубайда никогда не испытывала симпатий к ближайшему другу халифа, который, помимо всего остального, являлся «наставником» Мамуна, блестящего соперника ее сына. Ни для кого во дворце не было секретом, что Харун ценил дарования Мамуна и подумывал поставить его перед Амином в череде наследования. Мекканские распоряжения, закрепившие за Мамуном Хорасан вместе со значительными военными силами, ничего не уладили, и беспокойство Зубайды отнюдь не улеглось — совсем напротив. Все позволяет полагать, что в течение нескольких недель до драмы она использовала свое влияние, которое всегда было огромным, в ущерб Джафару, безоговорочно преданному сопернику ее сына.

Отношения между Харуном и Фадлом ал-Бармаки были совершенно иными. Халиф ценил осведомленность старшего из Бармакидов, но не испытывал к нему особой симпатии. Дважды побывав на посту наместника Хорасана, он добился достойных восхищения успехов. Он был одинаково талантлив, командуя войсками и занимаясь политическими и административными делами, и его достижения порождали происки завистников во главе с его братом Джафаром и высшими сановниками, завидовавшими популярности, достигнутой им, несмотря на не слишком любезное обращение и нескрываемую спесь.

Фадл ал-Бармаки также выказал значительную терпимость по отношению к Алидам. Как и Джафару, ему приписывали освобождение Яхьи ибн Абдаллаха. Он также оказал неповиновение халифу, который хотел истребить Мусу ал-Касима, и спас последнего — на время, поскольку его отец Яхья в итоге предал Мусу смерти, несомненно, по приказу Харуна. Халиф также упрекал Фадла за снисходительность по отношению к другому представителю рода Али, хасаниду Ибн Табатабе. Все,

что могло породить подозрения о возможном восстании, повергало Харуна, обладавшего безграничной властью, чуть ли не в панику. Фадл же, напротив, полагал, что разумнее оставить Алидов в покое, пока они не представляют настоящей опасности. Обвиненный в малодушии перед противниками халифа, нелюбимый даже собственным братом — что уж говорить о высших сановниках, не входивших в группировку Бармакидов и возглавляемых Фадлом ал-Раби, — Фадл ал-Бармаки стал первым, кого Харун освободил от его обязанностей. За ним осталась только должность наставника наследного принца Амина.

В момент, когда Харун решительным ударом положил конец «правлению» его семьи, Фадл, в основном, влачил бесцельное существование. Исполнив роль покровителя, облеченного абсолютным доверием юного халифа в первые годы его царствования, он со временем превратился в скучного ментора, а потом и помеху. Этот пожилой человек, склонный к уступкам и мирным решениям, был невыносимой обузой для халифа, обладавшего совершенно иным характером и темпераментом и способного на внезапные и часто непродуманные действия. Разве не было неизбежным то, что тревожный и завистливый монарх в конце концов его уволил? Харун, который не страдал недостатком сообразительности, разумеется, видел истинную опасность: власть незаметно перетекала из его рук в другие, а ему оставалась лишь видимость самостоятельности. Многие историки цитируют рассказ Джибрила, врача Харуна, который однажды, находясь во дворце, услышал шум. «Что там?» — спросил Харун. «Это Яхья судит за злоупотребление», — отвечал Джибрил. «Пусть Бог его благословит и наградит, — воскликнул Харун. — Он освободил меня от этого бремени и встал на мое место». Аналогична сцена повторилась несколько лет спустя, и на этот раз Харун сказал: «Пусть Бог поразит его бедствием. Он решает дела совершенно самостоятельно, ведет их вопреки моей воле и следует собственным склонностям, а не моим». Присутствовавшая при этом Зубайда добавила жару, начав яростно нападать на Яхью[73].

Конечно же, у Яхьи не было намерения свергнуть Харуна, как его обвиняли. Но разве не мог он сам или кто-то из его сыновей или других членов семьи впоследствии оказаться замешанным в интриге с целью заменить правящего халифа другим Аббасидом или, в духе худших опасений Харуна, Алидом? Не было ли для повелителя правоверных уничтожение Бармакидов логичным и неизбежным следствием мекканских решений? Мог ли произойти раздел империи, если бы Бармакиды оставались у власти? Возможно, драму в Умре следует рассматривать в перспективе

проблемы наследования, а не в контексте борьбы между иранским и арабским влиянием.

Бармакиды были выходцами из Хорасана, но буддистами, а не зороастрийцами, и непохоже, что они чересчур, или, скорее, больше, чем того требовала эпоха, способствовали распространению персидского влияния и культуры. Их толерантное отношение к Алидам — как мы знаем, арабам, а не иранцам — не имела ничего общего с их хорасанскими корнями. Кроме того, их происхождение едва ли можно было считать недостатком: колыбелью аббасидской революции был Хорасан, и хорасанцы стали самой надежной опорой режима. Обращение Бармакидов к арабской культуре было бесповоротным, хотя, как и все в то время, они сохраняли восприимчивость к иранским веяниям, от философских учений до вкуса в одежде и кулинарии. Среди упреков Харуна в их адрес никаких обвинений в «иранизме» не значилось.

Многочисленным потомкам Бармакидов выпали разные судьбы. Те, кого пощадили или кто сумел спрятаться, вернулись к нормальной жизни, когда Мамун стал халифом. Мухаммед ибн Яхья и Аббас ибн Фахд были назначены наместниками, соответственно, Басры и Хорасана. Муса был наместником Синда, впоследствии этой же провинцией управлял его сын Имран. Внук Мусы, поэт и историк по имени Абдул Хасан, являлся одним из на-димов халифа Муктадира. Среди знаменитых потомков этого рода упомянем еще и известного биографа Ибн Халликана (происходившего от Джафара и умершего в Дамаске в 1282 г.), визиря Саманидов, посла Газневи-дов, правоведа, жившего в Испании в X в. Многих людей называли ал-Бармаки, потому что они вели свой род от клиентов великой семьи. Некоторые народы (например, борамик или бормата), жившие сначала в Трипо-литании, а затем в Туате, заявляют о том, что Бармакиды были их прародителями. Наконец, Жерар де Нерваль в своем «Путешествии на Восток» подробно рассказывает о танцовщицах шаваси, которые называют себя барамикех, или бормеке, утверждают, что происходят от Бармакидов.

ГЛАВА V

ХАРУН И ЕГО ЭПОХА

Отношения Карла Великого с царем арабов Аароном, которому подчинялся весь Восток, кроме Индии, были столь сердечными, что его расположение он ценил больше, чем дружбу всех королей и принцев остального мира.

Эйнхард

Вы обязательно завоюете Константинополь. Совершенными будут армия и эмир, которые им завладеют.

Мухаммед. Хадисы

В центре того мира, с которым арабы поддерживали отношения и который был ближе всего к их собственному миру, лежало Средиземное море. Их внешняя политика — в той мере, в какой она у них существовала, — была обращена к странам, омываемым этим морем. Повелитель правоверных был настолько могущественен, его владения простирались так далеко во всех направлениях, и он с таким презрением относился ко всему, что не принадлежало к дар ал-ислам, территории ислама, что иностранные правители в его глазах были не более чем вассалами, от чьих послов он при особых обстоятельствах соизволит принимать почести.

В первую очередь, речь идет о Византии. Арабы отторгли от нее все восточные и североафриканские владения, и Средиземное море перестало быть «византийским морем». Пришло к концу и господство василевса над Италией. С севера надвигалась славянская волна, которая давно перекатилась через Дунай, уже почти что билась в стены Константинополя. В течение долгих веков участь Византии зависела от неспособности ее врагов объединиться, ее технического превосходства (греческий огонь), выдающихся личностей, которые появлялись, когда казалось, что все пропало, чтобы в очередной раз спасти наследие Константина

и Юстиниана.

Восьмой век не был исключением. Один за другим были провозглашены и свергнуты семь императоров. Два министра Юстиниана II были заживо сожжены. Бедствия следовали одно за другим. Повсюду вспыхивали восстания и беспорядки. Империя ждала спасителя. Им стал анатолийский стратиг Лев Исавр. Он восстал против императора, и вскоре сенат, армия и народ провозгласили его новым василевсом.

Первейшая задача нового императора заключалась в том, чтобы сдержать арабский натиск. Лев III осуществил ловкую интригу с военачальником Масламой, направленным омейядским халифом против Византии во главе крупной армии. Осада Константинополя была снята, но через несколько лет нападения возобновились. Арабы добрались даже до Никеи, находившейся на небольшом расстоянии от столицы, как будто для того, чтобы продемонстрировать желание ислама завоевать этот хранимый Богом город.

Однако еще более важным, даже по сравнению с борьбой против арабов, событием правления Льва III и его сына Константина стал затеянный ими спор об иконах. Были ли его причины религиозными или политическими? Было ли это желание положить конец росту земельных владений монастырей и сократить число монахов?

Кроме того, возможно, Лев III и его династия, имевшая восточные корни, поддались влиянию евреев и мусульман, которым запрещено поклонение изображениям. Отразив арабскую угрозу, Лев приказал уничтожить очень почитаемую статую Христа, возвышавшуюся над императорским дворцом в Константинополе. Толпа восстала. Началось движение иконоборчества с его изуверствами и гонениями. А главное, был сделан шаг в сторону разрыва с папством и расчленения Римской империи, на радость королевству франков, могущество которого начинало расти на Западе.

Ни один из пап не признал учение иконоборчества. Григорий II издал указ об отлучении всякого, кто подчинится распоряжению василевса. Реакция Льва III не заставила себя ждать: он приказал отделить от римского патриархата Иллирию (то есть Далмацию и почти весь Балканский полуостров, Сицилию и Калабрию) и присоединить ее к Константинополю. Разрыв Италии и империи свершился. Вскоре папа вверил себя покровительству Пипина, короля франков, который в 754 г. пообещал Стефану II «взять под свою руку интересы блаженного Петра и Римской республики». Василевс, надеявшийся объединить византийскую империю, не смог предотвратить

появление соперника. Меньше чем через полвека Карл Великий был коронован в Риме как император Запада, который после долгого упадка и нападений варваров начал занимать свое, пусть и ограниченное, место на сцене тогдашнего мира.

Даже переживая кризис, империя, лежавшая к востоку от Средиземного моря, по-прежнему оставалась огромной и могущественной, а в Европе начинала зарождаться вторая. На дальнем западе находился Кордовский эмират, западный наследник дамасского халифата, где последний из Омейядов установил власть, вызывавшую восхищение даже у его врагов…

С какими еще государствами Аббасиды сталкивались на путях дипломатии и торговли? Ни одно не могло с ними сравниться, хотя бы из-за огромных расстояний. Япония находилась в одной из высших точек своей истории. Эпоха Нара объединила страну и открыла перед ней море, но ее торговля ограничивалась в основном Дальним Востоком. В Китае правящая династия Тан, терзаемая восстаниями и революциями, колебалась между анархией и абсолютизмом. Поражение в Таласской битве в 751 г., одно из исторических событий, определивших будущее Ближнего Востока и, возможно, Европы, окончательно выбило китайцев из Центральной Азии. Возможности Китая влиять на судьбу стран, расположенных между Тянь-Шанем и Средиземным морем, были утрачены навсегда.

Тюркские племена продолжали и усиливали свой натиск: огузы — на восток, карлуки — в направлении озера Балхаш. В Северной Монголии, а затем в оазисе Тарим, переживало расцвет уйгурское ханство, исповедовавшее манихейство. Хазары осели в степи между Уралом и Доном. Часть их обратилась в иудаизм. Они распространили свое влияние на север, и император Византии использовал их против арабов.

Жившие на севере европейского континента скандинавы и англосаксонские правители (гептария — Семикоролевье) начали обмениваться продукцией со Средиземноморьем и Востоком восточным путем — через Киев, русские реки и Майнц, и западным — через Рону, Маас и прибалтийские города. Однако мощная циркуляция между миром ислама и Северной и Западной Европой возникла лишь несколько позже, и еще позже усилились связи с юго-востоком Азии и островами Индийского океана. И во всех этих странах, особенно в Индии, где правили могущественные династии, купцы постепенно знакомились со все более удаленными территориями. Когда возникла империя Аббасидов, она пережила необычайный экономический рост. Подобно XV и XVI вв., мусульманский ренессанс стал временем встреч.

В эти века, когда религия наполняла собой сердце и разум человека, было ли неизбежным повсеместное противостояние между христианами и мусульманами, и не могли ли какие-то другие соображения отвлечь их от борьбы друг с другом?

Совсем напротив. Войны теперь все больше и больше становились орудием политики. Установление связей и заключение союзов определялось выгодой. Византийцы были готовы поддерживать испанских Омейядов против Аббасидов, которые и сами не брезговали никакими средствами, чтобы свергнуть режим, установленный в Испании отпрыском ненавистной им династии. А королевство франков, поддержавшее папу в его конфликте с императором Византии, было радо любому поражению, которое удавалось нанести его великому противнику империей Аббасидов, чьи армии, подобно не знающему устали морскому приливу, периодически накатывали на византийские границы. Каролинги и Аббасиды были одинаково заинтересованы в борьбе против испанских Омейядов. Пипин занял сторону папы в конфликте с василевсом из-за иконопочитания и тем самым оказался «союзничком» халифа. Но главное, свежа была память о набеге на Пуатье (732 г.), а изгнать Омейядов из Нарбонна удалось лишь в 751 г. В результате, сотрудничество между франками и Аббасидами выглядело вполне нормальным[74].

Это франко-аббасидское «сотрудничество» впервые проявилось в 765 г. в форме обмена дипломатическими миссиями между двумя монархами, Пипином Коротким и Мансуром. В этом году Каролинг прислал в Багдад послов, которые вернулись в сопровождении посланников халифа, доставивших Пипину «богатые дары». По утверждению хроник, послы Мансура были достойно приняты Пипином в Меце и вернулись морем, также нагруженные подарками: «Так был сформирован союзнический блок, объединивший папу, аббасидского халифа и короля франков против Омейядов и Константинополя»[75]. Союзнический блок? Это несомненное преувеличение. Возможно, справедливее было бы сказать, что, в соответствии с принципом «Враг моего врага — мой друг», у глав трех государств существовали общие интересы в некоторых областях, и в результате в определенных обстоятельствах каждый из них мог оказать поддержку другому. Не тогда ли Мансур признал власть Пипина над Сарагосой и Барселоной? Наместник этого города сделался вассалом Пипина, по-видимому, в 752 г. Каролинги посматривали в сторону Иберийского полуострова еще до появления Омейядов в Испании.

По воле обстоятельств, для Аббасидов было вполне логичным использовать интерес франков к территориям по ту сторону Пиренеев против омейядского узурпатора. Возможно, это и все, но для подобного знакомства между двумя столь далекими друг от друга государствами и того было немало.

В 24 сентября 768 г. Пипин умер в Сен-Дени; по его желанию, в этом же аббатстве его и похоронили. Несколькими днями раньше он успел разделить свою империю между своими двумя сыновьями, Карлом и Карломаном. Первый получил север, и запад королевства, а Карломан — юго-восток. Карл был коронован в Нуаоне, а его брат — в Суассоне. Однако согласие между ними продлилось недолго. Провидение все уладило: Карломан умер спустя три с половиной года, а его приверженцы присоединились к будущему Карлу Великому, «живому воплощению решительного успеха, которым увенчалось слиянием римских, галльских и германских элементов в единое целое, которому предстояло стать Европой»[76]. И уже в качестве христианского и европейского императора он через некоторое время возобновил «восточную политику», намеченную его отцом.

Прошло несколько лет, прежде чем далекие горизонты и связанная с ними сложная политика начали привлекать внимание молодого короля. В настоящий момент гораздо большее значение для него имел итальянский вопрос и завоевание Саксонии. Он урегулировал первый, сначала отослав назад свою жену, дочь короля лангобардов Дезидерия, а затем разбив его самого. Воспользовавшись принадлежавшим его отцу титулом «короля римлян», он присвоил себе право вмешиваться в дела папства. Он добился провозглашения своего сына Пипина королем Италии. И это государство, в значительной степени, оказалось в зависимости от франкского королевства.

По отношению к саксам Карл применял силу, иногда жестокость и, гораздо реже, политические методы. Медленно и методично он осуществлял настоящее завоевание. Мир был установлен только в 804 г., но еще в 777 г. в Падеборне большинство старейшин и значительная часть народа изъявили Карлу свою покорность.

Возможно, вследствие совпадения в том же году в Ахен прибыл наместник Сарагосы Сулейман ибн ал-Араби. Состоя в оппозиции к кордовскому эмиру, он приехал, чтобы уговорить короля франков предпринять военный поход на север Испании. Весной 778 г. Карл перешел через Пиренеи во главе двух армий. Не получив обещанной ал-Араби помощи, экспедиция обернулась катастрофой. Карлу не удалось даже овладеть Сарагосой. На обратном пути в Ронсевальском ущелье весь франкский арьергард

был истреблен.

Это был тяжелый урок для Карла. Походы за Пиренеи оказались намного труднее, чем он полагал. На местное население, состоявшее из жадных до добычи горцев, полагаться было нельзя. Еще хуже то, что союзы с мусульманскими вождями казались ненадежными и почти всегда зависели от постоянно меняющихся отношений между ними. Население с негодованием отвергало возможность их объединения с королем неверных ради борьбы с другими мусульманами. Карл отказался от замысла расширить свои владения за счет территорий по ту сторону Пиренеев. Но безопасность франкского королевства требовала иного; лучше всего было установить вдоль границы «защитную полосу», создав буферное государство, которое наблюдало бы за поведением арабов и, располагая значительными военными средствами, остановило бы их при попытке двинуться на север. Таковым стало королевство Аквитания, во главе которого Карл поставил своего сына Людовика, будущего Людовика Благочестивого.

Годы шли. Став осторожным, Карл отказался от вмешательства, чтобы вернуть принадлежавшую франкам Жерону, и не ответил на просьбы наместника Барселоны, утверждавшего, что его город сдастся ему без боя. Он ограничился проведением операции в рамках территории к северу от города. Именно в этот момент он принял решение направить посольство в Багдад к повелителю правоверных Харуну ар-Рашиду.

Первое посольство Карла к Харуну

Халиф в то время находился на пике своего могущества. Слава о его блеске и богатстве его империи перевалила через море. Всем было известно, что еще совсем молодым принцем он дошел до Босфора во главе военной экспедиции. Каждый год его армии глубоко вонзались во внутренние территории василевса. Карл это знал. И он также знал, что, несмотря на упадок, придворные распри и грозившие отовсюду опасности, его единственным могущественным соперником остается император Византии. Происки греков в Италии раздражали франкского короля. События в Константинополе, где власть оказалась в руках женщины, приказавшей ослепить собственного сына, чтобы занять его место, приводили его в негодование. А на папском престоле сидел Лев III, слабый человек с запятнанной репутацией, против которого выдвигались постыдные обвинения (Карл написал ему,

посоветовав «жить достойно»). В этой смутной ситуации западный император и багдадский халиф оставались двумя «столпами вселенной», и было вполне естественно, что Карл хотел если не стать союзником Харуна, то, по крайней мере, установить с ним контакты и быть в курсе его мнений и намерений.

Получили ли полномочные представители Карла точные инструкции? Возможно, но нам о них ничего не известно, и по большинству вопросов мы в состоянии проследить лишь самые приблизительные очертания общей политики двух монархов.

Разумеется, испанский вопрос значился среди тех проблем, по которым Карл Великий желал получить разъяснения. Мусульманское присутствие на полуострове давно волновало франков. Карл не забыл о постигнувшей его там неудаче, и в последние годы его войска и аквитанская армия начали вести на этих землях боевые действия. Аббасиды, со своей стороны, даже оставив надежду когда-либо свергнуть испанских Омейядов, считали, что находятся в состоянии постоянной войны с эмиром-узурпатором. Багдад наблюдал за всем, что происходило в Кордове, насколько позволяло расстояние. Любой из врагов Абдаррахмана I и его наследников не мог не быть другом халифа, и в Испании у Аббасидов были сторонники среди арабских вождей, которых можно было склонить к сотрудничеству с Карлом против Омейядов.

Отношения Карла с Византией, по всей видимости, были более нюансированными. Оба христианских государства, Ахен и Константинополь, боролись за главенство в имперском масштабе. Вскоре папе предстояло возложить на голову Карла корону императора римлян. В результате между двумя христианскими империями возникли серьезные трения. Франкское посольство отправилась в Багдад всего за три года до этого впечатляющего события, каковым стала коронация, состоявшаяся 25 декабря 800 г. Понятно, что Карлу было очень важно знать, как складываются отношения между василевсом и халифом. А последний — и Карл не мог не знать об этом — имел все основания стремиться к разжиганию противоречий между двумя великими христианскими государствами.

Наконец, был еще Иерусалим, священный город христиан, с храмом Гроба Господня, церковью Святой Марии на Голгофе, базиликой, сооруженной на месте, где Елена, мать императора Константина, обрела подлинный Крест Господень, Маслинной горой и церковью Вознесения, построенной на месте, откуда Христос вознесся на небеса, на ее вершине. Город изобиловал богоугодными заведениями, монастырями и лаврами с многочисленным духовенством, в основном греческим, но также

и латинским, во главе которого стоял почитаемый всеми патриарх, самое влиятельное и уважаемое лицо христианского мира после папы и константинопольского патриарха. Христиане стекались в Иерусалим со всей Европы. В этом городе, одинаково священном для мусульман и христиан, они совершали поклонение без всяких помех, если не считать неизбежных инцидентов, которые, как в любом центре паломничества, исходили не от властей, а от отдельных людей — авантюристов и грабителей.

Однако в тот момент, когда Карл решил направить в Багдад своих послов, до Ахена дошли несколько тревожные новости. Бедуины, которым мусульманские власти не оказывали должного сопротивления, совершали набеги на город, грабили христианские общины и убили восемнадцать монахов. Карл, который, несмотря на собственные излишества, был очень благочестивым человеком, пришел в волнение. Он поручил своим посланцам просить халифа, чтобы он положил конец этим злодеяниям. Он также наказал им снискать расположение мусульманских князей и раздавать деньги нуждающимся христианам в Египте, Северной Африке, Сирии и Иерусалиме.

Был также и знаменитый слон, на которого, если так можно сказать, вылито немало чернил. Послы Карла привезли ему слона в подарок от Харуна ар-Рашида. Историки утверждают, что единственная задача посольства заключалась как раз в том, чтобы доставить это сказочное животное, для которого Карл построил императорский зверинец. Это представляется несерьезным: как мы видели, у великого франкского короля было достаточно других причин, чтобы отправить к халифу своих послов. Скорее, Харун сделал этот подарок, повинуясь импульсу, чтобы засвидетельствовать свою дружбу к Карлу и то исключительное уважение, с которым он относился к нему и его государству[77].

Для путешествия на Восток, которое началось примерно в конце 797 г., Карл выбрал двух мирян, Лантфрида и Сигизмунда, и еврея по имени Исаак, несомненно, в качестве переводчика. По какому пути они следовали? Чтобы добраться до Востока, в то время двигались по морю до Египта, а оттуда сушей в Иерусалим и Сирию. Можно также было доплыть до Бейрута или Антиохии, а затем через Алеппо спуститься по Евфрату до Ракки и Багдада. Похоже, что франкские послы выбрали именно этот маршрут.

Через три года Исаак вернулся. Он один пережил это долгое и трудное путешествие. Лантфрид и Сигизмунд умерли, возможно, уже на обратном пути[78]. Таким образом, именно этот еврей доставил великолепный подарок Харуна ар-Рашида — слона по имени Абу-л-Аббас. С побережья Африки, которого он

достиг вместе со своим громоздким спутником, он попросил Карла прислать ему корабль для перевозки халифского подарка. Карл отправил к нему нотария Эркибальда (или Эрканбальда), чтобы облегчить ему путешествие до прирейнских земель. Высадившись в Порто Венере в Лигурии в октябре 801 г., Абу-л-Аббас перезимовал в Верчелли и 20 июля 802 г. торжественно вошел в Аахен, где находился император, произведя соответствующее впечатление на толпу. Карл дал Исааку аудиенцию, что было «исключительной честью для еврея той эпохи» (G. Musca). Абу-л-Аббас умер в 810 г.

Между отбытием трех послов Карла и возвращением Исаака произошло несколько событий, представляющих интерес для отношений с Востоком. В конце 799 г. в Аахен прибыл монах, присланный патриархом Иерусалимским Георгием. Чтобы отблагодарить за отправку трех «послов» в святой город и за привезенные ими пожертвования, Георгий предоставил Карлу реликвии из Гроба Господня. Несколько недель спустя Карл отправил этого монаха назад в сопровождении своего дворцового священника по имени Захария с подарками для Святых мест. И 23 декабря следующего года, за два дня до своей коронации, Карл принял в Риме Захарию, вернувшегося вместе с двумя иерусалимскими монахами — греком из монастыря Св. Саввы и латинянином с Масличной горы. Они доставили ему «ключи от Гроба Господня и Голгофы, а также от цитадели и горы [Сион] вместе со знаменем Креста»[79]. Император некоторое время держал этих монахов при себе, а потом, в апреле, отправил их в Иерусалим.

Авторы анналов того времени и историки усмотрели в присылке этих ключей политический жест, придав ему более глубокий смысл, чем он имел в действительности. На протяжении веков передача городских ключей являлась обычным ритуалом. И остается им и сегодня. Папы давно раздавали маленькие ключи от собора Святого Петра тем, кого хотели почтить. Для той же цели использовались ключи Храма Гроба Господня и горы Сион. Знамя Креста, скорее всего, представляло собой произведение из золота и серебра, содержащее в себе частицы истинного креста[80]. Эти дары были знаком благодарности иерусалимского духовенства по отношению к Карлу не только за его денежные пожертвования, но, возможно, еще и за заступничество его послов за христиан Востока в настоящем и в будущем. Таким образом, эти ключи обладали чисто символическим значением. Во всяком случае, они не делали Карла наместником Иерусалима, как это утверждают, и не означали, что он стал «вассалом» халифа, который, безусловно, вообще ничего не знал об их отправке.

Еще важнее, чем приношения иерусалимского духовенства и присылка слона Абу-л-Аббаса, стало прибытие двух мусульманских сановников одновременно с возвращением Исаака. Один из них принадлежал к окружению Харуна ар-Рашида, а другой — эмира Кайруана Ибрагима ибн ал-Аглаба, самого могущественного эмира Северной Африки, с ролью которого в Ифрикии мы уже знакомы. Ибрагим послал своего представителя к великому западному монарху не без умысла: он, естественно, желал вступить в отношения с тем, кто с противоположного берега Средиземного моря выглядел как человек новой эпохи.

Карл принял двух послов в районе Верчелли в Северной Италии, где он тогда находился. Они доставили ему «великолепные дары» от халифа и эмира: несколько обезьян, бальзамы, нард, различные притирания, благовония, разнообразные духи и медикаменты «в таком количестве, что, казалось, они опустошили Восток и Запад», как написал монах из Санкт-Галлена. По всей видимости, миссия Харуна была прислана в ответ на посольство Карла в 797 г. Оно было благосклонно принято, поскольку получило продолжение. Это был один из тех моментов, когда решаются судьбы империй. Папство и восточная империя переживали кризис невероятной тяжести. Коронация Карла посеяла в Византии опасения, что всемогущий император решит двинуться на Константинополь, чтобы наказать Ирину, узурпировавшую трон цезарей. Харун, который, как и все великие мусульманские правители, мечтал завладеть Константинополем, был первым, кого интересовали планы Карла. Женится он на Ирине или двинет против нее свои войска? Что произошло и каково было поручение двух послов? Передали ли они западному императору какие-то предложения от Харуна и Ибрагима? Об этом не упоминает ни один источник.

Тем не менее, с учетом политического контекста, можно полагать, что среди забот халифа, продолжавшего военные приготовления в приграничной зоне, будущее христианской империи Востока занимало одно из первых мест. Ибрагим, также являвшийся соседом Византии со стороны моря, был чрезвычайно озабочен всем, что там происходило. Его стремления уже стали очевидными. Менее трех десятилетий спустя его преемники высадились на Сицилии, принадлежавшей Византии, и в Южной Италии. В то время аглабидский эмир наблюдал, собирал сведения и готовился. И была еще Испания, по поводу которой у Карла, Харуна, а также Ибрагима были свои мысли, информация

и планы. Эта двойная миссия заслуживает большего внимания, чем ему обычно уделяют.

Два мусульманских посла провели несколько месяцев при дворе Карла Великого и, как рассказывает Ноткер, монах из Санкт-Галлена, были поражены, обнаружив такое великолепие. На Пасху они присутствовали на божественной службе в соборе, а затем император оказал им из ряда вон выходящую честь, пригласив их за стол, но «восхитительные вещи, которые они видели, лишили их аппетита»[81]. Они отбыли в течение 802 г.

Второе франкское посольство

Вероятно, в конце 802 г., то есть спустя несколько месяцев или даже недель, Карл Великий отрядил к Харуну новое посольство. Во главе этой миссии был поставлен некий Радберт, безусловно, придворный сановник. «Анналы королевства франков» ничего не сообщают ни о его пребывании в Ираке, ни о путешествии туда и обратно кроме того, что Радберту и его спутникам удалось незамеченными проскользнуть мимо греческого флота, который как раз в тот момент под командованием патриция Никиты пытался завоевать Далмацию.

Радберт скончался почти сразу по возвращению в Италию и потому не оставил никакого отчетва о своем посольстве. Но одновременно с ним прибыли две другие миссии: одну во главе с неким Абдаллахом прислал Харун ар-Рашид; другая представляла Фому (нового патриарха Иерусалимского, сменившего Георгия) и состояла из монахов Феликса и Георгия, имевшего германские корни и являвшегося настоятелем общины Масличной горы. Они принесли императору письмо об интронизации нового патриарха, а также просьбу о денежных субсидиях на содержание христианских общин на Святой земле. Абдаллах, со своей стороны, доставил великолепные дары Харуна ар-Рашида: шатер редкой красоты с разноцветными занавесами изо льна, шелковую материю, духи, притирания, бальзамы, два огромных подсвечника из золоченой бронзы, а главное, бронзовые часы с позолотой, «которые поразили всех, кто их видел»[82].

Первое посольство было религиозным, и в нем не было ничего необычного. Что же касается посольства Абдаллаха, то, как и предыдущая миссия, направленная Харуном, оно само по себе было событием. Возможно, именно Абдаллах и передал Карлу Великому в дар от Харуна ар-Рашида те земли, которых он добивался и которые были предметом обсуждения в ходе первых двух посольств. Единственный текст, которому мы здесь можем

доверять, это «Анналы королевства франков». Эйнхард в своей «Жизни Карла» отразил эту тему таким образом, что у нас нет возможности определить, какие привилегии халиф предоставил Карлу, или их датировать. Историк Карла Великого кратко написал, что: «узнав о желаниях Карла, халиф не только дал ему все, чего он просил, но еще и даровал ему власть над святым местом, откуда пришло спасение миру», то есть «пресвятой гроб нашего Господа и Спасителя и место Его воскресения». Примерно через шестьдесят лет монах из Санкт-Галлена в своем труде «Деяния Карла» изобразил разговор между Харуном ар-Рашидом и послами Карла Великого, во время которого халиф подтвердил, что отдает обещанные земли в распоряжение Карла, чтобы тот правил ими в качестве его «поверенного». Именно эти короткие отрывки двух авторов побудили современных историков думать, что Харун предоставил Карлу «протекторат» над Палестиной. Чтобы не входить здесь в подробности этого спора[83], скажем, что слово «протекторат», несомненно, отдает анахронизмом. Понятие протектората совершенно чуждо как западному, так и восточному праву IX в., ив данном случае никак не соотносится с реальностью. Где указание о том, что Гроб Господень оказался под властью Карла? Харун, безусловно, предоставил ему «власть» (но какую?) над местом погребения Христа, то есть его гробницей, «местом, длина которого, собственноручно измеренная Аркульфом, составляет семь футов… а общая поверхность достаточна, чтобы человек мог лежать на нем на спине, где и положили Господа, обвитого плащаницей»[84].

Ничто в известных нам западных текстах не позволяет выйти за пределы этой интерпретации. Халиф предоставил западному императору «власть» над самой гробницей, и ни над чем другим. Распространялась ли эта власть на все строение, то есть на Храм Гроба Господня? Каковы бы ни были политические интересы Харуна, когда он удовлетворил пожелания Карла, очень сомнительно, что он мог выйти за пределы ограниченных, даже символических уступок. Как нам известно, Харун был чрезвычайно предан своей религии. Именно она, послужив предлогом для гонений на Омейядов, в какой-то степени оправдывала тот факт, что его династия встала во главе мусульманского государства и общины верующих. Власть религиозного вождя была абсолютной, но подчинялась требованию строгого соблюдения исламских норм, причем в эпоху первых Аббасидов это было заметнее, чем в какое-либо другое время. Следовательно, отдавать правителю неверных здание, в котором находится гробница его Бога, пусть и пустая, было опасно. Помимо всего прочего, это значило дать Алидам

возможность воспользоваться этим прегрешением против веры. Харун, чья боязливость и тревожность часто имела под собой веские основания, был не тем человеком, чтобы взять на себя подобный риск. Что касается «протектората» над Палестиной, то это совершенно неправдоподобно, и ни один текст не позволяет подтвердить эту версию.

Таким образом, «дарение» гробницы Христа, которое невозможно оспорить, несмотря на отсутствие каких-либо арабских текстов на эту тему, представляло собой, главным образом, символический жест. Однако в глазах Карла, как и большинства христиан, гробница Спасителя обладала немыслимой ценностью, и тот факт, что она стала «собственностью», пусть и фиктивной, Карла Великого, не мог не зажечь воображение мужчин и женщин, мечтавших поклониться ей в Иерусалиме. Авторитет Карла в результате стал еще выше и пережил века. Его имя окружили легенды. Помимо полностью вымышленных повествований монаха из Санкт-Галлена, мы можем прочитать о путешествии Карла Великого на Восток с торжественным входом в Иерусалим, о том, как Харун подарил ему Вифлеемские ясли и Гроб Господень, и о возвращении императора с мощами Св. Андрея. Поэма XII в. «Путешествие Карла Великого на Восток» повествует о подвигах императора и его армии паломников, изгоняющих язычников из священного города. Его превратили в первого крестоносца, и до конца Средних веков этому верил весь мир.

Помимо символического дарения Гроба Господня мусульманские власти, вероятно, предоставили Карлу Великому право «покровительствовать» религиозным учреждениям Иерусалима, то есть обустраивать, содержать и восстанавливать их, а также привлекать паломников и обслуживать их пребывание в Иерусалиме. В повествованиях того времени мы находим следы присутствия в святом городе семнадцати монахов франкского происхождения. На средства Карла, по-видимому, были построены гостиница, рынок и библиотека для паломников. Император приобрел в долине Иосафата виноградники и сады, а также, как гласит легенда, «Село крови», купленное Иудой на тридцать сребреников, добытых ценой предательства.

Благодаря этим отношениям Карл Великий мог также способствовать облегчению участи христиан, живших под властью мусульман. Харун умер в 809 г., и в империи почти на десять лет воцарился хаос, во время которого христиане переживали испытания, неизбежные для любых меньшинств в смутные времена[85]. Затем жизнь христиан вернулась в прежнее русло, и временами становилась безмятежной, а порой более трудной, в

зависимости от местных условий и личности наместников и чиновников, имевших дело с народом. Из пожалований, предоставленных Карлу Харуном, сохранилось, в основном, то, что он построил и отреставрировал на свои средства, и, возможно, временное увеличение численности франкских монахов на Святой земле, а также предания и воспоминания, которые надолго пережили обоих великих императоров.

Харун ар-Рашид умер в Хорасане меньше чем через два года после прибытия Абдаллаха и его спутников ко двору Карла Великого. Успел ли Абдаллах вернуться вовремя, чтобы поставить его в известность о своих отношениях с Карлом Великим, или же к моменту прибытия своего посла халиф уже покинул Ракку? Ни один арабский текст не упоминает об отношениях между Харуном и императором Запада. Смерть халифа с последующей междоусобной войной прервала обмен дипломатическими миссиями, а потрясения, прокатившиеся по империи Аббасидов, создали совершенно новую ситуацию. Наследники Харуна Амин и Мамун не проявляли никаких инициатив во внешней политике[86], войны с Византией прекратилась, несмотря на поход, предпринятый Мамуном незадолго до своей смерти и потому оставшийся без продолжения. Карл Великий умер в 814 г.

Переделывать историю всегда рискованно. Каковы были бы последствия описанных событий, если бы правление Харуна не оборвалось так внезапно и если бы ему удалось успешно осуществить захватнические планы против Византии, которые он так долго вынашивал? Можно предположить, что между двумя императорами были бы заключены официальные договоренности, и в этом случае мы могли бы говорить об «оси Ахен-Багдад». Но, согласившись с подобной версией, мы бы забыли обо всем, что разделяло этих двух людей и их империи как в пространстве, так и в мировоззрении. Нет, их сотрудничество, наверняка, не зашло бы так далеко. Не являясь «соперниками», они питали одинаковую ненависть к Кордовскому эмирату и одинаковое недоверие к Византии, что заставляло их взирать на «международное положение», по крайней мере, в средиземноморском регионе, с близких позиций. И тот, и другой, но особенно Харун, добивались ослабления византийской империи. Желал ли повелитель правоверных заодно исключить возможное, но нежелательное для него сотрудничество между империями франков и греков? Может быть, и так, хотя в тот исторический момент эта опасность вовсе не была очевидной. Точно так же Харун, несмотря на свою географическую удаленность, боялся новой мусульманской Испании, которая бурно и успешно развивалась. В первые годы IX в., когда во

многих провинциях единство и сплоченность аббасидской империи оказались под угрозой, Харун знал, что второй великий император не был врагом, а значит, мог стать «другом». На этом, вероятно, и остановился бы процесс сближения этих двух людей и государств, не приведя их ни к дипломатическому союзу, ни к конкретным планам военных действий, но дав обоим уверенность в том, что, благодаря наличию общих интересов и врагов, у них нет оснований для взаимных опасений и что в беде они смогут рассчитывать друг на друга.

Два центра мироздания

Молитвы, паломничество, пост и милостыня, наряду с исповедованием веры, составляют пять столпов мусульманской веры. К ним добавляется шестой, «не личный, а общественный долг» (а для того, кого Бог поставил во главе общины правоверных, — долг императорский) вести джихад, священную войну против неверных, чтобы расширить исламский мир и обратить побежденные народы или покорить их, присвоив им статус дзимми[87]. Аббасиды, пришедшие к власти «на гребне религиозной войны» и, в отличие от Омейядов, ставшие «посланниками Бога», а не «посланниками Пророка Божия», подчинялись этому обязательству.

Однако в конце VIII в. арабы достигли предела своих возможностей. Сасаниды навсегда сошли с исторической сцены. На востоке, несмотря на пропаганду, которая продолжалась несколько десятков лет на берегах Окса (Амударьи), Таласская битва, совпавшая с китайской экспансией в Центральную Азию, положила конец попыткам отделения Мавераннахра. Империи Дальнего Востока находились вне пределов досягаемости. Государство Каролингов было слишком удалено — расстояние от Гибралтара до берегов Луары составляет 1500 километров, — чтобы до него можно было добраться. Битва при Пуатье, которая для мусульманских историков навсегда осталась лишь разгромом «горстки солдат, совершавших набеги далеко за пределы самых дальних границ»[88], не имела продолжения. Завоевывать ни на востоке, ни на западе было нечего, и не осталось народов, которым можно было бы проповедовать ислам.

Оставались империя василевса и страстная мечта завоевать Константинополь. Она веками будоражила умы многих мусульманских императоров, а затем, когда один из них[89], наконец, завладел им, — христианских королей и императоров, которые чуть ли не до наших дней мечтали о его возвращении.

Если бы не греческий огонь[90] и Лев III Исавр, которому большую помощь оказали нападения булгар на арабов, поход Масламы, возможно, увенчался бы успехом. Эта экспедиция знаменовала собой высшую точку арабского наступления. Аббасиды находились на вершине своего могущества, и сначала Махди, а потом Харун ар-Рашид и его сын Мамун столкнулись с реорганизованными по территориальному принципу (фемы[91]) сухопутными и морскими силами Византии, которые до какого-то момента неизменно доказывали свою боеспособность.

Неизбежная встреча

Для арабов раннего средневековья византийцы были единственными непосредственными соседями. Другие народы обитали на огромных расстояниях, в месяцах пути. Установление контактов с ними практически превращалось разведку; и то, что о них было известно, имело лишь отдаленную связь с реальностью. В соответствии с мусульманским законом, посещение страны неверных является предосудительным поступком, допустимым лишь с целью выкупа пленников. Торговля же не является достаточным основанием для подобного путешествия[92]. К неверным отправлялись лишь отважные путешественники и чаще всего стремительно обогащались. Остальные же пребывали в полном неведении относительно Азии, о Европе имели лишь самое смутное представление, а о ее географических очертаниях — вовсе никакого. Африка для них ограничивалась Магрибом и частью восточного побережья. Остальной мир был достоянием мифов.

Византийцы же имели менее расплывчатое представление о странах Востока и Севера. В частности, они поддерживали отношения, в основном торговые, но также и политические, с Каролингами, а Центральная и Южная Италия входили в состав греческой империи до середины VIII в. Они тоже нечасто решались выйти за собственные границы, а с тех пор, как арабы завладели южным побережьем Средиземного моря и торговля с дальними странами оказалась в их руках, подобные вылазки стали совсем редкими.

Будучи друг для друга единственными соседями, арабы и византийцы были, если так можно выразиться, обречены на взаимоотношения. Их часто прерывали войны, но они существовали, а также имел место разного рода обмен. Соседи проявляли по отношению друг ко другу одинаковое любопытство. Но можно ли утверждать, что они это осознавали? Конечно же,

нет. Их религии и обычаи слишком различались. Каждый был убежден в собственном превосходстве, даже если допустить — разумеется, чисто теоретически — мысль о разделе мира между ними. Мусульмане считали себя избранниками Бога, верили, что их религия является единственно истинной и в будущем распространится по всей земле. Главная вина византийцев, с их точки зрения, состояла в том, что они дали Богу товарищей (Троица). Вдобавок у нечестивых греков было множество пороков, они отличались корыстолюбием, не держали слова, их женщины были грязными и бесстыдными, а пища — невкусной. Кроме того, они поставляли мусульманскому миру евнухов и сами практиковали кастрацию[93].

По мнению византийцев, только их царство — царство Божие — воплощало тот религиозный, интеллектуальный и нравственный идеал, которого человек в состоянии желать в нашем земном мире. «Живущий в пределах империи принадлежит к ойкумене, цивилизованному миру, а земли вне ее суть эремос, или пустыня[94]». Мусульмане разрушили эту огромную империю, предвосхищавшую Царство Божие. Они сорвали объединение мира, которое вот-вот должно было осуществиться. И они были безбожниками. Этим все сказано.

Византийцы и мусульмане согласно считали друг друга варварами. У первых чувство собственного превосходства проявлялось еще сильнее, чем у вторых. Но им было некуда деться. У них были общие границы. Торговые отношения между полуостровными арабами и греками христианской империи существовали с доисламских времен. Пророк и халиф Омар знали по опыту, что при входе на византийскую территорию надо платить таможенную пошлину. При Омейядах обмен шел, в основном, морским путем: в Константинополь, помимо многих других товаров, везли египетский папирус. Экономическая экспансия Аббасидов усилила этот поток. Он всегда шел через Константинополь, где для мусульманских купцов существовала мечеть, а также через Трапезунд и Ламос, приграничный город к западу от Тарса. Периодически там устраивали ярмарки, и именно там происходил обмен греческими и арабскими пленными. Некоторые товары были запрещены для вывоза: так, например, иностранные торговцы не могли вывозить с арабской территории экземпляры Корана и бальзамы. Византийцы запрещали вывоз любых масел.

При определенных обстоятельствах арабские и византийские правители обменивались подарками. Муавия преподнес василевсу пятьдесят скаковых лошадей (их вывоз подлежал жесткому контролю), Мамун — куний мех и мускус. Харун ар-

Рашид послал императору Никифору благовония, шатер и сушеные фрукты. В ответ он получил двести одеяний из драгоценной ткани, соколов, охотничьих собак. Императрица Ирина подарила ему 30 000 фунтов ткани из козьей шерсти. Обе стороны посылали друг другу золотые кушаки, украшенные бриллиантами, одеяния из редкого шелка, рабов обоих полов. «Тысяча и одна ночь» неоднократно упоминает о подарках повелителю правоверных от византийского императора: «И вот каковы были дары царя Афридония, господина Константинии. Там было пятьдесят юных девственниц, прекраснейших из прекрасных дев греческих. И было пятьдесят юношей, выбранных среди лучших рожденных в стране Рума. И каждый из этих прекрасных юношей был одет в просторное шелковое платье с широкими рукавами с золотыми узорами и разноцветными фигурами и золотой кушак с серебряной чеканкой, к которому крепились две юбки неравной длины из парчи и бархата. У каждого из них в ушах были золотые кольца, к которым были подвешены круглые белые жемчужины, стоившие более тысячи мер золота. А юные девы тоже несли на себе неисчислимые сокровища. Вот каковы были два главных подарка. Но были и другие дары огромной ценности, ни в чем не уступавшие названным» (Ночь 46-я).

Этот обмен подарками, всегда ценными, иногда странными (один император прислал халифу Муавии двух мужчин, один из которых отличался гигантским ростом, а другой невероятной силой), происходил в связи с заключением договора, обменом пленными, восшествием на трон императора или халифа. Дары прибывали в сопровождении послов, которые, в свою очередь, получали подношения вместе с разрешением на вывоз. Они всегда пользовались дипломатической неприкосновенностью. Некоторые, желая больше узнать о стране, в которую приехали, за короткое время, поскольку постоянных представительств не существовало, не упускали случая погостить у людей из окружения халифа и осмотреть страну или хотя бы столицу. Халиф и император приглашали послов к своему столу. Те же, со своей стороны, устраивали роскошные пиры, чтобы поразить воображение приглашенных и продемонстрировать богатство своего повелителя. Багдад и Константинополь соперничали в блеске. Иоанн Синкелларий, посетивший халифа Мамуна в Дамаске в 831 г., раздал значительные суммы чиновникам, придворным и даже народу на улицах. Константинополь выразил ему свое величайшее удовлетворение, поскольку он «показал сарацинам, что такое империя».

Халиф и василевс переписывались. Когда один из них просил

об обмене пленными или предлагал перемирие, письма становились любезными, почти дружескими. Когда в послании содержалось объявление войны, тон становился яростным, даже оскорбительным. (Это заметно по письму, которое Харун ар-Рашид отправил императору Никифору.) Они также писали друг другу письма на отличные от политики темы. Император Никифор просил у Харуна прислать ему поэта Абу-л-Атахию, предлагая взамен дать в заложники столько пленных, сколько он пожелает. Поэт отказался, вопреки настоятельным просьбам халифа. Омейядский халиф Валид писал Юстиниану: он хотел, чтобы греческие ремесленники прибыли в Дамаск для строительства мечети, а в случае отказа грозил разрушить церкви. Через некоторое время после смерти Харуна халиф Мутавакил, один из самых сумасбродных строителей аббасидской династии, вызвал из Византии художников, чтобы украсить стены своего дворца в Самарре. Помимо прочего, они включили в эту роспись изображение церкви и монахов.

Многие исторические факты и истории, часто приукрашенные, свидетельствуют о том, что между двумя империями существовали связи на высшем уровне, а также между интеллектуалами, которых как будто притягивал друг к другу взаимный мираж, «мираж, отраженный сверкающим миражом», по выражению Луи Массиньона.

В VIII и IX вв. арабы сохраняли представление о том, что Византия является наследницей древних греков, культуру которых они для себя открывали по мере того, как переводили их труды. Халифы, жаждавшие иметь в своих библиотеках труды античных авторов и стремившиеся популяризовать их, направляли арабских ученых на поиски греческих текстов в Константинополь. И вот мы видим, как византийский монах приносит кордовскому эмиру трактат Диоскорида и толкует его, а Мамун просит императора Феофила прислать ему геометра и астронома Льва.

В своих письмах халиф всегда предлагал императору принять ислам. Последний отвечал, и иногда завязывались настоящие богословские споры: например, между Омаром II и Львом III Исавром, Харуном ар-Рашидом и Константином VI, и т. д… В середине IX в. халиф Ватик с согласия императора Михаила III направил в Эфес научную экспедицию для изучения останков Семи спящих[95]. Тот же халиф организовал экспедицию в Центральную Азию на поиски стены, воздвигнутой Александром, чтобы сдержать народы Гога и Магога.

Таким образом, отношения между главами двух империй нельзя назвать полностью враждебными, несмотря на почти

непрерывную войну между ними. Впрочем, Византия отдавала арабам своеобразное преимущество над европейцами, как указывает историк Васильев, который в качестве примера приводит тот факт, что византийский протокол отводит сарацинским «друзьям» более почетное место за императорским столом, чем «франкским друзьям». Послы с Востока имели превосходство над послами с Запада[96].

Существовали и перебежчики, которые переметывались от Византии к арабам и наоборот. Арабов иногда прельщали определенные свободы, которыми можно было пользоваться по ту сторону границы, например, возможность пить вино. Другим приходилось бежать, совершив преступление. Нам известно немало примеров византийцев, ставших перебежчиками по политическим мотивам, причем впоследствии эти люди занимали важные посты в окружении халифа. Некоторые принимали ислам и оставались навсегда, другие пытались вернуться в родную страну. Были еще целые племена, которые пускались в бега, чтобы избавиться от слишком авторитарной власти, и военнопленные, которые предпочитали не возвращаться на родину: они меняли веру и получали земельную собственность. Византия набирала переводчиков из их числа.

Безусловно, самым знаменитым из византийцев, перешедших на службу к арабам, был стратиг Тацат, бежавший в 784 г. Покинул родину и стратиг Элпидий: его обвинили в любовной связи с императрицей Ириной. У командующего сицилийским флотом Евфимия был другой мотив: он женился на монахине. Стратиг Андроник Дука тоже перешел к арабам и принял ислам.

Матери многих халифов имели греческое происхождение: Каратис, мать Ватика (внук Харуна ар-Рашида), Хабашийя, мать Мунтасира, Курб, мать Мухтади, Дирар, мать Мутадида и, чуть позже, знаменитая Шагхаб, мать Муктадира, дворец которого был буквально наводнен греками и гречанками. Шагхаб осталась в воспоминаниях как одна из самых жадных до роскоши и богатства императорских наложниц.

Пленники, жившие среди местного населения, способствовали тому, что два народа все больше узнавали об обычаях и цивилизации своих соседей. Важные личности, находившиеся под арестом в предоставленных им домах, могли получать все, что хотели. Прочие, которых принуждали к работе, особенно на мануфактурах, в силу обстоятельств общались с теми, с кем проводили дни. Такие же, и даже более постоянные контакты устанавливались в приграничных районах, где почти все население говорило на двух языках. Основными занятиями там были контрабанда и шпионаж. Нескончаемые стычки, обмен

пленными и всевозможные проявления войны не могли не оказывать влияния на обе страны.

Наконец, для христиан паломничество в Иерусалим было возможностью погрузиться в этот арабский мир, о котором столько говорили и так мало знали. Хотя мы располагаем лишь обрывочными сведениями об аббасидском периоде, похоже, что подданные василевса обладали достаточной свободой, чтобы без помех отправиться на Святую землю; возможно, для этого требовались лишь соответствующее разрешение и уплата налогов. И там тоже происходили контакты, которые помогали мусульманам и христианам лучше узнать друг друга.

Вынужденные жить по соседству в силу географического расположения, презирая и восхищаясь друг другом, арабы и византийцы одновременно притягивались друг к другу и отталкивались. Их враждебность смягчалась тем, что и те, и другие исповедовали монотеизм и разделяли уверенность в том, что кроме них и, в какой-то степени, персов и индийцев все остальные народы коснеют во мраке невежества и дикарства. «Есть только два глаза, которым божество поручило освещать мир: могучая империя римлян и община, мудро управляемая персами», — написал Сасанид Хосров императору Маврикию. После крушения персов настала очередь арабов «освещать мир».

Харун ар-Рашид и война с василевсом

Саффах и Мансур придавали войне с Византией не слишком большое значение. Для первых двух аббасидских халифов, занятых укреплением своей власти и отражением нападений хазар, война с неверными не была первейшей заботой. У их противника тоже имелись куда более насущные задачи: борьба против славянских племен во Фракии и Македонии, а главное, отпор булгарам, чей натиск в тот момент представлял гораздо большую опасность чем арабская экспансия. Войска Мансура и Константина V редко сталкивались в серьезных сражениях. Они совершали набеги, уничтожали города (Мелитена, Массиса, Адана, Мараш), население которых уводили в полон. В 771 г. арабский флот совершил нападение на Кипр, где в плен попал византийский наместник.

Когда к власти пришел Махди, наступление на Византию началось с новой силой. В 778 г., когда Лев IV захватил Самосату, халиф собрал мощную армию под командованием своего дяди Аббаса ибн Мухаммеда, который взял Мараш. Византийцы снова заняли город и угнали во Фракию все яковитское население. В

следующем году Мараш снова перешел в арабские руки. Военными действиями командовал Хасан ибн Кахтаба, который во главе 30 000 человек, не считая добровольцев, дошел до Аморий и Дорилеи (современный Эскишехир) в 350 километрах от Константинополя. Он жег и разорял страну, не встречая сопротивления, так как император приказал своим войскам отступать без боя.

В 780 г. арабская угроза стала еще серьезнее. Махди сначала продолжил строительство линии укреплений вдоль границы, которая неоднократно служила опорным пунктом для его войск. После нападения византийцев на Мараш он защитил этот город, приказав построить Хадас между Марашем и Мелитеной (Малатья), чтобы преградить путь нападающим с севера. Так с обеих сторон возникла линия укреплений-тхугуров, протянувшаяся от Сирии до границ Армении. Обслуживавшие ее регулярные части и ополченцы жили грабежом и подаянием. Они вели постоянную «священную войну», а по другую сторону всегда подвижной границы им противостояли византийские добровольцы, защищавшие христианскую веру с помощью тех же налетов и грабежей. Газы и мурабитун стояли против византийских акритов, и они еще долго оставались на своем посту в каждом из двух обществ. Они находились далеко от властей, практически в изоляции, общаясь только с местным населением, и сражались друг с другом, но в то же время устанавливали братские отношения и даже переходили к противнику с оружием и имуществом. Эти отношения оказали влияние на мистическое учение мусульманских дервишей. Романы о греческом, арабском и тюркском рыцарстве сохранили память об этом.

Обеспечив таким образом оборону границы, по крайней мере на время, поскольку Харун впоследствии ее усовершенствовал и осовременил, Махди в 779 г. начал первый крупный военный поход. Во главе армии он поставил Харуна, в пользу которого он уже склонялся в вопросе о выборе наследника. Кроме того, он хотел, подобно тому, как поступил с ним самим его отец, сделать своего сына полководцем, возложив на него, хотя бы номинально, ответственность за целую армию. Юный принц, которому не было еще и пятнадцати, очевидно, был окружен военачальниками и советниками. В первую очередь, речь идет о Халиде Бармакиде и его сыновьях Яхье, Хасане и Сулеймане, а также постельничем Раби ал-Юнусе, хотя представляется, что фактически командование находилось в руках Яхьи. Махди и аббасидские принцы проводили Харуна по перевалам Тавра до реки Сейхан[97], где халиф выбрал место для города, который он

назвал ал-Махдия, а затем предоставил сыну честь ввести армию на вражескую территорию. Махди набрал свои силы из хорасанских отрядов. Остальные, возможно, были присоединившимися к ним добровольцами. С этой многочисленной армией риск поражения был минимальным, и были все основания полагать, что для молодого принца эта экспедиция должна была стать, скорее, маневрами, чем настоящей войной.

У византийцев, вновь пребывавших в разгаре династической распри, хватало других забот, кроме войны с арабами, и большая часть армии находилась на Сицилии, подавляя восстание тамошнего стратига Элпидия. Основной операцией стала осада крепости Самалу, обитатели которой, лишенные пищи и воды, сдались через тридцать восемь дней, правда, успев перебить изрядное количество мусульман. Харун принял условия, выдвинутые жителями, которые потребовали, чтобы никого из них не казнили, а семьи не разлучили. Их угнали в Багдад. Харун получил свое боевое крещение.

Двумя годами позже состоялась настоящая военная экспедиция. Все предшествующие акции были не более чем простыми набегами на вражескую территорию. На этот раз огромной армии предстояло вторгнуться в Анатолию и продвинуться как можно дальше, если получится — до самого Константинополя.

Стремился ли Махди завладеть «Серединным городом», подобно Омейядам, предпринявшим до него четыре попытки[98]? Можно предположить, что, если бы он ставил перед собой такую цель, то он взял бы на себя командование войсками, а главное, его флот, хотя и достаточно небольшой в то время, поддержал бы атаку сухопутных частей с моря. Но ничего подобного не произошло. Однако мысль завладеть Константинополем, разумеется, присутствовала в голове «ведомого Богом» Махди.

В то время в Константинополе правила грозная императрица Ирина. Эта «темная провинциалка[99]», ставшая женой императора Льва IV, захватила власть после смерти супруга, отстранив собственного сына, десятилетнего Константина. Власть ее была шаткой, так как все важные посты в империи занимали ее противники иконоборцы. Она подавляла их своей сильной личностью, но и ей приходилось маневрировать с невероятной ловкостью. Перед лицом внешней угрозы армия осталась верна ей, опираясь на уже оправдавшие себя фемы, структуру которых существенно укрепил еще Лев III.

На этот раз Харун снова принял на себя командование походом. Как и в первой кампании, его сопровождали ал-Раби и

один из многочисленных Бармакидов. Главнокомандующий Язид ибн Мазьяд, один из лучших полководцев своего времени, имел под своим командованием значительные силы — по Табари, 95793 человека — и множество ополченцев. Армия выступила в поход в конце зимы, 9 февраля 781 г. В первые теплые дни войска уже находились на территории противника. Важная крепость Магида на выходе из киликийского горного прохода пала. Арабы выдержали удар византийской конницы, и, в соответствии с древним восточным обычаем, Язид сошелся в поединке с византийским военачальником Никитой, носившим титул «комита комитов». Последний бежал с поля боя вместе с войсками, и арабы преследовали их через всю Анатолию до Никомедии (Измита). «А Харун, говорит Табари, продвинулся так далеко, что достиг пролива [Босфора] у Хрисополя [Ускюдара]», в то время как остальные части продолжали действовать в Анатолии, особенно в районе Бариса (Испарты)[100].

В очередной раз арабы стояли перед Константинополем, и в очередной раз их попытка провалилась. Удалось бы им сломить город, если бы они заплатили цену кровью и пожертвовали людьми? Они находились вдали от своих баз, а «Богохранимый» город был прекрасно укреплен. Однако, если верить поэту Мервану ибн Хафсану, они и не стремились к успеху:

«Ты обошел вокруг Константинополя, уперев копье в его стену, и стены города отныне покрыты позором. Ты не желал его брать и удовольствовался тем, что собрал дань с его царей, пока кипели лагерные котлы».

Византия находилась отнюдь не на пике могущества. Ирине пришлось направить войска в Македонию, Грецию и на Пелопоннес, чтобы подавить восстание славян.

Район Константинополя остался без должной защиты. Ирина, знавшая, что ее трон не слишком надежен, опасалась долгой осады. Она попросила мира. Харун согласился открыть переговоры. Последовал обмен послами. Однако переговоры были сорваны, когда Харун приказал арестовать трех византийских послов. В конце концов, императрица согласилась платить ежегодную дань в 70 000 динаров и освободить 5643 пленных араба. По Табари, греки в этой кампании потеряли 54 000 человек, а Харуну понадобилось 20 000 вьючных лошадей для перевозки добычи, попавшей в руки арабов, хотя он приказал сжечь все, что не представляло значительной ценности. По утверждению хронистов, ситуация была такова, что лошадь шла за динар, меч — за дирхем, а шлем стоил и того меньше. Перемирие было заключено всего на три года.

Тридцать первого августа 782 г. Харун вернулся в Багдад под

приветственные крики толпы. Хронисты назвали его вход в столицу одним из главных событий года. Именно тогда Махди назначил его своим наследником после Хади и пожаловал титул Рашид, «праведный». Еще не достигнув двадцати лет, Харун уже дважды воевал с Византией. Это сделалось его предназначением, и война с греками, врагами мусульман и арабов, осталась одной из главных забот его правления.

Укрепления и набеги

Некоторое время — тридцать два месяца, по сведениям Табари, — перемирие с Ириной соблюдалось. Греки нарушили его — «вероломно», как заявляют хронисты — во время месяца рамадан 785 г. Арабские набеги тотчас же возобновились. Мусульманские всадники «взяли добычу и вернулись с победой». На следующий год произошло новое нападение византийцев, которые атаковали город Адат (Хадас), построенный Махди в районе Германикеи (Мараш). Наместнику, гарнизону и купцам пришлось спасаться бегством. Арабы отбили город в том же году и заняли Ушну на границе с Арменией. Греки, со своей стороны, захватили новые города на арабской территории, которые были разрушены ими, а впоследствии заново отстроены арабами. В их числе был Таре, восстановленный Абу Сулейманом Фараджем по прозвищу Турок в год восшествия Харуна на трон. Набеги, захват пленных и добычи шли непрерывной чередой в конце правления Махди и в первые годы эпохи Харуна. Молодой халиф осуществлял набеги по крайней мере каждое лето, но не решился ни на что существенное. Он ограничился тем, что на севере Сирии довел до конца и перестроил линию укреплений, которая обеспечивала оборону со стороны Армении и Азербайджана.

Военная система тхугхуров функционировала плохо. Крепостями ведали люди, большинство которых было родом из Сирии и Джазиры, и, помимо жалованья, они получали за свою службу земельные наделы. Очень скоро укрепленные пункты превратились в центры спекуляции и контрабанды с византийцами. Казна терпела ущерб. Самое главное, что царившая в этих зонах вседозволенность серьезно подрывала обороноспособность. Не ликвидировав полностью тхугхуры, которые остались укреплениями первой линии обороны, Харун пересмотрел систему фортификаций, основные элементы которой были расположены к югу от Тавра, вдоль берега залива Искендерон до Алеппо и дальше. В Тарсе был размещен крупный гарнизон. Понятие тхугхур вытеснил новый термин — авасим.

Впоследствии он долгое время обозначал весь регион Киликии и Сирии до Евфрата. В укрепленных городах были расквартированы многочисленные отряды, в составе которых были воины, отозванные из тхугхуров, и пополнение, добавленное к ним в Хадасе, Мисисе (на р. Сейхан), Анаварзе, Зибатре, Харуние[101], Манбидже, древнем Иераполисе, где находился центр этого «свернутого» порядка. Командование было поручено Абд ал-Малику из рода Аббасидов.

У византийцев не было ничего, чтобы помешать арабам создать этот «форпост», предназначенный для войны с ними и ставший для василевса источником постоянной угрозы. Правда, Византия в этот момент переживала глубокий кризис. Конфликт между Ириной и ее сыном достиг апогея. Кровопролитные интриги и дворцовые революции сотрясали империю. Ирина держала Константина под железным контролем. Она расторгла его помолвку с дочерью Карла Великого Ротрудой, возможно, изменив тем самым если не ход Истории, то, по крайней мере, судьбу Западной и Восточной империи. Отказавшись от власти под давлением обстоятельств, она снова ею завладела благодаря предательству в окружении императора, который совершил ошибку, когда развелся с Марией Армянкой, чтобы жениться на фрейлине своей матери, и в результате поставил себя в положение прелюбодея, вызвав негодование всемогущей Церкви. Министры перессорились между собой, и Ирина приказала ослепить своих противников. Империя разваливалась, пока не произошел государственный переворот, возведший на престол нового императора, который начал наступление на арабов.

Но до этого еще было далеко. В 790 г. построенная Харуном оборонительная линия была достаточно мощной, чтобы служить базой для новых походов. Каждый год военачальники халифа возобновляли свои набеги. Они захватили и разорили Ургюп в Каппадокии, затем Аморий (Фригия) и дошли до Самсуна на Черном море. В 797 г., через год после переезда в Ракку, Харун сам перешел границу во главе своей армии, в то время как другие части дошли до Анкиры (Анкары), Эфеса на Эгейском море и Мраморного моря. Последовало контрнаступление византийцев, которое не принесло им успеха. Никто не смог дать отпор арабам, которые долгое время топтали, грабили и разоряли Малую Азию. Они оставили страну в руинах. Из-за потрясений, вызванных арабскими вторжениями, началось перемещение населения, в результате которого изменился демографический, этнический и даже экономический облик страны. Процветающие регионы обнищали, в то время как другие, меньше пострадавшие, начали развиваться[102]. Добровольная или вынужденная миграция

населения обеспечила Анатолии ту разнородность, которую не смогло полностью устранить даже появление тюркских народов.

Войны с мусульманами, совпавшие с разрывом отношений с Италией, способствовали тому, что претензии Византии на вселенское господство сошли на нет. С VIII в., эллинистическая Римская империя, которая в первые века своей истории вела наступательную политику, была вынуждена перейти к обороне. Это прекрасно иллюстрирует византийская военная реформа. Военная структура фем была создана для обороны, в которой должно было участвовать все население. Отныне византийская армия не годилась для завоеваний. И такой она оставалась в X–XI вв., когда провинции, ставшие арабскими, были освобождены от «мусульманской тирании».

Гнев халифа

В 802 г. Ирина была свергнута в результате заговора. Императорская корона была возложена на Никифора, логофета (министра) казны, а Ирину заключили сначала в монастыре Принкипо на Мраморном море, затем на острове Лесбос. Она умерла год спустя.

Никифор, в чьих жилах текла и арабская кровь, желал немедленно омыть империю от позора, которым запятнало ее, как снаружи, так и внутри, царствование императрицы. Необходимо было срочно восстановить государство и армию, сильно ослабевшую во время ее правления. Из-за конфликта с Карлом Великим по поводу императорского титула, который Византия отказалась за ним признать, а также из-за спора за Венециею, Никифор отверг, по крайней мере, на какое-то время, предложения, переданные ему франкскими послами и способные обеспечить ему мир на Западе. Главное же, он дал понять Харуну ар-Рашиду, что больше не собирается платить ему дань, которую обязалась отдавать императрица Ирина.

По этому случаю Никифор написал откровенно оскорбительное письмо.

> «Никифор, царь румов, Харуну, царю арабов.
>
> Царица, правившая прежде меня, отвела тебе роль ладьи и тем самым сделала себя простой пешкой. Она заплатила тебе деньги, которые, напротив, ты должен был ей заплатить. Причиной тому были женская слабость и глупость. Когда ты прочитаешь мое письмо, верни мне полученные от нее деньги и искупи свою

вину, заплатив мне то, что мне от тебя причитается. В противном случае нас рассудит меч».

Никифор ошибся адресом. Писать повелителю правоверных, наместнику Бога на земле, в таких выражениях, означало больше чем объявление войны — это было ужасное оскорбление, которое мог позволить себе только монарх, обладавший колоссальным военным потенциалом. Харуна охватил такой гнев, что, как рассказывает Табари, «никто не дерзал смотреть на него… а тем более говорить с ним… поскольку все боялись, что одного слова или жеста окажется достаточно, чтобы еще усилить его гнев. Сам визирь недоумевал, стоит ли ему дать халифу совет, или предоставить ему самому принять решение». Халиф потребовал чернила и собственноручно написал на обороте письма императора:

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного.

От Харуна, эмира правоверных, Никифору, румскому псу.

Я прочитал твое письмо, сын неверной. Мой ответ настигнет тебя раньше, чем ты ждешь. Прощай!»

Затем он приказал армии готовиться к выступлению.

Две колонны пересекли границу. Одна, под командованием Касима, сына Харуна от наложницы по имени Ка-сиф, вторглась в Каппадокию, где осадила Курру (Кор-рон), резиденцию наместника провинции. Аббас ибн Джафар, один из его подчиненных, обложил крепость Синан (Синасос в районе Ургюпа). Затем, после нескольких сражений, оба отступили в обмен на освобождение мусульманских военнопленных.

Встав во главе армии, Харун, в свою очередь, двинулся в сторону киликийского прохода, к Гераклее (Эрегли, к северо-западу от прохода). Представляется, что он не сумел завладеть этим укрепленным городом, но его войска разграбили и выжгли страну, захватив пленных и огромную добычу. Никифор, который, разумеется, не ожидал столь быстрого возмездия, сообщил, что готов подписать новый мирный договор и платить ежегодную дань. Халиф согласился и отступил в Ракку, в то время как его военачальники продолжали воевать в Анатолии.

Один из них, Ибрагим ибн Джибрил, захватил и уничтожил крепости Сафсаф и Фебасу недалеко от Анкиры. Никифор ответил тем, что сам напал на арабскую армию в Красосе во Фригии. Будучи ранен и окружен, он спасся только благодаря доблести своих офицеров. Согласно мусульманским историкам, он потерял убитыми около 50 000 человек и еще 4000 вьючных лошадей, что

кажется несомненным преувеличением. Затем вступило в силу двустороннее перемирие.

Первым его нарушил Никифор. Это произошло зимой. Окружение Харуна боялось, что он немедленно лично поведет в бой войска, и никто во дворце не посмел сообщить ему, что византиец в очередной раз нарушил свое слово. Он узнал эту новость от поэта. Абу Мухаммед прочитал ему сочиненную им тираду:

> «Никифор нарушил мир, который ты ему даровал, но колесо фортуны повернется против него,
>
> Радуйся, о повелитель правоверных, ибо это нежданная удача, ниспосланная тебе Богом.
>
> Твои подданные радуются прибытию гонца с добрыми вестями об этом преступлении,
>
> Они надеются, что твоя рука без промедления снарядит поход, который завоюет сердца и будет покрыт славой. Никифор, предательство, которое ты совершаешь, пока Имам смотрит в другую сторону, есть проявление твоего невежества и слепоты.
>
> […]
>
> Если мы нерадивы, то Имам не таков и не оставляет без внимания того, чем его твердая воля призвана править и распоряжаться.
>
> Никакой совет не приносит пользы, если вводит Имама в заблуждение, а совет искренних советников благотворен».

Несмотря на погодные условия, халиф без колебаний решил начать войну. Мы не располагаем подробным описанием этой кампании, но арабские летописцы сообщают нам, что она была очень долгой и принесла с собой «самые горестные тяготы» для людей. Докуда дошли аббасидские войска? Мы знаем только то, что они одержали победу, а Никифор снова обязался платить дань. Поэт Абу-л-Атахия повествует об этом следующим образом: «Народ выказал свое одобрение Харуну, а Никифор стал для Имама дзимми… Халиф вернулся только после того, как был удовлетворен, и зашел так далеко, как хотел».

Однако эта война оказалась тяжелой для всех. Если Харун и победил своих противников, то он также оставил в Анатолии убитых и пленных. Их количество нам неизвестно, однако оно было достаточно значительным, чтобы арабские историки упомянули об обмене пленными, «для которых были воздвигнуты высокие темницы». Походы на Анатолийское нагорье с его резким климатом всегда были трудными, и после них в руках неприятеля

всегда оставались пленники, иногда в огромных количествах.

Какие бы поражения ни терпел Никифор почти в каждом столкновении с халифскими войсками, он, тем не менее, не сложил оружия, хотя ему хватало проблем внутри империи. Не надеялся ли он разрешить их, одержав победу над мусульманами? Или же боялся, что Аббасиды, в то время находившиеся в расцвете своего могущества, начнут крупномасштабное наступление на Константинополь, и на этот раз оно окажется решающим? Развитие судостроения, начатое по приказу Харуна[103], не могло не волновать василевса, осознававшего, какую опасность представляло бы для его столицы одновременное нападение с суши и с моря[104]. Аббасидская империя, не знавшая недостатка ни в чем, была в состоянии вооружить и экипировать столько воинов, сколько требовалось для войны с неверными. Харун мог в любой момент двинуть на Анатолию свои войска из крепостей, сооруженных по его приказу вдоль границы, а потом отвести их назад, под защиту мощных стен авасим. Вероятно, искушение увенчать Аббасидов славой, завладев самым желанным местом во всей вселенной, было огромным для всемогущего властелина мира. Никифор, безусловно, осознавал угрозу. Тогда в чем причина его неоднократных нападений и беспрестанных наскоков на аббасидские войска, совершаемых в тот момент, когда его собственная армия находилась в далеко не лучшей форме? Существует лишь одно объяснение: он стремился показать арабам, что операции на территории суровой и враждебной Анатолии практически всегда сопряжены с риском, а его солдаты, набранные из местного населения, способны нанести им тяжелые потери — одним словом, отбить у халифа желание начать большой поход на запад и север, или, по крайней мере, отсрочить его.

Его расчет, безусловно, не был ошибочным. Однако опасениям василевса, по крайней мере, в тот момент, не суждено было исполниться. Тревожные события в Хорасане, ставшие следствием плохого управления наместника Али ибн Исы, отвлекли внимание Харуна от Пропонтиды и Босфора. Прервав военные действия в Малой Азии, он отправился в восточные провинции, где ничего не сумел исправить. Однако Никифор воспользовался этой передышкой, чтобы восстановить крепости, разрушенные арабами в ходе их предыдущих набегов.

Праведный халиф на войне

В мае 806 г. халиф снова отправился на войну. На этот раз к выступлению готовилась крупная экспедиция. Он собрал 135 000 воинов регулярной армии из состава абны и аббасийи, солдат провинциальных частей, добровольческих и иррегулярных войск. Стремился ли Харун оттянуть на себя как можно больше войск неприятеля, чтобы разбить их и затем двинуться к Босфору? Или его единственной целью было как следует разорить Анатолию, превратив ее в пустыню?

Отряды были сосредоточены вокруг крепостей авасим, 11 июня 806 г. армия пересекла границу в своем обычном порядке, которому следовала и на стоянках, и на поле боя.

Впереди двигался авангард, затем правое крыло, за ним — центр, левое крыло и арьергард. Разведчики следили за местностью и сообщали о любом подозрительном движении. Участки для лагеря подготавливали заранее в местах, где можно было обеспечить безопасность и снабжение, и к моменту, когда прибывали основные части, авангард уже занимал необходимые позиции. На следующий день войска выступали в направлении следующей стоянки, выбранной по тому же принципу, и двигались тем же манером до поля битвы. По возможности, его старались определить заранее с учетом, в частности, особенностей местности, возможного наличия рек и ориентации по сторонам света, чтобы воинам не мешало солнце (часто прибегали и к астрологу, который всегда присутствовал в окружении монарха).

Во главе каждого отряда, хамиса, стоял старший офицер, который, в свою очередь, подчинялся приказам главнокомандующего, амира, назначаемого халифом и обладавшего абсолютной властью над своей армией. Мелкие подразделения, из десяти и ста человек, также подчинялись своим офицерам. Командир хамиса, как и современный военачальник, имеющий под командованием крупное формирование, был свободен в выборе тактики на поле боя — разумеется, в той мере, в какой он брал в расчет общий план верховного командования. В некоторых сражениях войска выстраивались в единую линию, в других — сражались мелкими группами.

В первом ряду находились лучники и арбалетчики со своим грозным оружием, размеры которого могли варьироваться. Лук, не выходивший из употребления с самой глубокой древности и применявшийся, в основном, иранцами, как в бою, так и на охоте, долгое время оставался оружием пехотинцев, пока, по примеру степных народов, им не овладели и всадники. Обычная у тюрков техника стрельбы из лука верхом на коне, которая долгое время

обеспечивала им неоспоримое превосходство, распространилась сначала у иранцев, а затем и у арабов, которые, впрочем, так и не освоили это оружие в полной мере. Арбалет вошел в обиход в начале IX в. Тогда уже использовались трубки для метания маленьких стрел и баллисты, пробивавшие крепостные стены тяжелыми снарядами, которые за счет упругости или скручивания тетивы иногда улетали на 300 метров. Естественно, луки и арбалеты, находившиеся на вооружении пехоты, были легкими, чтобы с каждым из них мог управляться один человек.

Во второй линии стояли другие пешие части, вооруженные копьями или саблями из стали, называемой дамасской; их защитное вооружение состояло из небольших щитов, чаще всего деревянных или кожаных.

Позади пехоты находилась конница с длинными копьями, дротиками или саблями, а также появившимися под тюркским влиянием луками, из которых противника осыпали стрелами, призванными сломить его боевой дух. Как сообщают хронисты, «они производили действие, подобное чуме или пчелиному рою». Лошадь и всадник были защищены легкими доспехами: кольчугой, кирасой из стальных пластинок. Они были гораздо легче, чем аналогичное вооружение на Западе. Использовались также палицы, мечи и пр. Это оружие, вес, форма и действенность которого могли колебаться, не претерпело существенных изменений до времени крестовых походов и появления монголов. В целом, на Востоке оружие всегда оставалось легким.

В бою коннице отводилась решающая роль, которая сохранялась за ней вплоть до распространения огнестрельного оружия. Лучники и пехотинцы подготавливали атаку, делая один, два или три приступа, пока им не удавалось прорвать ряды противника. Другие войска в это время ждали наготове, чтобы остановить контратаку неприятеля и не дать восстановить строй. Затем в дело вступала конница. Всадники старались добраться до вражеской кавалерии, смешать ее ряды, увлечь ее в погоню за собой, а затем развернуться и разгромить. Эта тактика, позаимствованная у тюрков, была чрезвычайно действенной в войне с византийцами, которым было нечего ей противопоставить.

Убивали как можно меньше. Первостепенная задача заключалась в захвате пленных, которых впоследствии можно было обменять на выкуп в деньгах или товарах, а также на мусульман, попавших в руки врага. Грабеж был нормой военного времени, а для воинов — даже основным побудительным мотивом. Каждый хватал то, что представлялось ему наиболее ценным, в основном юношей и девушек, которых затем продавали

в рабство. Массовые избиения были редкостью, разве что противник обнаруживал стремление к убийству. В таком случае пощады не было никому, ни с одной, ни с другой стороны. Монарх, в принципе, имел право на пятую часть добычи, но контролировать ее размеры было сложно, и каждый хватал и уносил все, что мог. Мусульмане и христиане грабили с единственной целью приумножить добычу, которая, в случае регулярных войск, увеличивала жалованье[105]. Кочевники крушили все, что не могли унести, регулярные войска уничтожали урожай и скот, чтобы ослабить противника, но воздерживались от вырубки плодовых деревьев и разрушения ирригационных сооружений.

Если не возникало особых обстоятельств, войны продолжались недолго — один, иногда два сезона. Армии было трудно снабжать, а зимы на азиатских нагорьях длинные и суровые. Воины не испытывали большого желания оставаться вдали от дома дольше нескольких месяцев. Кроме того, нужно было вывезти добычу, которую, очевидно, невозможно было долго носить с собой. Армия отступала, предварительно одержав победу или заключив перемирие с противником, предусматривавшее уплату дани деньгами или натурой (Ирина расплатилась с Харуном шерстью). Армия халифа очень редко возвращалась без триумфа. О победе всегда объявляли, и в честь этого события устраивали празднества, особенно если во главе армии стоял сам халиф. Награды сыпались дождем, улицы Багдада украшала иллюминация, а населению было приказано веселиться.

Осада и взятие Гераклеи

Греки ждали новой войны, так как еще до того, как арабская армия вступила на византийскую территорию, они перешли в наступление и напали на Анаварз и его окрестности (805–806 гг.). В то время как Харун направился в сторону Тианы, где встал лагерем, один из его ведущих военачальников, Абдаллах ибн Малик, осадил Дхул-Килу (между Тианой и Кесарией), а другой, Дауд ибн Иса, прочесал весь район во главе 70 000 воинов, разграбив его и уничтожив встретившиеся ему конные отряды неприятеля. Другие части заняли Хисн ас-Сакалиба (сегодняшний Анаса Калеси) и Фабас в Каппадокии. Харун намеревался «пройтись» по всей территории между авасим и Каппадокией.

Однако халиф колебался. Масуди рассказывает, что, подойдя к Гераклее, расположенной на пути к Иконию, Дорилее и на север, Харун советовался с двумя своими военачальниками из

авасим. «Что ты думаешь об осаде этого города?» — спросил он у Мухалледа ибн Хусейна. Тот ответил: «Это первый укрепленный город, который вы встречаете на греческой территории, и он же самый неприступный и хорошо защищенный. Если вы атакуете и возьмете его с помощью Бога, впоследствии ни один другой город не сможет вас остановить». Тогда Харун обратился к Абу Исхаку, который сказал ему: «Повелитель правоверных, эта крепость построена греками, чтобы контролировать стратегические пути и преграждать доступ к ним. Ее население невелико. В результате, если вы ее завоюете, она не даст достаточной добычи, чтобы разделить ее между всеми мусульманами. Если же она устоит перед вами, эта неудача повредит вашему плану кампании. Самый мудрый выход, по моему мнению, состоит в том, чтобы эмир правоверных напал на один из самых крупных городов греческой империи. Если он падет, вся армия получит добычу, если же нет, у халифа будет готовое оправдание».

Здравый смысл был на стороне Абу Исхака.

Рашид, несомненно, думал, что Гераклея не устоит перед мощными средствами, которыми он располагал. Произошло обратное. У нас нет подробного плана укреплений Гераклеи, но известно, что они контролировали долину, и город был полностью окружен рвом; одним словом, все позволяет полагать, что оборона была достаточно мощной. Харун, безусловно, располагал всеми техническими средствами своего времени, чтобы заставить пасть хорошо укрепленный город: осадными машинами, орудиями, огромными таранами, метательными снарядами, сырой нефтью (греческим огнем), длинными лестницами, чтобы карабкаться на стены. По истечении двадцати семи дней арабам не удалось пробить в стене ни одну брешь: Гераклея действительно была «самым неприступным и хорошо защищенным» городом. Потери в мусульманской армии росли, к тому же нехватка продовольствия и фуража внушала Рашиду серьезное беспокойство.

По всей видимости, халиф сделал неудачный ход. Он снова попросил совета у Абу Исхака, который рекомендовал ему не снимать осады: «Наше отступление может нанести урон халифской власти, ослабить престиж религии и побудить другие города запирать перед нами свои ворота и оказывать нам сопротивление». И он высказал мнение, что рядом с Гераклеей нужно выстроить город, «в ожидании того, что Бог дарует нам победу».

Харун последовал этому совету и приказал начать строительные работы, чтобы лучше показать осажденным и своим собственным войскам, что он будет продолжать осаду столько,

сколько потребуется. Именно тогда состоялся один из поединков, столь частых в истории войн античности и средневековья. «Ворота города открылись, — рассказывает Масуди, — и перед внимательными взглядами мусульман появился человек исключительной красоты, облаченный в великолепные доспехи, и закричал зычным голосом: «Воины арабов, мы уже долго стоим друг против друга. Пусть один из вас, или хоть десять или двадцать, выдут померяться со мной силой!» Но Харун спал, и его не посмели разбудить, чтобы получить разрешение на поединок. На следующий день грек появился снова и бросил тот же вызов. Многие военачальники предлагали себя, чтобы сразиться с ним, но Рашид предпочел выбрать простого воина, чтобы армия не была обескуражена в случае его поражения». Начался длинный бой между греком и гази, воином из приграничной крепости по имени Ибн ал-Джурзи, который славился своей храбростью. Каждый сумел нанести другому удары, которые считал смертельными, Ибн ал-Джурзи оказался на грани поражения и бежал. Но это была лишь обычная уловка степных конников. Его противник бросился в погоню, и в тот момент, когда он поднял руку, чтобы нанести удар, гази ударил его с такой силой, что выбил из седла. Вторым ударом меча он срубил греку голову. «Эта победа воодушевила мусульман и погрузила неверных в растерянность».

Тогда арабы усилили свой натиск и «выпустили огонь». «Зарядите катапульты огнем и приведите их в действие, с их стороны не будет сопротивления», — приказал халиф. «Они сделали, как он велел: они обмотали камни паклей, пропитанной сырой нефтью, подожгли и бросили на стены. Огонь поджег стены и разъединил камни, которые треснули и обрушились. Когда пожар охватил город со всех сторон, осажденные открыли ворота и попросили пощады» (Абу-л-Фаради, цит. по: Mercier. Le feu gregeois).

Поэт Ибн Джами описал пожар в городе в следующих красочных строках:

> «Гераклея сдалась, когда увидела это удивительное явление — тяжелые орудия, метавшие нефть и огонь.
>
> Это было так, как будто наши огни у подножия цитадели были выкрашенной тканью, развешенной на веревках красильщика».

Никифор, которому угрожали булгары, обещал не восстанавливать укреплений ни Гераклеи, ни крепостей Дхул-Кила, Самалу и Хисн Сина. Чтобы выкупить жителей страны, ему пришлось заплатить 50 000 динаров. В событиях подобного рода

сентиментальная сторона редко оставалась без внимания, и однажды халиф увидел, что в его лагерь прибыли двое из самых влиятельных вельмож василевса. Они доставили ему послание, в котором император просил освободить дочь некоего патриция из Гераклеи, с которой был обручен его сын. «Эта просьба, — писал Никифор, — не будет оскорблением ни твоей веры, ни моей. Если ты почтешь за благо исполнить ее, сделай это». Харун тотчас же приказал усадить эту девушку на трон в палатке, в которой она укрывалась. Поскольку она была выставлена на продажу, он купил ее за баснословную цену и отправил к Никифору вместе с палаткой, посудой и всем остальным, что там находилось. Впоследствии он приказал выстроить в память о ней крепость на Евфрате недалеко от Ракки, назвав ее Геракла. Никифор также попросил у халифа благовоний, фиников, хабиса — разновидность выпечки из муки, — молока и меда, а также сушеного изюма и противоядий. Посланники доставили все это к василевсу, который в ответ отправил Харуну 50 000 дирхемов, погруженных на гнедую лошадь, сто одеяний из парчи и двести из шелка с вышивкой, дюжину соколов, четырех охотничьих собак и трех коней.

Падение Гераклеи было отпраздновано как великое событие — за невозможностью завладеть большим городом, приходилось радоваться взятию маленького. У византийцев данное событие прошло почти незамеченным. Все было бы совершенно иначе, если бы в руках неприятеля оказался бы Анкира или Дорилея. В Багдаде были устроены большие торжества в честь возвращения армии, и лучшие поэты собрались в Ракке для состязания в своем искусстве. Абу-л-Атахия прочитал следующие строки:

> «Разве Гераклея не спела свою лебединую песню, когда на нее напал этот царь, чьим замыслам благоволило Небо? Угрозы Харуна раздаются как раскаты грома. Его удары ужасны и стремительны, как молния.
>
> Его знамена, неизменное обиталище победы, парят в воздухе, подобно облакам.
>
> Эмир правоверных, ты победил! Живи и радуйся своей победе — вот добыча, а вот дорога домой».

Греки обязались не восстанавливать своих крепостей за Тавром, которые оказались разрушенными в ходе кампании. Однако едва арабы успели перейти на свою сторону границы, как Никифор приказал привести крепости в порядок. В начале 807 г. Харун приказал готовиться к новой войне. Через несколько месяцев он еще раз двинулся в направлении границы и встал

лагерем в Адате.

Он не зашел дальше этого. Никифор снова и снова совершал свои беспрестанные налеты, и халиф направил против него Харсаму с 30 000 воинов. Он также распорядился привести в порядок тхугуры, чтобы усилить оборону приграничной зоны, а затем вернулся в Ракку, отложив на потом задуманную им масштабную кампанию.

Харуна снова начал беспокоить Хорасан.

ГЛАВА VI

СМЕРТЬ В ХОРАСАНЕ

Скажи: Боже, царь царства! Ты даешь царство, кому хочешь, и отъемлешь царство, у кого хочешь. Ты возвышаешь, кого хочешь, и унижаешь, кого хочешь; благо в Твоей руке, потому что Ты всемогущ.

Коран, III, 25

Путешествие в Хорасан, предпринятое Харуном в 805 г., почти никак не повлияло на ситуацию. Али ибн Иса не прекратил своих бесчинств, и народные массы проникались все большей неудовлетворенностью. Вспыхнуло новое восстание, тем более тревожащее, что оно выдвинуло на первый план новое лицо, Рафи ибн Лайта, чья семья обладала влиянием во времена Омейядов, и ему быстро удалось объединить вокруг себя многочисленных недовольных.

Истоки этого восстания не лишены пикантности. Табари оставил о них следующий рассказ: «Рафи ибн Лайт, утонченный офицер Самаркандского гарнизона, обладавший приятной внешностью, очень любил женщин и вино и проводил время в развлечениях. Однако он завел любовную связь с одной женщиной, мужем которой был Яхья ибн Ашатли, находившийся при дворе Харуна ар-Рашида. По наущению Рафи, эта женщина стала вероотступницей и тем самым расторгла свой брак, а затем вернулась в ислам и после законной отсрочки вышла замуж за Рафи. Яхья пожаловался на все это Харуну. Тот написал Али ибн Исе и приказал ему наказать Рафи, посадить его в тюрьму, вычернить ему лицо и в таком виде возить по городу верхом на осле, чтобы это послужило примером, и, наконец, заставить его развестись с этой женщиной. Али приказал наместнику Самарканда исполнить это повеление. Наместник заставил Рафи вернуть женщину и бросил его в темницу. Впрочем, обращались там с ним уважительно. Рафи бежал из тюрьмы, добрался до Балха, где в тайне поселился, и передал Али просьбу о пощаде. Али согласился и вернул его в Самарканд. Не имея возможности вернуть себе жену законным путем, он встал во главе самаркандского сброда и завладел городом. Затем он вернул себе

жену. Жители города, крайне недовольные Али и его приспешниками, провозгласили Рафи своим правителем».

Обвинение в прелюбодеянии, выдвинутое Али против Рафи, очевидно, было лишь предлогом, чтобы отделаться от человека, который, являясь внуком последнего омейядского наместника, обладал большим влиянием. Вокруг Рафи объединилась значительная часть населения, измученного злоупотреблениями Али, а также вожди племен Согдианы, Тохаристана и Трансоксианы. Али выставил против него войска под командованием своего сына, который пал в бою, после чего войско рассеялось. Тогда Али вмешался лично, но потерпел поражение и бежал в Мерв. Жители Балха, в свою очередь, восстали и убили представителя наместника. Дело приобрело серьезный оборот. Восстание охватило весь восток империи, что грозило его отделением. Али обратился за помощью к халифу. На этот раз Харун понял, что его наместник оказался бездарностью и нуждался в замене. Однако Али располагал значительными средствами, и его внезапное смещение могло оказаться опасным.

Задача отослать обратно Али была возложена на Харсаму, лучшего человека для сложных ситуаций. Ему было поручено передать Али письмо Харуна, которое начиналось так: «О, сын шлюхи, я осыпал тебя милостями… Ты терзаешь мусульман и отвращаешь моих подданных. Теперь я посылаю к тебе Харсаму, который должен тебя арестовать, изъять твои сокровища, потребовать у тебя отчета в твоих деяниях…» Итак, Харсама во главе 20 000 воинов отправился в Мерв. Там он вошел во дворец, и едва закончился пир в честь его прибытия, он передал послание Харуна Али, арестовал его и заставил вернуть владельцам все то имущество, которое он присвоил. Затем он отправил его в Багдад.

Арест Али избавил Хорасан от негодного наместника, но не покончил с восстанием. Беспорядки распространились от Азербайджана до Ферганы. Многочисленность очагов восстания показала, насколько поверхностной и хрупкой была приверженность народов Хорасана к исламу и насколько им удалось сохранить собственную индивидуальность и готовность в любой момент отвернуться от Аббасидов. Через несколько десятилетий некоторым из них удалось добиться политической независимости.

Харун осознал опасность. Действовать надлежало без промедления. При всех своих достоинствах Харсама был всего лишь представителем халифа и не обладал его полномочиями. Что касается Фадла ал-Раби, сменившего Яхью в должности визиря, он не имел талантов знаменитого Бармакида, и его полномочия были менее обширными. Важные решения мог

принимать только сам халиф. Харун решил прибыть к месту восстания.

Отправиться в Хорасан в том физическом состоянии, в котором он находился, было мужественным поступком. Харун был болен, и знал это. Его мучили боли в животе. Для человека, возможно, пораженного раком, преодолеть достаточно большое расстояние верхом на коне было ужасным испытанием. Однако халиф отмел все сомнения, потому что очень высоко ставил свою роль главы ислама и стремился во что бы то ни стало сохранить наследие Аббасидов.

Он покинул Ракку, оставив в столице своего третьего сына Касима, которому поручил управление Сирией-Авасим. Затем он отправился в Багдад и на время своего отсутствия поставил во главе государства своего сына Амина.

Мамун, со своей стороны, видел, что силы отца на исходе. Боясь, что в случае своего отсутствия он может лишиться должности наместника Хорасана, отведенной ему договором о наследовании, он настоял на том, чтобы отправиться вместе с Харуном. Кому и было ехать, как не ему, наместнику восточных провинций? Визирь Фадл ал-Раби также сопровождал халифа вместе со своими главными секретарями.

Путь оказался трудным. Каждый из сыновей приставил к отцу по шпиону, чтобы следить за признаками ухудшения его состояния: верный Масрур — меченосец из «Тысячи и одной ночи» — собирал сведения для Маму-на, врач Джибрил — для Амина, и еще один человек — для Касима. Все, кто окружали его, желали ускорить его конец, и потому ему, повелителю правоверных, халифу ислама, без колебаний предоставляли самых норовистых лошадей, что заставляло его жестоко страдать.

Узнав о том, что при одном из царей Индии находился знаменитый врач, он послал за ним самых быстрых из своих гонцов. Лечение принесло ему временное облегчение. Тогда халиф сделал кое-какие распоряжения и, в том числе, приказал Мамуну немедленно отправляться в Мерв, чтобы в случае смерти халифа он уже находился в столице провинции вместе со своими войсками. Из Рейя, где он провел несколько дней, Харун отправился в Гурган, а потом, страдая от недостатка свежего воздуха, в сторону Туса, где его болезнь усилилась. Там он и остановился, не в силах продолжать путешествие. К нему привели брата Рафи ибн Лайта, который попал в плен в одном из сражений. «Враг Бога, сказал он ему, ты и твой брат привели Хорасан в такой беспорядок, что я вынужден совершать столь далекое путешествие в том ослабленном состоянии, в котором я нахожусь. Но, клянусь Богом, я желаю, чтобы ты умер самой

ужасной смертью, которая когда-либо выпадала человеку» (Табари). И халиф доставил себе отвратительное удовлетворение, приказав мяснику разделать этого человека; ему поочередно раздробили все кости тела, затем отрубили пальцы рук и ног и, наконец, разрубили тело на четыре части.

Несмотря на собственные страдания и на жестокие муки, которым Харун подвергал других, поэзия не переставала его трогать — например, вот эти строки, которые он приказал записать каллиграфу:

> «Где цари и все те, кто жил до тебя? Они ушли, и ты уйдешь в свой черед.
>
> О ты, хвалящий мир и его радости, ты, чьи уши готовы беспрестанно внимать лести,
>
> Истощи все радости этого мира, смерть всегда прекращает их»
>
> *(Абу-л-Атахия).*

«Можно ли сказать, что эти слова обращены только ко мне?» — спросил он.

Двадцать четвертого марта он собрал всех Аббасидов, присутствовавших в его армии, и произнес несколько фраз: «Все, что живет, должно умереть. Все, что молодо, должно состариться. Вы видите, что судьба сделала со мной. Я даю вам три совета: свято блюдите свои обещания; будьте верны своим имамам и дружны между собой; присматривайте за Амином и Мамуном: если один из них восстанет против своего брата, подавите его восстание, заклеймите его коварство и измену». Затем он раздал часть своего имущества, и, поскольку стал заметен его предсмертный хрип, «он приказал привести осла и хотел сесть на него, но его ноги безжизненно повисли, и он не мог удержаться в седле. Он приказал расстелить перед ним несколько саванов, выбрал один для себя и, глядя на него, произнес слова Корана: «О, не помогло мне богатство мое! О, исчезло мое могущество!» (Коран, LXIX, 28–29).

Он умер в тот же день, 24 марта 809 г. (3 джума 193 г. х.). Рядом с ним были его сын Салих, визирь Фадл ал-Раби и его самые близкие слуги. Его похоронили там же, в Тусе, в саду Санабад, в месте, которое впоследствии стало называться Мешед, «Могила мученика», но в память не о халифе, а об Али ал-Рида, восьмом шиитском имаме, умершем в Тусе в 818 г. и похороненном поблизости от гробницы Харуна. Останки имама укрыл пышный мавзолей, к которому стекаются паломники со всего шиитского мира. Захоронение Харуна ар-Рашида исчезло.

Так, вдали от Багдада, закончилось правление халифа, чей образ впоследствии прославил золотой век Аббасидов и арабской цивилизации. О счастливых периодах потомки всегда помнят то, что придает им блеск, и оставляют в тени то, что их обесцвечивает. Современники Харуна, ставшие свидетелями распада империи, хранили память о том времени, когда она еще была практически невредимой и единой под неприступной и неоспоримой властью повелителя правоверных, окруженного великолепием двора, которое само по себе служило отражением доселе невиданного расцвета.

Как мы увидим, двадцать три года правления Харуна и несколько последующих десятилетий были периодом, когда, несмотря на огромное расслоение, жизнь горожан была наиболее благополучной. Всего через тридцать лет после своего основания Багдад превратился в экономический центр известного в то время мира. Покрытая городами Месопотамия стала центром притяжения для людей и товаров, а оттуда во всех направлениях поступали природные материалы и готовая продукция; причем как раз в конце VIII и начале IX вв., то есть в эпоху «доброго Харуна» и его первых преемников, последствия этого процветания затронули большую часть населения.

Это также было время мощного интеллектуального взлета, который при Мамуне стал еще более впечатляющим. Роскошный двор, благотворительность Зубайды, Бармакидов и самого халифа в сочетании с преуспеванием поэтов, переводчиков и людей науки, развитием новой поэзии и появлением первых великих прозаиков создали образ, который со временем сделался еще ярче. Его отражение можно найти на страницах «Тысячи и одной ночи»] оно часто приукрашено, возможно, искажено, но в целом верно, если искать в нем не историческую правду, а картину общества и атмосферы. Таким представлялось это время людям, создавшим эти истории, действие которых разворачивается в Багдаде и других городах Месопотамии. Масуди, писавший более чем через сто лет после смерти Харуна, отразил память, которую оставил о себе праведный халиф: «Таково было великолепие, богатство и благоденствие его правления, что эту эпоху называют золотым веком».

Чуть ли не сказочный образ правления Харуна ар-Раши-да многим обязан тем несчастьям, которые обрушились на халифат и Аббасидов назавтра после его смерти. Трудно охарактеризовать этого человека и правителя. Кем он был — легкомысленным прожигателем жизни или безжалостным деспотом?

Непоколебимым и безукоризненным мусульманином? Политическим гением или коронованным глупцом? Одни возносят его до небес и наделяют всеми добродетелями, а другие хулят, однако этот человек, которого абсолютная власть вполне могла бы испортить, был не слишком склонен к крайностям и умел использовать свою власть, не поддаваясь слабости или сомнениям, но и без излишней жестокости, хотя, когда это было необходимо, он не знал жалости. Подтверждением этому служит то, как он поступил с Бармакидами. Подобно тому, как Сулейман Великолепный приказал убить в своем присутствии Ибрагима, своего самого близкого друга, Харун приказал отрубить голову Джафару, заточить Яхью, которого в прошлом называл «отцом», и Фадла, своего самого сведущего министра. Эти жестокие кары, которые он долго готовил в самой строгой тайне, заставляют нас увидеть в нем подозрительность, скрытность и злопамятность. А также страх. В качестве другого примера можно привести его отношение к Алидам, за которыми он вел непрерывную слежку и которых устранял, когда считал, что они представляют опасность. В Йемене он приказал задушить мятежников, а на смертном одре он осудил на самые страшные муки брата восставшего Фадла ибн Сахла. Но не стоит забывать о неизменно мятежном духе его религиозных и политических противников, Алидэв, хариджитов, зейдитов, последователей Муканны и множества других, приобретавших сторонников благодаря социальному недовольству.

Он, безусловно, был глубоко религиозным. Доказательство тому — девять паломничеств в Мекку, не имевшие ничего общего с увеселительной прогулкой, несмотря на относительный комфорт, которым он пользовался в путешествии, а также сто земных поклонов, совершаемых ежедневно, и милостыня, способствовавшая тому, что он прославился своей добротой. Его любовная жизнь, не более и не менее оживленная, чем у других принцев, или даже просто обеспеченных горожан, никоим образом не нарушала предписаний ислама.

Трогательна любовь, которую он питал к Зубайде на протяжении всей своей жизни, хотя влияние, которое она на него оказывала, не всегда было благотворным. Если его пристрастие к вину, которое он пил в обществе надимов, и не было образцом для подражания, то у нас нет никаких указаний на то, что с его стороны имела место какая-либо неумеренность в винопитии, в отличие от того, что нам известно о многих других халифах. Его озабоченность образованием своих сыновей характеризует его как внимательного отца семейства. Таким образом, он представляется достойным и любящим человеком, эпикурейцем, не впадающим в

излишества (в некоторых случаях он даже сам готовил себе пищу), боящимся Бога, но еще больше — всего того, что могло угрожать его власти или даже бросить на нее тень. «Можно вспомнить о Людовике XIV» (Gaudefroy-Demom-bynes). А еще о Сулеймане Великолепном.

Как и в случае Короля-Солнца, вопрос о политической дееспособности Харуна ар-Рашида не встречает единодушия. Можно поставить ему в вину его слепоту в ситуации с наместником Хорасана Али ибн Мусой, о котором к нему поступали самые неблагоприятные отзывы, но который держался на своем посту, несмотря ни на что. Налоговая политика Харуна, а на самом деле Бармекидов, не была успешной. Она способствовала ухудшению жизни сельских жителей и стала одной из причин социального брожения, которое почти непрерывно сотрясало империю. Что касается его отношений с другими государствами, продиктованных почти исключительно нуждами задуманной им войны с Византией, они выявляют стремление к расширению пространства империи и поиску внешней опоры. Это была долгосрочная политика, особенно, в том, что касается Карла Великого, но преждевременная смерть не позволила ему воспользоваться ее плодами.

Современники и потомки упрекали Харуна ар-Рашида за то, что он ускорил распад империи, разделив ее между сыновьями. Это суждение не вполне убедительно. Решение децентрализовать эту огромную территорию, которой было трудно управлять и распоряжаться из Багдада, было не таким уж плохим. Харун не может отвечать за то, что два назначенных им наследника оказались неравны по своим достоинствам. В любом случае, центробежные силы в то время были настолько сильными, что это огромное, но неоднородное пространство не могло долго оставаться в одних руках. Сепаратизм и местные интересы должны были возобладать, даже несмотря на единство языка и религии, эти две главных составляющих арабо-мусульманской цивилизации. Политический распад империи при этом имел относительное значение.

Этот образ великого халифа, у которого, как и у любого другого человека, не было недостатка в противоречиях, остался бы неполным, если бы мы не упомянули о любви к оружию, приобретенной им еще в юности. Всю свою жизнь Харун был воином. С того момента, как он занял трон, он очень внимательно относился к внедрению военной системы в районах на границе с Византийской империей, поэтому он оставил Багдад вместе с женами, детьми и имуществом и поселился в Ракке, где провел тринадцать лет, то есть более половины своего правления. Как мы

видели, расширение территории ислама с помощью войны было одним из главных чаяний его жизни. В отличие от всех остальных аббасидских халифов, он лично принимал участие в походах на Византию, причем, по крайней мере, один из них имел своей целью Константинополь. Его отношения с Карлом Великим вписывались в перспективу его завоевательских планов, которые так и остались неосуществленными из-за волнений в Хорасане и внезапной смерти.

Заветы Харуна нарушены

Когда Зубайда узнала о смерти халифа, она находилась в Ракке. Она немедленно организовала траурную церемонию, на которой присутствовали дочери Харуна, его сестра Улайя и придворные вельможи. Поэту Исхаку ал-Масуди было поручено сочинить элегию. Он ограничился тем, что поручил придворному хору исполнить погребальную песнь времен Омейядов. У всех на уме уже были другие заботы. Спустя несколько месяцев Зубайда покинула Ракку и вернулась в Багдад, где осталась насовсем, поселившись в своем дворце ал-Карар. Там она продолжала жить до самой смерти.

Именно в Багдаде Амина настигло известие о том, что он стал повелителем правоверных. Через два дня, в пятницу, в мечети Круглого города состоялась церемония присяги (байя). Стоя на возвышении (минбар), новый халиф продекламировал стихотворную эпитафию усопшему и призвал своих подданных к покорности. Затем принцы крови и высокопоставленные сановники поочередно подходили к нему и произносили установленную формулу. Прочих придворных и чиновников приводили к присяге дядья Амина. Войска получили сумму размером в два ежемесячных жалованья.

В Мерве новость о смерти халифа объявил сам Мамун и, в качестве второго наследника трона, принял присягу на верность Амину и себе самому. Он велел выплатить своим солдатам жалованье за год.

Через несколько дней было освобождено какое-то количество политических заключенных и, в том числе, по настоянию Зубайды, были отпущены еще остававшиеся в живых Бармакиды.

Заранее урегулировав вопрос о наследовании, Харун ар-Рашид прекрасно понимал, что смена власти все равно не обойдется без трудностей. Назначение клятвы в Мекке состояло в том, чтобы помочь избежать самого худшего. Однако то, что произошло, превысило даже самые пессимистические ожидания,

и империя оказалась в двух шагах от гибели.

Не успело остыть тело Харуна, как сделанные им распоряжения начали нарушаться. Во время своего последнего путешествия, находясь в Кармасине (Керманшах), он оставил предписания на случай своей смерти: сопровождавшие его воины должны были отправиться в Мерв и встать под командование Мамуна. Однако уже в день его смерти посланник Амина, прибывший незадолго до этого в Туе, доставил адресатам послания от наследника престола, которые тот в строжайшей секретности вручил ему в Багдаде (Харун, подозревавший нечто в этом роде, приказал его обыскать, но ничего не смог обнаружить). В одном Амин приказывал поставить семью халифа и двор под начало Фадла ал-Раби, а затем отправить всех в Багдад, поручив командование армией военачальникам, чьи имена были указаны в письме. Этот приказ представлял собой явное нарушение воли Харуна. Военачальники собрались на совет. Фадл ал-Раби добился равновесия, сказав, вкратце, что предпочитает халифа, сидящего на троне, халифу, которого уже нет. Командиров это сразу же убедило.

Мамун не возражал. Он ограничился тем, что возместил ущерб, нанесенный Хорасану неумелым управлением Али ибн Мусы. Снижение налогов, проявление набожности и беспристрастный суд обеспечили ему поддержку народа. Массы отвернулись от мятежного Рафи ибн Лайта, который сдался генералу Харсаме. Под влиянием Фадла ал-Раби и Али ибн Мусы новый халиф отстранил Касима от управления Сирией-Авасим. Мамун ответил разрывом почтового сообщения между Хорасаном и Багдадом. Он также избавился от наместника Рейя, который был слишком послушен приказам Амина. Тогда последний направил к нему послов, чтобы сообщить, что в будущем налоги с Хорасана будут собирать его личные представители. Он также объявил брату, что назначенный им лично представитель почтового ведомства будет ежедневно посылать ему сведения о ситуации в провинции. Все эти меры фактически означали требование, чтобы Мамун покинул Хорасан. Мамун отказался.

Помня о том, что аббасидской революции предшествовали мощная пропаганда и тайные интриги в Хорасане, Мамун приказал усилить контроль над границей, перекрыть дороги, обыскивать караваны. Он разместил в Рейе особенно грозное войсковое подразделение численностью в 20 000 человек, во главе которого находился некий Тахир ибн Хусейн (в будущем ему предстояло сыграть огромную роль). Обмен требованиями и отказами между двумя братьями продолжался несколько месяцев.

Так, Мамун попросил Амина прислать к нему его жену Умм

Ису с детьми, а также передать ему сто миллионов динаров, которые завещал ему отец. Амин отказался. Сверх того, он приказал отобрать драгоценности, которые Мамун дарил своей жене. Однако Фадл ибн Сахл, предприимчивый советник Мамуна, подготовил для него почву в Багдаде, когда Амин, передав власть визирю, вернулся к жизни, наполненной развлечениями, и предался самым сумасбродным прихотям.

Ни Мамун, ни Амин не сомневались, что ссора выльется в вооруженное столкновение. Разрыв стал неизбежным, когда Амин объявил о лишении Мамуна его прав и назначил наследником трона собственного двухлетнего сына Мусу. Имя Мамуна исчезло из пятничных молитв, его убрали с монет и вышивок на халифском одеянии и заменили именем Мусы. Кроме того, Амин приказал разорвать мекканскую хартию, которую Харун в свое время велел повесить в Каабе. Мамун, со своей стороны, распорядился изъять имя Амина из молитв и денег. Он принял титул имама и, в конце концов, объявил себя единственным законным наследником. Это произошло в ноябре 810 г. Со смерти Харуна ар-Рашида не прошло и двух лет, но от всего того, что он сделал ради семейного и политического мира, не осталось ничего. Со дня на день можно было ждать начала гражданской войны.

Амин назначил Али ибн Ису, бывшего наместника Хорасана, командующим армии, численностью примерно в 40 000 человек, которой предстояло встретиться с войском Мамуна, разбить его и взять последнего в плен. Преподнеся Али в подарок 200 000 дирхемов, Амин посоветовал ему править Хорасаном справедливо и сократить налоги. «Если Мамун попадет к тебе в руки, пришли его ко мне, заковав в серебряные цепи». Али покинул Багдад во главе своей великолепной армии и двинулся в сторону Рейя, где находился Тахир с 20 000 человек. Две армии столкнулись недалеко от города. После ожесточенного боя Тахир, в конце концов, прорвал центр иранцев, и те рассеялись. Али, выбитому из седла и раненному, отрубили голову. Тахир отправил ее к Мамуну. В тот же день последний принял титул халифа и повелителя правоверных.

Багдадский халиф — теперь их было два — Амин тотчас же направил против Мамуна другую армию, 20 000 человек из абны под командованием талантливого генерала Абд ар-Рахмана ибн Джабалы. Столкновение состоялось между Рейем и Хамаданом. Потерпев поражение, Абд ар-Рахман заперся в этом городе. Через два месяца он сдался, нарушил свое слово и в итоге был убит. Дорога на Ирак для Тахира была открыта.

Победа Мамуна в тот момент казалась близкой. Разве он не

доказал свого превосходства над незадачливым Амином и наместником Хорасана? Однако прошло еще два года, и разыгрались драматические события, прежде чем он с триумфом вошел в свою столицу.

Когда войска Амина были разбиты, он выслал им на смену новую армию. Это оказалось не так уж просто, потому что его военачальники не горели желанием быть разбитыми, подобно своим предшественникам. Согласились только двое из них, Ахмед и Абдаллах, но их воины разбежались еще до начала сражения, когда их достиг слух, что войска, оставшиеся в Багдаде, получили сумму, равную жалованью за два года. Тогда Тахир без боя завладел важной крепостью Холван. Мамун отдал приказ Харсаме, под чьих началом находилось 20 000 человек, удерживать этот плацдарм, а Тахиру велел начать наступление на Багдад.

В столице царило невероятное смятение. Главнокомандующий войсками Амина, генерал Хусейн ибн Али ибн Иса, восстал, объявив своим солдатам: «Мы больше не можем сносить унижение, повинуясь власти человека, который не является ни мужчиной, ни женщиной: Амина интересуют лишь удовольствия, и он не занимается ни армией, ни управлением». Он был арестован, но армия раскололась. Халиф, неспособный восстановить порядок, раздал оружие населению, рассчитывая, что оно будет за него сражаться, но это лишь обострило ситуацию. Двадцать пятого августа 812 г. два военачальника Мамуна подступили к стенам города. Началась осада.

Багдадская «коммуна»

Багдад был хорошо укреплен, и взять его было непросто. Амин приказал укрепить ворота и раздать солдатам деньги. Часть воинов заняла квартал у Хорасанских ворот, перед которыми стояла армия Харсамы. Тахир занял позицию у Басрских ворот. Третий военачальник, разместившийся с юга, заведовал осадными орудиями армии Мамуна. Вскоре город был полностью захвачен взбунтовавшимся населением. «Мирные и просвещенные люди спрятались, — пишет Табари. — Разбойники, воры и бродяги стали хозяевами города, они безнаказанно грабили и убивали». Историк Кеннеди сравнил осажденный Багдад с Парижской коммуной. «Несостоятельность традиционного классового общества дала доселе не имевшим влияния народным элементам возможность выйти на политическую сцену». Крах власти ознаменовался дезертирством начальника халифской стражи.

«Ведение войны оказалось в руках подонков общества и авантюристов. Разрушение и разгром бушевали до тех пор, пока великолепие Багдада не было уничтожено», — рассказывает Табари, в то время как Масуди приводит следующие трагические строки: «О Багдаде я плачу, утратив радости обеспеченной жизни… Одни жестоко брошены в пламя. Здесь женщина оплакивает кого-то из близких, который погиб в волнах, другой громким голосом зовет свою семью, третий — своего лучшего друга. Черноглазая дева зовет своего брата, но у нее больше нет брата: он пал — обезглавленный труп посреди улицы — рядом со своим другом, чужестранцем из дальних краев. Резня расползлась повсюду. Сын больше не защищает отца, а друг бежит от друга. Все, кто нам мил, погибли, и я плачу. Рынки Карха заброшены, а бродяги беспорядочно рыщут мимо них. Война разбудила среди сброда хищных львов с беспощадными зубами». Другой поэт, Али Слепой, вторит ему: «Наши войны породили людей, которые не принадлежат ни к Кахтан, ни к Низар [арабские племена], воинов, защищенных панцирем из шерсти, которые бросаются в бой, как ненасытные львы… Они не знают, что такое бегство. Один из них, не имея даже штанов, нападает на отряд в 2000 [!] человек, и этот герой кричит, нанося удары: «Получите, вот вам от воина-бродяги!» В Багдаде теперь только несчастные, обреченные на нищету, и сбежавшие из тюрьмы… Мать не имеет защиты в гареме, больше нет дяди или другого защитника, чтобы защищать его порог. И мы больше не стремимся умереть за веру. Господь, ты всемогущ, пусть призывается твое имя!»

Эти строки, одновременно наивные и напыщенные, прекрасно отражают трагедию, поглотившую Великий город, жителям которого пришлось уплатить цену самой большой плотности городского населения своего времени. Осада продолжалась год. Бои достигли апогея ожесточенности. Жители Багдада, вооруженные палками и пращами, со шлемами из пальмовых листьев на головах, с щитами, сплетенными из камыша, в руках, с чрезвычайным мужеством сражались с конницей Мамуна, закованной в железные латы и умело владеющей копьями и мечами. Их, лишившихся практически всего, включая одежду, называли «Голыми», и именно под этим именем они и вошли в историю. Однажды, рассказывает Масуди, «Голые в количестве 100 000 человек, вооруженные палками и копьями, с бумажными шлемами на головах, дуя в камышовые дудки и коровьи рога, присоединились к другим защитникам Амина и через несколько выходов из города устремились в атаку на сторонников Мамуна. Завязалась смертельная схватка. Голые одерживали верх до полудня, но потом, когда по ним ударила вся армия Мамуна, они

не устояли. Около 10 000 из них утонули или погибли от огня и железа».

За восстанием Голых, боровшихся за то, чтобы Багдад остался столицей, последовало множество других мятежей, которые еще долго периодически потрясали великий город. Толпа выходила на улицы в ответ на слухи, после случайной потасовки, по политическим или экономическим причинам и грабила, жгла, громила и убивала. Подобные народные тайфуны стали частью городской жизни, получив название фитна («нарушение единства общины правоверных»), а тех, кто в них участвовал, стали именовать ал-амма, «безымянная и безликая толпа», вынесенная на улицу голодом.

Амин полностью утратил контроль над ситуацией. У него больше не было денег для раздачи, и он дал понять, что те, кто в них нуждается, могут поискать их в домах чиновников, что уже и так давно происходило. В отчаянии он вскричал: «Я желаю, чтобы Бог поразил разом обе партии, потому что вокруг меня одни враги — и те, что со мной, и те что против меня. Одним нужно мое богатство, а другим — моя жизнь».

К концу 813 г. события ускорились. Сообщение между левым и правым берегом было разорвано, квартал Карх заняли неприятельские войска, и территория, подвластная Амину, сократилась до Круглого города и его окрестностей. Халиф и Зубайда покинули свои дворцы Хулд и Карар и укрылись в Куббат ал-Хадра, в сердце города. Последние военачальники, сохранившие верность Амину, несмотря на то что почти все уже было потеряно, советовали ему собрать несколько сотен лучших воинов из абны и совершить ночную вылазку через одни из городских ворот. Тогда он мог бы добраться до Месопотамии или Сирии, а оттуда попытаться вернуть себе трон и империю. Его окружение, в котором имелись сторонники Тахира, отговаривало его от осуществления этого плана. Лучше всего сдаться, причем сдаться Харсаме, который с возрастом стал менее ретивым и которого Амин хорошо знал, а не вспыльчивому Тахиру. Без ведома Тахира халиф известил старого полководца о готовности прибыть в его лагерь, и между ними был заключен договор, в соответствии с которым Амин должен был прийти к Харсаме, одновременно передав Тахиру символы своей власти — плащ, жезл и печать. Харсама должен был приплыть на корабле вместе с несколькими людьми ко дворцу, и халиф тогда бежал бы вместе с ними. В последнюю минуту Харсама, заметивший подозрительное движение на берегу, предложил перенести операцию на ночь. Амин отказался.

Тогда Харсама прибыл с несколькими воинами. Он тотчас же

бросился к ногам халифа, крича: «О, мой господин и повелитель! О, сын моего господина и повелителя!» Маленький отряд разместился на судне военачальника, но не успело оно отчалить от берега, как появились вооруженные люди, окружили корабль и пробили его. Судно погрузилось в воду вместе со всеми, кто на нем был. Один из воинов спас Харсаму, схватив его за волосы, в то время как Амин бросился в воду и попытался достичь противоположного берега вплавь. Его сразу же узнали, окружили и препроводили в соседнее здание верхом на осле. Тахир, настроенный против пленения халифа, прислал к нему нескольких рабов, одного из которых звали Корайш. Едва увидев их, Амин все понял. Тогда он повел себя с большим достоинством. Когда арестованный вместе с ним Ахмед, начальник его стражи, сказал ему: «Да будут прокляты министры, которые довели вас до такого положения», он ответил: «Не говори о моих министрах, или говори хорошее. Они невиновны. Что касается меня, то я не первый, кто попытался достичь цели и претерпел неудачу». Он погрузился в молитву. Около полуночи вошли персидские воины с обнаженными мечами. Халиф попытался дорого продать свою жизнь, но получил два удара по голове и рухнул наземь. Ударивший его Корайш отрубил ему голову и отнес ее к Тахиру. Последний, по обычаю, выставил ее на обозрение на главном мосту Багдада.

Вот так ночью с 24 на 25 сентября 813 г. погиб старший сын Харуна ар-Рашида, единственный халиф, происходивший из семьи Пророка и по матери, и по отцу. Перед смертью он вскричал: «Мы принадлежим Богу и возвращаемся к Богу! Я двоюродный брат Пророка, брат Мамуна!»

Теперь Мамун остался единственным халифом, но ему еще предстояло пройти долгий путь, чтобы подчинить империю своей власти. Череда гражданских войн прекратилась далеко не сразу, и многие события отсрочили его возвращение в столицу.

По смерти Амина Мамун постоянно находился в Мерве вместе со своим визирем и «покровителем» Фадлом ибн Сахлом, который стремился сделать Хорасан, где он пользовался большим влиянием и дружеской поддержкой, центром империи.

Не тогда ли Мамун захотел положить конец застарелой вражде с Алидами? Или над ним, в конце концов, возобладали его давние личные симпатии? Вероятно, и то, и другое. Весной 817 г. он принял неожиданное решение назначить своим законным наследником Али ибн Мусу, более известного под именем Али ал-Рида, восьмого имама двенадцатиричных шиитов. Черный цвет Аббасидов был заменен зеленым — Алидов. Али получил в жены дочь халифа Умм Хабиб, а его сын Мухаммед

женился на другой дочери Мамуна Умм ал-Фадл. Аббасиды не были отстранены от наследования, но пока, наверное, вплоть до восстановления мира, когда халифскую власть можно будет вернуть потомкам Аббаса, править предстояло человеку, признанному самым достойным, а главное, способным усмирить распрю между Алидами и Аббасидами. Цель Мамуна заключалась в том, чтобы обеспечить единство семьи Пророка и сплотить халифат. Однако произошло обратное.

В очередной раз Багдадом овладело смятение. В итоге имеющиеся в наличии аббасидские принцы решили объявить о низвержении Мамуна и избрании на халифат одного из родственников Харуна ар-Рашида. Выбор сначала остановился на Мансуре, одном из сыновей Махди, но он отказался. Тогда халифом был объявлен другой из сыновей Махди, Ибрагим. Двадцать четвертого июля 813 г. в большой мечети Багдада прозвучала молитва с упоминанием его имени. Имя же Мамуна было опущено. Ибрагим получил титул ал-Мубарак, «Благословенный». В империи снова оказалось два соперничающих халифа.

Выбор Ибрагима, гораздо более известного в качестве музыканта и певца, нежели государственного деятеля, был странным. Великий артист, сотрапезник Харуна, любитель удовольствий, отличавшийся необыкновенной расточительностью, не обладал никакими качествами, необходимыми для управления империей, особенно в сложных обстоятельствах, которые она переживала. Казна была пуста, и очень скоро Ибрагиму пришлось прибегнуть к собственным средствам, чтобы платить жалованье армии. Когда его богатства оказалось недостаточно, он разрешил своим командирам кормиться от урожаев в Саваде, в районе Багдада. Они собрали урожай и разграбили деревни, что, разумеется, вовсе не добавило популярности новому халифу. В столице вспыхнули новые восстания, в ходе которых сторонники Ибрагима сталкивались с Алидами.

Дело Ибрагима было явно проиграно, а проалидское решение, придуманное Мамуном, провалилось. Все кругом это видели и понимали, кроме самого Мамуна. Али ал-Рида раскрыл ему глаза. Он разъяснил халифу, что народ, недовольный тем, что во главе государства стоит Фадл ибн Сахл, выступает против его назначения законным наследником. Большинство мусульман империи не могли смириться с передачей власти Алидам, и именно поэтому Ибрагима и провозгласили халифом. В результате Мамуну надлежало вернуться в Багдад, ибо мир могло восстановить только его присутствие. Военачальники

подтвердили халифу правильность этой оценки ситуации, и в начале 818 г. Мамун покинул Мерв. Через несколько недель Фадл ибн Сахл погиб от руки убийцы, возможно, подосланного к нему по приказу самого Мамуна. Затем халиф небольшими переходами отправился в Ирак. Через шесть месяцев он достиг Туса, где помолился на могиле Харуна ар-Рашида. Именно там умер Али ал-Рида, по мнению некоторых, объевшись виноградом, другие добавляют, что виноград был отравлен Мамуном. Во всяком случае, эти две смерти уладили проблемы халифа: со сцены сошел визирь, опозоренный в общественном мнении, и от политики братания с Алидами стало можно отказаться.

Тахир, который до этого момента тихо сидел в Ракке вместе со своей армией, получил приказ отправляться в Багдад, куда он вошел 10 августа 819 г., почти одновременно с халифом. С момента смерти Харуна ар-Рашида прошло больше десяти лет.

ГЛАВА VII

БАГДАД

Багдад, которому нет равных ни на Востоке, ни на Западе земли.

Якуби

Багдад лежит в сердце Ислама, и это город спасения, там находятся таланты, о которых идет молва, изящество и учтивость. Ветра там ласковы, а наука прозорлива. Там — все лучшее и прекраснейшее. Оттуда происходит все, что ценится людьми, всякая изысканность возвращается туда. К нему обращены все сердца, и против него — все войны.

Мукадасси

««Как называется это место?» — Спросил ал-Мансур. «Багдад», — был ответ. — «Клянусь Богом, — отвечал халиф, — это именно тот город, который, по словам моего отца Мухаммеда ибн Али, я должен основать, где я должен жить, и где в будущем будут править мои потомки. Принцы, жившие до и после ислама, потеряли его след, чтобы моими заботами осуществились откровения и повеления Бога. И вот легенды сбываются, знамения и предсказания обретают ясность. Бесспорно, этот «остров», омываемый с востока Тигром, а с запада Евфратом, окажется центром вселенной. Сюда по Тигру будут приплывать и бросать якорь корабли, которые прибудут из Васита, Бассоры, Убуллы, Ахваза, Фарса, Омана, Ямамы, Бахрейна и окрестных мест. Сюда по Тигру будут прибывать товары из Мосула, Дийяр Рабия, Ракки, Сирии, Малой Азии, Египта и Магриба. Этот город также встанет на пути у народов Джабала, Исфахана и провинции Хорасан. Хвала Богу, который уготовал мне эту столицу и сохранил ее незамеченной всеми моими предшественниками. Клянусь Богом, я ее воздвигну и буду жить в ней всю жизнь, и она станет обиталищем моих потомков. И, без сомнения, она станет самым процветающим городом мира»» (Якуби, Страны).

Этот поразительный урбанистический успех, от которого сегодня не сохранилось почти никаких следов, вовсе не был обусловлен природными условиями. Это место ничем не выделялось. Ни холмов, как в Риме или Стамбуле, ни цветущего оазиса, как в Дамаске, ни акрополя, чтобы построить цитадель, как в Афинах или в Иерусалиме. Недалеко оттуда возникли и другие великие города: Вавилон, Селевкия, Ктесифон. И все они, как и Багдад, находились на пути, связывающем Иранское нагорье с Месопотамией и Сирией. По этому древнему пути, пересекающему Загрос между Ханакином и Хама-даном, чтобы чуть севернее вернуться на месопотамскую равнину, люди, культуры и товары на протяжении тысячелетий перемещались из Средиземноморья в Центральную Азию, Индию и Дальний Восток. Земли в окрестностях Багдада редко страдают от наводнений, и Тигр здесь близко подходит к Евфрату, с которым его легко соединить с помощью каналов. Этот удобный для обороны центр коммуникаций сразу оказался особым местом, где в немыслимо короткие сроки возникло необыкновенно плотное городское население.

Первоначальный план Мансура предполагал основание города-крепости, в котором он собирался сосредоточить свою власть. Ему нужна была политическая и административная столица без садов и школ. Но город день ото дня обретал черты настоящей столицы, великолепие и богатство которой привлекало толпы людей со всей империи и даже из-за ее пределов. Багдаду предстояло стать дворцовым и правительственным ансамблем, и прошло не больше двенадцати лет, как он уже был огромным городом, а каких-то полвека спустя столица Харуна ар-Рашида, насчитывавшая примерно миллион жителей, уже была самым крупным городом тогдашнего мира, в котором самые населенные города Северной Италии и Фландрии едва дотягивали до 40 000 душ. По сравнению с Багдадом, занимавшим почти 100 квадратных километров, тогдашний Париж выглядел ничтожным. Сравниться с ним мог только Константинополь, и еще Дамаск и Каир, численность населения которых в скором будущем достигла 300 000 и 500 000 человек соответственно.

Причины этого головокружительного роста, с которыми на протяжении Истории мы сталкиваемся почти повсеместно, особенно в Европе XII и XIII вв., или на Балканах и в Анатолии в XV и XVI вв., всегда одинаковы: восстановление мира, политическая стабильность, умелое управление, ресурсы или новые экономические течения, которые смогли применить на

практике широкие слои работоспособного населения. Таким образом, в VIII и IX вв. на арабском Востоке мы можем наблюдать один из самых удивительных взлетов городского строительства за всю историю человечества.

В Багдаде присутствовали все условия развития. Гениальность Мансура состояла в том, что он их выявил и использовал. Сельскохозяйственная экономика находилась на подъеме благодаря работам, проведенным в эпоху Са-санидов: осушение болот и ирригация позволили выращивать продовольственные культуры, в том числе сахарный тростник, финиковые пальмы, апельсиновые деревья, а также текстильные культуры (главным образом, хлопок). Находясь вблизи от местности, уже плодородной и используемой садовниками и земледельцами, Багдад, опутанный сетью каналов и напоминающий остров, омываемый двумя реками, был просто обречен на блестящее будущее. В свою очередь, массовое нашествие в город вызвало, помимо строительной лихорадки и прочих обусловленных им нужд, приток людей и капиталов, который со временем неуклонно рос. Последовал взлет торговли, о котором свидетельствует эта история, рассказанная историком Хатибом ал-Багдади. Некий византийский посол, прибывший к ал-Махди, посетил Багдад. Неожиданно он остановился, чтобы сказать сопровождавшему его великому постельничему: «Вот место, которое прекрасно подошло бы для вложения денег. Не могли бы вы попросить халифа одолжить мне 500 000 дирхемов. Я уверен, что через год удвою этот капитал». Ал-Махди, щедрый, как всегда, ответил: «Дайте ему 500 000 дирхемов, которые он просит, и добавьте к ним еще 500 000 дирхемов. А когда он вернется в свою страну, ежегодно высылайте ему доход с этих денег». Так и было сделано. На деньги халифа грек выстроил мельницы недалеко от города в месте слияния двух рек и до самой смерти каждый год получал прибыль от своего предприятия.

Как и этот посланник василевса, спекулировали все, кто мог, начиная с семьи Аббасидов и всех крупных и мелких государственных чиновников. Землю продавали и покупали, принимали участие в коммерческих проектах, без зазрения совести нарушая религиозные запреты по поводу ростовщичества и пользования деньгами.

Первыми вблизи Круглого города поселились те, кому халиф пожаловал землю, то есть прежде всего люди, наиболее верные режиму, в частности большая часть представителей рода Аббасидов. Мансур говорил о них своему сыну: «Почитай их, выдвигай их, будь щедрым с ними, ставь их выше прочих, так как

их слава также и твоя, и хвала, которую ты им возносишь, равно относится и к тебе самому…» Сыновья ал-Махди поселились на востоке, в то время как халиф приказал выстроить свой дворец в ал-Русафе, на другом берегу Тигра, где к нему присоединилась его свита и высшие чиновники.

Люди Сахаба также обосновались на землях, выделенных халифом. Принадлежа к самым верным племенам (Курейш, Ансар, Йемен), они были самыми близкими соратниками халифа. Они были очень многочисленными при дворе и выступали хранителями литературных и поэтических традиций доисламского прошлого. Мансур отдал им своего наследника Мухаммеда (ал-Махди) для обучения арабской истории и литературе. Махди поступил так же со своими сыновьями Хади и Харуном. Землю получали и другие арабы, поскольку именно благодаря поддержке племенных вождей города вроде Мосула, Васита, Басры и Куфы оказались в руках халифа в ходе революции, и Аббасиды не забыли об этом.

Они также не забыли о решающей поддержке хорасанской армии, этих иранизированных арабов, поселившихся в Иране и ставших ударным кулаком аббасидского войска, приведшего их к власти. Эти воины, прошедшие повторную арабизацию, организованные по племенному принципу, «верные, великодушные и неподкупные», служили самыми надежными отрядами армии первых халифов. Во времена Харуна они занимали целые кварталы вокруг Круглого города, группируясь по месту рождения в Персии.

Мавали также занимали отдельный квартал. Значение, которое, по примеру Мансура, придавал им Махди, их роль в администрации, особенно в барид, не уменьшились и во времена Харуна, даже напротив. Только гораздо позже, после драматического конфликта между его сыновьями, их сословие распалось и мало-помалу растворилось в массе остальных мусульман. Многие из них в то время считались приближенными советниками халифа, некоторые даже становились визирями. Несколько раз их вмешательство в момент наследования трона оказывалось решающим. Помимо отведенного им квартала они владели землями, предоставленными им халифом, почти по всему городу.

Планы, составленные Мансуром, не предусматривали того расширения столицы, которое спровоцировал приток иммигрантов вскоре после того, как халиф поселился под зеленым куполом своего дворца. Без сомнения, он первым удивился этому факту. Новоприбывшие, люди самого разного происхождения, были далеко не самыми дисциплинированными и

надежными горожанами. Можно представить себе, с какими трудностями столкнулись власти, плохо подготовленные к разрешению подобных проблем. Первые иммигранты были выходцами из Хорасана, Йемена, Хеджаза, Васита и Куфы. Затем наплыв увеличился. Люди всех социальных слоев, включая интеллектуалов, ремесленников, купцов, спекулянтов и горемык, не имеющих работы, прибывали со всего Востока и заполняли город и его предместья. Базар уже был перенесен на юго-запад, в ал-Карх, который тотчас же стал ведущим коммерческим центром. Якуби оставил нам его описание: «Огромный рынок, длиной примерно в два фарсанга[106] и шириной в фарсанг. Каждая отрасль торговли занимает свои определенные улицы, имея в своем распоряжении определенное количество торговых мест, лавок и дворов, таким образом, чтобы разные промыслы и виды товаров не смешивались». Это разграничение отраслей торговли не было новшеством и всегда существовало на Востоке.

Ал-Карх пережил стремительный рост. Как говорит Якуби, «нет в Багдаде квартала больше или богаче». Здесь в беспорядке, который отличает почти все восточные города, возводили как самые элегантные, так и гораздо более скромные дома. Тем не менее некоторые кварталы постепенно становились более аристократическими, чем прочие, по причине своеобразного «снобизма», вытекавшего из социальной стратификации, которая издавна была характерна для крупных аббасидских городов. Жить в ал-Шаммасие было весьма престижно: на некоторых улицах этого квартала жили судьи, на других — богатые купцы, на прочих — лавочники. Разумеется, под влиянием политических и экономических событий престижность тех или иных кварталов часто менялась. Даже базары порой переносили из одной части города в другую.

Через очень небольшое время правый берег Тигра, где находились Круглый город и квартал Карх, оказался перенаселен. Агломерация перекинулась на противоположный, восточный берег реки, в окрестности лагеря, который Мансур приказал разбить для своего сына Махди. Этот новый квартал, ал-Русафа, стремительно рос вокруг халифского дворца. Великодушие Махди, постройки, принадлежавшие ему, его военачальникам и обслуге, привлекали все больше и больше народу. В новом квартале поселились Бармакиды и также внесли свой вклад в его процветание. Яхья и Джафар построили там по роскошному дворцу. Амин и Мамун поступили таким же образом. Из суеверия или из любви к строительству халифы предпочитали не жить в резиденциях своих предшественников, и каждый возводил себе новую, еще более пышную. У Харуна было несколько дворцов, и

он вместе со своей бесчисленной свитой кочевал из одного района Ирака в другой. Вокруг его дворцов возникали скопления людей: будучи построены из сырых или, реже, обожженных кирпичей, они начинали рушиться, как только о них переставали заботиться[107]. В этом случае население ближайших окрестностей разживалось строительными материалами, довершая, тем самым, их превращение в бесформенные развалины, которыми усеяна Месопотамия.

В конце VIII в. в городе, главным образом, в его южной части, называемой Дар эл-Халифа, находилось двадцать три дворца, занимавших огромное пространство. В этот период Багдад широко раскинулся по обоим берегам реки. Во времена Харуна два берега были соединены тремя понтонными мостами, один из которых находился поблизости от Хорасанских ворот, другой — в ал-Кархе, третий — южнее. Город был перечеркнут каналами, и значительная часть перевозок осуществлялась водным путем. По свидетельству Мукаддаси, «жители Багдада передвигаются и перемещаются по воде. Две трети товаров в Багдаде перевозят по реке». Как и в Венеции, через реку, по которой тысячи лодок и барж перевозили людей и товары, было перекинуто множество маленьких мостиков. Как утверждают, каждый житель «должен был иметь осла на конюшне и лодку на реке». Халифам принадлежали пышные парадные суда, часто весьма оригинальные. У Амина было шесть кораблей которым при постройке придали форму животных, и в результате на Тигре можно было видеть орла, льва, коня, слона, дельфина и змею.

Эгалитаристское, но структурированное общество

Гигантский город-спрут, где самая кричащая и самая утонченная роскошь соседствовала с ужасающей нищетой, которую в состоянии породить только Восток, где изобилие религиозных сект часто приводило к кровожадному фанатизму, где с ураганной скоростью распространялись эпидемии и с той же стремительностью — пожары и наводнения, которые никто не мог обуздать…

> Багдад — прекрасное место для богатых,
> Но для бедняков — обитель нищеты и невзгод,
> В недоумении я долго бродил по улицам,
> Потерянный, как Коран в доме безбожника[108].

Все мусульмане входят в Умму, общину верующих, внутри которой Бог упразднил всякое различие. В исламе не существует

иерархии, или аристократии, кроме особой группы, состоящей из представителей рода Пророка. Она разделяется на Талибидов (Талиб был дядей Али) и Аббасидов, первых называют Шариф, а вторых — Сайид. Власть стремилась обеспечить этим последним, которых насчитывалось несколько тысяч, по меньшей мере, достойное существование. По шариату, мусульманскому закону, всякий правоверный, каково бы ни было его положение в обществе, равен любому другому. Так общество выглядит в идеале, или с юридической точки зрения. Реалии повседневной жизни Багдада были гораздо сложнее. Аббасидское общество было иерархическим, в основном по имущественному принципу.

Рабы

В самом низу социальной лестницы находились рабы. В городах их было очень много, а на земле работало лишь небольшое количество[109]. С незапамятных времен рабство было одной из характерных особенностей восточных обществ. Об этом неоднократно упоминает Ветхий Завет[110]. Вавилоняне даже разрешали родителям продавать в рабство своих детей, если те вели себя непочтительно по отношению к ним, а муж мог продать свою жену. Мухаммед выступил реформатором, в частности, в этой области: Коран предписывает обращаться с рабами, как с любыми другими людьми (Коран, XVI, 73). В хадисах фигурируют следующие слова Пророка: «И ваши рабы! Позаботьтесь, чтобы они получали ту же пищу, что и вы, и ту же одежду, что и вы. И если они совершают проступок, который вы не желаете прощать, продайте их, потому что они слуги Бога и не должны подвергаться пыткам[111]».

Значительная часть евнухов, охранявших гаремы халифов, принадлежала к европейской расе: это были либо «славяне» (откуда и произошло слово «раб» на многих европейских языках), либо греки из Сирии или Армении, очень часто предназначенные для служения Церкви. Их кастрировали перед продажей[112], но некоторые заводили наложниц и даже женились. Что касается чернокожих, то их урезали «до живота», чтобы они не могли оставить потомство. В окружении у халифов находилось немало рабов, которым поручались официальные миссии. Среди них были военачальники, адмиралы и высокопоставленные придворные чиновники.

Во времена Харуна ар-Рашида приток евнухов породил сексуальное извращение. Амин питал такую страсть к евнухам, что, желая его излечить[113], его мать Зубайда переодела самых

красивых девушек гарема юношами. Несмотря на то что до этого времени ценились несколько полноватые женщины, теперь в моду вошли женщины с маленькой грудью и узкими бедрами. «Чтобы описать ее, я сказал бы только, что она была стройным и тонким подростком с плоскими и блистательными грудями… с тончайшей осиной талией… все ее тело было тоньше и гибче тростинки» (Ночь 32-я), читаем мы в «Тысяче и одной ночи». Эта любовь к гулямам (гулям — раб) бушевала в аристократической и зажиточной среде. Однако мужчин, преданных исключительно страсти к мальчикам, по-видимому, было не так уж много. Педерастия, нечастая у арабов доисламского периода, пришла из Хорасана. В течение первых веков она получила некоторое распространение с появлением молодых белых рабов из Европы. Нет числа поэмам, посвященным мальчикам. Но отражали ли эти стихи настоящую страсть или лишь моду, как это было впоследствии у персов и османов?

Рабы работали и в торговле (либо под началом своего хозяина, либо самостоятельно, с прибылью для последнего), строительстве, ремесленном производстве. Массовое применение рабского труда в крупном производстве было редкостью. В целом с рабами обращались мягко, в согласии с предписанием Корана. Очень часто рабов отпускали на волю, что считалось богоугодным делом; происходило это по обету или вследствие клятвы, и пр. В этом случае раб обретал полную свободу, но сохранял связь со своим бывшим хозяином посредством института «клиентуры».

Рабыни были предназначены прежде всего для работы по хозяйству, и в каждом зажиточном доме их было несколько. Молодые и красивые девушки имели возможность стать наложницами хозяина. Запрет на продажу наложниц нарушался редко. Гораздо чаще хозяин отдавал их учиться пению, музыке или поэзии. Многие наложницы принцев императорской крови, в том числе Хайзуран, были приобретены уже после того, как их хозяева обучили их хорошим манерам и дали образование, впоследствии получив от этого немалую прибыль. Что касается наложницы, произведшей на свет ребенка, она в обязательном порядке получала свободу, а ребенок, признанный отцом, пользовался теми же правами, что и законные дети.

Детей, рожденных от наложниц и рабынь самого разного происхождения и самых разных национальностей, невозможно было сосчитать. Результатом этого стало значительное этническое смешение. С VIII в. почти все халифы были сыновьями рабынь, Харун не составлял исключения, и так же обстояло дело среди аристократов и в большинстве состоятельных семей.

Народ

Бесчисленный багдадский плебс обладал более высоким статусом, чем рабы, но часто влачил более жалкое существование. В основном именно эта широкая — от босяка до мелкого лавочника — прослойка, включавшая всевозможных носильщиков, банщиков, бродячих торговцев и поденщиков, составляла столь характерную для столицы Аббасидской империи пеструю толпу, в которой смешивались все цвета кожи, расы и языки. Не имея ни работы, ни постоянного жилья, нищие и калеки днями бродили по огромному городу в поисках работы или какой-нибудь пищи, а ночи проводили под мостами, во дворах мечетей, то есть везде, где могли устроиться.

Они сколачивали целые полукриминальные армии, разбитые на шайки, и грабили богатые кварталы, совершая налеты на магазины и склады, когда их хозяева отказывались платить дань. В кризисные периоды, как, например, во время гражданской войны за наследство Харуна, эти люди вне закона (айярун) становились во главе восстаний, вооружившись палками и пращами и соорудив доспехи из пальмовых листьев, и сражались с халифской конницей. Некоторые вступали в шурту, полицию, либо ради жалованья, либо, чаще, чтобы нейтрализовать силы правопорядка во время волнений. Их часто путают с фитьян, сообществами молодых людей, стремившихся, в основном, к легкой жизни, но и те, и другие объединялись ради борьбы с властью. Фитьян их организовывали и возглавляли, порой превращаясь в грозную силу.

Бродячие торговцы, мелкие лавочники представляли многочисленный социальный слой, который редко страдал от нищеты, но располагал весьма ограниченными средствами. Если Багдад привлек столько мужчин и женщин из самых дальних уголков империи, то это, в основном, потому, что он пользовался репутацией города, где не умирают от голода. Бурное развитие торговли повлекло за собой улучшение жизни населения, хотя многие города нашего средневековья могли бы в этом позавидовать Багдаду.

Буржуазия

Средний класс был представлен в основном купцами, врачами, землевладельцами и чиновниками. При отсутствии чрезмерного налогообложения владение землей приносило неплохой доход. Согласно ал-Танухи[114], налог с гумна составлял

более половины прибыли, что объясняет многочисленность жалоб, о которых сообщают хронисты того времени. Очевидно, у владельцев пахотных земель и садов в окрестностях Багдада, как и у лавочников, был широкий выбор возможностей извлечь выгоду. Если у торговцев мясом, сырым и жареными или печеными потрохами, фруктами и овощами дела шли очень хорошо, то бесчисленные мелкие уличные торговцы, скорее, бедствовали. Мелкие чиновники зарабатывали слишком мало, чтобы приобретать участки земли под Багдадом, а удачливые торговцы стали скупать их с начала IX в. Учителя и поэты жили тем, что получали от своих учеников или меценатов. Последние же иногда отличались невероятной щедростью, и нам известны поэты, которые вели чуть ли не барскую жизнь.

Среди торговцев и мелких собственников, ремесленников и мелких дельцов было немало людей, чьи предки получили от первых халифов, уверенных в их верности, участки земли, икта, вокруг города. Некоторые процветали, другие жили более скромно, но получали приличный доход. Торговец тканями или землевладелец среднего пошиба мог оставить в завещании от 800 до 1000 динаров. Владельцы садов — пережиток наделов икта, розданных при Мансуре, — сдавали их в аренду за высокую плату.

К этому же среднему классу принадлежали и ремесленники, которые самостоятельно сбывали произведенную ими продукцию. Почти все предметы быта и обихода производились частными ремесленниками, в то время как государство владело или распоряжалось, прежде всего, судостроительными верфями, оружейными мастерскими и большей частью текстильного производства. Ремесленники подчинялись строгим правилам, регламентирующим цену и качество, за соблюдением которых следило государство. Для некоторых продуктов, особенно текстиля, требовалось наличие государственного клейма.

Трансформация наполовину аграрного и наполовину пастушеского хозяйства Месопотамии в коммерческую экономику породила торговые центры первостепенного значения во главе с Багдадом, и с конца VIII в. вызывала социальные потрясения невиданного размаха. Главным итогом, безусловно, стало рождение «буржуазии», которая быстро превратилась в один из существенных элементов всех сторон жизни империи и один из столпов, на которые опирались Аббасиды.

Занятие торговлей очень высоко ценится в исламе. «Достойный доверия купец будет сидеть в тени престола Бога», — сказал Пророк. А халиф Омар добавил: «Я предпочел бы умереть в деловой поездке, сидя в седле моего верблюда, нежели пасть в

священной войне». Герой битвы с Сасанидами при Кадисие подтверждает: «Я лучше получу дирхем от торговли, чем десять за военную службу». Богословы подчеркивают, что первый халиф Абу Бакр торговал тканями, а третий халиф, Осман, был поставщиком зерна. Хвалиться своим богатством не считалось чем-то постыдным, напротив. Здесь можно процитировать следующую хадису: «Когда Аллах дарует богатство, я желаю, чтобы люди его видели».

Вскоре после возникновения ислама проблема выставления роскоши напоказ подверглась широкому обсуждению. На самом деле человеческая история знает не так уж много мест, где можно было видеть такое множество надушенных людей с крашеными волосами, увешанных украшениями и одетых в драгоценные одежды, как в Багдаде. Привычка к роскоши никого особенно не возмущала, хотя некоторые придирчивые критики порицали ее еще больше, чем покупку и содержание молодых рабов. Разве у самого Пророка и его зятя Али не было многочисленных наложниц помимо законных супруг?

Накопление богатства было не более предосудительным. «Нищета — почти то же самое, что отступничество», — сказал Мухаммед. Однако финансовые и торговые операции нужно было вести честно: исполнять обязательства, не обманывать клиента, не скрывать недостатков товара, не проявлять жестокости к должникам. Честность и даже щепетильность — вот качества торговца, желающего угодить Богу.

Наравне с принцами…

В Багдаде многие названия происходили от племен и профессий, особенно если ремесла эти принадлежали к числу уважаемых, как, например, ткачество, от которого происходит название Базза. Рынок тканей, отдельный от прочих, размещался вблизи мечетей, наряду с банками и лавками золотых и серебряных изделий. Такие коммерсанты — импортеры, экспортеры, судовладельцы, ювелиры, торговцы зерном и маслом — пользовались значительным влиянием. У некоторых объем сделок достигал колоссальных размеров. Они предоставляли займы халифам, визирям, которые в ответ обеспечивали им покровительство, а главное, закрывали глаза на операции на грани мошенничества. Образуемые ими группы давления оказывали влияние на правительство и государство. Не считая придворных, именно они больше всего кичились своей роскошью, владели самыми красивыми домами, садами, рабами и самой

многочисленной челядью. Они искупали вольность своих нравов строительством мечетей и фонтанов, содержанием благотворительных учреждений и щедрой милостыней. Подобно принцам, торговцы и банкиры покровительствовали писателям, поэтам, музыкантам и певицам, оказывая им материальную помощь. Принимая их у себя, меценаты обзаводились собственным двором, удовлетворявшим их интеллектуальные и художественные притязания.

Как и все жители Багдада, крупные торговцы и банкиры принадлежали к самым разным народностям. Самыми искусными в делах считались персы, выходцы из Басры и Южной Аравии. Евреи были грозными соперниками для всех. Еврейских менял и ростовщиков в Багдаде было немало. Они ссужали деньгами визирей и государство.

Прошли те времена, когда на привилегированном положении были военачальники и «секретари» (куттаб). Завоевательные войны закончились, и теперь власть одинаково нуждалась в опытных и богатых дельцах, а также в чиновниках и лидерах, способных командовать ее армией. Принцы, а тем более высокопоставленные чиновники относились к купцам без всякого презрения. Некий торговец маисом, перс по происхождению, был сотрапезником визиря Мамуна Фадла ибн Сахла, а следующий халиф, Мутасим, сделал своим визирем Зайята, «торговца маслом» и сына придворного поставщика. Во времена Харуна ар-Рашида халифа окружали, в основном, арабы из буржуазной среды, весьма немногочисленные при первых аббасидских халифах.

Многие из этих купцов в то же время были мыслящими и набожными людьми. Можно отметить, что огромное большинство теологов составляли торговцы или купеческие сыновья — в IX в. их было более 60 %, — причем пальма первенства принадлежала торговцам тканями. Исламское право с самого начала защищало мусульманских торговцев, установив для иностранных купцов десятипроцентный таможенный сбор, причем немусульманские подданные арабского государства платили пять, а мусульмане — всего два с половиной процента.

Религиозные деятели и судьи

Улемы, то есть богословы, тоже занимали завидное положение в обществе. Они принадлежали к городской верхушке (айян) и играли существенную роль в повседневной жизни обитателей Багдада. Как принцы, так и простые люди в любых

обстоятельствах обращались к этим благочестивым и сведущим людям, пользовавшимся огромным уважением.

Количество людей, посвятивших себя изучению Корана, было огромным. Среди них были толкователи Корана, принадлежавшие к различным сектам и юридическим школам, «собиратели» слов Пророка, изучавшие его высказывания, правоведы, отвечавшие на разного рода вопросы, которые могли исходить как от халифа, так и от кади, проповедники, произносившие пятничную молитву и на этом основании обладавшие настолько значительной властью, что часто их назначение осуществлял сам халиф; уличные проповедники, направлявшие общественное мнение не только в духовных, но и в политических вопросах, а потому нуждавшиеся в пристальном надзоре, муэдзины… Все они занимали видное положение в столице. В первые века ислама его догматы еще не устоялись, и шли чрезвычайно жаркие споры. Политика и религия тесно сплелись, и многие проблемы, например, алидская, были очень далеки от разрешения.

Кади также принадлежали к сословию улемов. Эти люди, обладавшие колоссальной властью и авторитетом, выступали третейскими судьями в конфликтах между людьми и несли на плечах тяжкий крест осуждать своих ближних. Не все правоведы брали на себя это бремя, поскольку некоторые считали его слишком тяжелым для своей совести. Некоторые отказывались от всякого вознаграждения, утверждая, что судить своего ближнего не великая заслуга. Многие жили в нищете, как, например, два багдадских брата, у которых на двоих был всего один тюрбан и одна одежда. Когда один уходил, другому приходилось оставаться дома. Или еще этот главный судья, одетый в хлопчатобумажную одежду самого дрянного качества… Кади настолько далеко заходили в демонстрации независимости, что отказывались вставать в присутствии халифа. Однажды, когда Мамун явился в суд как простой горожанин и сел перед судьей, тот приказал принести подушку и для второй стороны. А философ ал-Кинди рассказывает, что некий египетский представитель императрицы Зубайды, имевший наглость сесть во время процесса, получил от кади приговор к десяти ударам кнутом. В VIII и IX вв. судьи, всегда одетые в черное — цвет Аббасидов, — заседали в мечетях, а жалобщики усаживались вокруг них. Свидетельства принимались только от людей с хорошей репутацией; относительно людей, о которых ничего не было известно, проводилось расследование.

Так в исламском государстве получила продолжение традиция, зародившаяся в империях Древнего Востока, по которой для народа нет ничего важнее справедливости, и даже

религия не в состоянии восполнить ее отсутствие. Она осталась без изменений и в Османской империи: одного из самых ее прославленных и почитаемых правителей, Сулеймана Великолепного, подданные прозвали Законодателем.

Отложив в сторону религиозные расхождения, которые в мусульманской среде иногда приводили к вспышке насилия, эти люди, прибывшие с четырех концов земли, жили в согласии, не нарушаемом даже следами расовой сегрегации. И дело не в отсутствии гордости за свои корни, а в том, что человека не презирали за цвет его кожи — об этом просто не могло быть и речи. На всех уровнях социальной лестницы смешение было таково, что никто не мог претендовать на чистоту происхождения. У самих халифах в жилах текла настолько смешанная кровь, что ни о какой расовой гордости говорить не приходилось. Точно так же даже в помине не было ненависти к тем, кто не исповедовал веру в Пророка, будь они христианами или евреями. В Багдаде между мусульманами и людьми Писания не существовало никакой разницы.

Христиане, в большинстве своем, были несторианами. Именно их монастырь в Дайр ал-Аттике, расположенный к югу от будущего Круглого города, принял Мансура, когда он выбирал место для строительства своей столицы. Христиане владели церквями и монастырями, в частности в квартале Карх. Особенно много их было в ал-Шаммасие. Монофизитов было меньше. Ни тех, ни других никто не беспокоил, и при первых Аббасидах Багдад был важным центром распространения несторианства в направлении Центральной Азии.

У евреев в то время также не было оснований для жалоб. Ни мусульманское завоевание, ни аббасидская революция не потревожили еврейских земледельцев, горожан и ремесленников, чья история в Месопотамии насчитывала более двенадцати столетий. Скорее, эти два события улучшили их участь, так как исповедовавшие зороастризм Сасаниды подвергали их гонениям. После возведения Круглого города главы еврейской общины перебрались в Багдад, который стал ее административным и юридическим центром. При Харуне некоторые ее представители пользовались огромным влиянием в политической, а главное, финансовой сфере. В религиозной и интеллектуальной области можно отметить, что влияние багдадской талмудической школы распространилось далеко за пределы границ империи. Толкователи Талмуда, называемого Вавилонским, эти «академии» распространили раввинистическую традицию вплоть до Южной Европы.

> Вот этот прославленный город, этот Багдад, обитель наслаждений! Это счастливый город, не знающий ни изморози, ни зимы, живущий в тени своих розовых кустов, в нежности весны, в окружении цветов, садов, под журчание вод…
>
> *Ночь 34-я*

В Багдаде существовали все возможные виды жилища, от пышного дома придворного вельможи или крупного торговца до лачуги носильщика или берлоги в каких-нибудь развалинах, служащей ночным приютом для нищего.

В этом жарком климате у большей части домов, которые мы бы назвали «буржуазными», имелся сад, дававший воздух и прохладу, с бассейном в обрамлении пальм и кипарисов. В садах росли розы, нарциссы, анемоны, фиалки, жасмин, лилии, гвоздики, а в водоемах — лотосы. Тюльпаны еще не были завезены из Центральной Азии, но начали появляться апельсиновые деревья, родиной которых является Индия. Страсть к садам была всеобщей, как это впоследствии было и в Османской империи, где люди шли на разорение, чтобы купить луковицу тюльпана. Многочисленные поэты воспевали радость вечеров, заполненных состязаниями в искусстве стихосложения, песнями, музыкой, невинными играми и другими, менее невинными радостями.

Дома возводились из кирпича, высушенного на солнце или обожженного в печи (самые скромные жилища сооружали из утрамбованной земли), скрепленного глиной или известковым раствором. По очень древней технологии, применявшейся еще в Вавилоне, ряды кирпича прокладывали тростником. Кирпичную кладку покрывали штукатуркой, часто лишь частично, чтобы смягчить воздействие жары. С той же целью использовали кашани (от названия города Кашан) — синие, бирюзовые, зеленые или желтые фаянсовые изразцы с металлическим блеском, квадратной или восьмиугольной формы. В то время Багдад являлся крупнейшим центром производства цветной керамики. Широко использовалась также отделка под мрамор — мотивы в виде линий, арабесок, стилизованных цветов, — особенно в обрамлении ниш. Этот стиль нашел свое завершение в Самарре. Такой же пышностью отличались двери, выполнявшиеся из резного дерева ценных пород, вроде эбена, и иногда покрытые золотой фольгой.

Кровли были плоскими, как и во всех странах Востока. На них можно было спать жаркими летними ночами. Многоэтажные здания в Багдаде были редкостью, но в некоторых городах той же эпохи, например, в Фуста-те, были дома в восемь этажей. Вход в богатые дома представлял собой широкий, роскошно отделанный коридор (дилиз), который вел во внутренний двор, вокруг которого располагались комнаты, предназначенные для мужчин или открытые для их доступа. Через другой проход можно было попасть во второй двор, где находился гарем. Третье помещение занимали слуги. В доме могло быть до пятидесяти комнат, большинство которых выходило во дворы, а те, что были обращены на улицу, имели окна или проемы. Свет проникал в них через круглые окна диаметром от 20 до 50 сантиметров.

Носильщики отправлялись к Тигру за водой с ослами или мулами, но было также несколько водопроводов, доставлявших воду из резервуаров, и во дворах некоторых домов имелись колодцы (сооружение фонтана в мусульманских странах всегда считалось благочестивым делом). Чтобы создать в доме хоть немного прохлады, жители Багдада использовали все средства, в то числе комнаты в полуподвале с вентиляционными трубами, расположенные таким образом, чтобы в них попадал ветер[115], обливание стен водой, куски ткани, смоченной в воде (панка), в руках специального слуги, который должен был ими размахивать, кубы льда, замурованные в стене с двойной облицовкой. Самые богатые также помещали куски льда в купол, покрывающий комнаты дома. Обогреться было гораздо проще — с помощью древесного угля, который в домах простых смертных жгли в жаровнях из железа, а у прочих — из серебра или серебра с позолотой. Холодный сезон в Багдаде неприятный, но краткий.

Обстановка в домах была утилитарной, что не исключало наличия кроватей в зажиточной среде. «Взойди на ложе, господин…» — говорит царю юная особа в «Тысяче и одной ночи». Во времена Харуна в качестве софы выступал сарир. Он был достаточно длинным, чтобы на нем могли усесться по-турецки два человека. Ночью спали на фирасе (толстый матрас), украшенном более или менее удобной обивкой в зависимости от финансовых возможностей. Высота подушек зависела от статуса людей, которые на них сидели. Эстеты набивали их легким пухом, волосом и перьями экзотических животных и птиц.

Роскошь дома измерялась также количеством и качеством его ковров. Дороже всего стоили ковры из Армении и Табаристана. Эти ковры, красного цвета, сотканные из тонких нитей, высоко ценились со времен Омейядов. Жены Харуна сидели на армянских коврах и подушках, которые одни были достойны

халифского двора. Спросом также пользовались ковры из Исфахана и Мазенде-рана. Они бывали всех цветов и с самыми разными узорами. Знаменитые ковры из Хиры (Южный Ирак) изображали птиц, коней, верблюдов или стилизованные цветы и геометрические узоры.

В Средние века в восточном доме было мало мебели: утилитарные предметы и сундуки для хранения посуды, одежды, книг, украшений и денег, сделанные из металла, дерева и драгоценных материалов или сплетенные из волокон, такие большие (сундук), что внутри мог спать человек, или такие маленькие, что их можно было спрятать в рукаве. Кроме того, предметы можно было хранить на полках и в более или менее декорированных стенных нишах. Крупногабаритной мебели вроде шкафов не существовало.

Богатые частные дома включали помещение бани, оснащенное тем же оборудованием, что и общественные хаммамы. Несмотря на то что омовение является одним из ритуальных предписаний ислама, в начале хиджры обычай мыться в бане был встречен с предубеждением по причине своего иностранного происхождения, но к VIII и IX вв. прочно вошел в обиход. В X в. один халиф еще называл хаммам «греческой баней». Во времена Харуна их можно было встретить в каждом городе. В Багдаде, если верить авторам той эпохи, их было от 15 до 60 тысяч, причем в VIII в. первая цифра, разумеется, была ближе к реальности. Они выглядели как просторные и красивые постройки, как правило, непритязательные с точки зрения архитектуры. Некоторые были облицованы асфальтом, что делало их стены похожими на черный мрамор. Масуди отмечает, что часто их украшал мотив сказочной птицы Анки, этого восточного ангела с человеческой головой и птичьим клювом, четырьмя крыльями с каждой стороны и птичьими когтями вместо рук.

В то время хаммам играл общественную роль, которую и сегодня сохраняет за собой в мусульманских странах. Существовали мужские и женские дни. В бане происходили встречи и обмен новостями. Однако это место не всегда оказывалось безопасным, как свидетельствует стихотворение некоего Мухаммеда Сакары: «Я обвиняю бани Ибн Мусы, хотя их благовония и жар не имеют равных. Количество воров там так возросло, что посетителям приходится уходить голыми и босыми. Я вошел туда как Мухаммед, а вышел — как Бишр [знаменитый суфий]».

Хаммам являлся своеобразным продолжением мечети (G. Marcais). Однако мечеть находилась в самом сердце мусульманской жизни, будучи местом собрания общины, куда

верующие приходили, чтобы помолиться и послушать имама. Аббасидская революция была совершена во имя религии, заброшенной и искаженной по вине Омейядов. Их наследники придали своему режиму исламский характер и старались способствовать распространению своей веры путем проповеди и строительства культовых сооружений. В результате халифы и принцы возводили мечети по всей империи, особенно в Багдаде.

Сколько же мечетей было в столице в IX в.? Арабские историки называют самые невероятные цифры и говорят даже о 60 000 мечетей. Первой из больших мечетей или джами, использовавшихся для молитвы, совершаемой в полдень по пятницам, была построена мечеть в Круглом городе. Харун ар-Рашид почти полностью перестроил ее в 807 г. Затем появилась другая большая мечеть в Русафе, а в 901 г. — третья, недалеко от нового дворца Тадж. Именно там во время пятничной хутбы (проповеди) с высоты кафедры (минбара) провозглашали имя верховного правителя, что было равносильно объявлению о его восшествии на трон. Именно в Большой мечети в первые века аббасидской империи новые халифы принимали присягу при своем восшествии на престол. К тому же большие мечети служили местом собраний, где встречались и часто вступали в конфликт сторонники и противники власти. В этом случае иногда начинались беспорядки и восстания, имама призывали к ответу, а кафедру опрокидывали.

Существовали также и бесчисленные мелкие мечети, масджиды, «областные» или «окружные» молельни, представлявшие собой небольшие строения, где окрестные жители собирались для совершения пяти ежедневных молитв. Кроме того, туда можно было прийти в любое время дня, поскольку помимо своей основной функции места для молитвы мечети также давали приют путешественникам и бездомным. Здесь же выносили свои решения кади, а ученые наставляли своих слушателей, сидевших вокруг них на циновках или ковриках. А главное, здесь люди могли обменяться новостями, даже невзирая на опасность быть обокраденными, так как воры тоже были завсегдатаями подобных мест. Во дворе лавочники расставляли свои лотки и продавали все подряд, от книг до всяческой снеди и ароматизированной воды. Здесь проводили собрания. По вечерам, когда дневная жара спадала, в мечети и ее окрестностях царило оживление римского форума. Акробаты, фокусники и кусассы (рассказчики)[116], игравшие важную роль в жизни мусульман, упражнялись в своем искусстве.

Только в конце IX в. по приказу халифов торговцы были изгнаны из храма. Примерно в ту же эпоху в мечетях появились

канделябры из драгоценных металлов и зеленые лампы, подвешенные на цепях из серебра или позолоченной меди. Тогда же возник обычай зажигать их по вечерам в дни мусульманских праздников, чтобы они служили отражением могущества халифа.

Одежда

Разнообразие одеяний, которые носили в Багдаде, придавало столичным улицам многоцветие и живописность, которые сегодня трудно вообразить. Представители каждой этнической группы — арабы, берберы, персы, тюрки, рабы из-за пределов Средиземноморья, греки и славяне — носили свою традиционную одежду.

Некоторые предметы одежды можно было видеть почти на всех. Изар представлял собой кусок ткани, который обворачивали вокруг тела. Женщины также покрывали им голову. Простые люди носили менее длинный мизар, доходивший лишь до колен. Нищие одевались в шамлу, нечто вроде платья, чаще всего шерстяное, которое также использовали в качестве одеяла. Одежда бедуинов, аба, представляла собой платье из толстой шерсти. Непосредственно на тело мужчины и женщины надевали гилалу и сирвал, своеобразные штаны, поддерживаемые шнурком. Камиз (рубашка) мог иметь длинные рукава, использовавшиеся в качестве карманов. Дураа выглядела как просторное одеяние с рукавами и разрезом спереди, и именно она служила придворным мундиром. Халиф и высшие вельможи украшали ее драгоценными камнями и бриллиантами. Все, кто состоял на службе у халифа, одевались в черный цвет Аббасидов, причем отказ от ношения черной одежды был равноценен просьбе об отставке. Кади и правоведы носили непременный тайласан, длинный кусок ткани, покрывавший плечи и свисавший за спину наподобие капюшона.

Никто не ходил с непокрытой головой. Для мужчины снять свой головной убор было равносильно наказанию. Самой распространенной была тюбетейка или феска, вокруг которой наматывали тюрбан. Мансур перенял, вероятнее всего у персов, высокий головной убор, напоминающий кувшин с вином. Впоследствии эта высокая шапка стала общепринятой у кади. Все мужчины носили тюрбан, главный отличительный признак мужчины. Согласно одному из авторов той эпохи, тюрбан «есть щит на поле боя, честь в собрании, защитник от превратностей, и, к тому же, он делает человека выше». Материал и длина тюрбана, естественно, варьировались в зависимости от возможностей

носившего его человека, и некоторые принцы украшали его брильянтами. Некоторые цвета предназначались для чиновников и военачальников высокого ранга.

Летом жители Багдада обувались в сандалии, а зимой — в высокие кожаные сапоги. Они были достаточно большими, чтобы в голенище можно было вложить нож и платок. Носки разной длины из шерсти или тонкой ткани также заменяли собой карманы, и в них носили книги, письменные принадлежности и пр. В некоторые эпохи не-мусульман, или дзимми, принуждали к ношению одежды, отличной от той, что носили мусульмане. Харун ар-Рашид приказал вернуть в обиход изжившие себя традиционные предписания, относящиеся к одеянию дзимми. Его врач отговорил его от этого, и через некоторое время распоряжение халифа было отменено. В целом, не-мусульмане были лишены права носить оружие. Вне дома их женщины должны были одеваться в желтое или синее с красной обувью. В середине IX в. халиф ал-Мутавакил обязал не-мусульман носить желтые капюшоны и тюрбан того же цвета, а их жен, если они выходили на улицу, — платье того же цвета. Эти Предписания моментально вышли из употребления.

Если простые женщины из тех, что ходят за водой к ближайшему каналу с детьми, цепляющимися за их юбку, одевались, как могли, жены багдадских богатеев стремились к оригинальности и носили одежду самого разного фасона, блузки с рукавами или без, сшитые из пестрых тканей или златотканого шелка. Зимой к этому добавлялись меха. Певицы Харуна носили розовые, зеленые или красные камизы и сирвали. Зубайда ввела моду на обувь, украшенную драгоценными камнями, а дочь Махди Улайя — на конские уздечки, также отделанные драгоценностями. «Я выбираю самое красивое из десяти моих новых платьев и одеваюсь; затем я надеваю свое прекрасное ожерелье из благородного жемчуга, браслеты, подвески и все свои украшения. Потом я надеваю свое просторное белое покрывало из шелка и золота, опоясываю талию парчовым кушаком и скрываю лицо за маленьким покрывалом, предварительно подведя глаза карандашом» (Ночь 17-я).

А вот и другие модницы из «Тысячи и одной ночи»:

«Нур ал-Хоуда была одета в красное шелковое платье, разукрашенное золотыми птицами, глаза, клювы и когти которых были из рубинов и изумрудов» (Ночь 611-я). «Что же касается Зейн ал-Мавассиф, она вошла в свой дом и первым делом направилась в хаммам, чтобы омыться. А после купания ее спутницы помогли ей сделать все необходимое для необычайного наряда. Затем они выщипали все волосы, которые нужно было

удалить, умастили все, что нужно было умастить, надушили все, что нужно было надушить, удлинили все, что нужно было удлинить, и затянули все, что нужно было затянуть. Затем они надели на нее платье, расшитое чистым золотом, и возложили ей на голову серебряный обод, поддерживавший богатую жемчужную диадему с узлом сзади, а его два конца, каждый из которых был украшен рубином размером с голубиное яйцо, спускались ей на плечи, слепя глаза, как серебряные самородки. Потом они закончили тем, что заплели ее прекрасные черные волосы, надушенные мускусом и амброй, в двадцать пять кос, которые доходили ей до пят» (Ночь 656-я).

Пища

> Верующие! ешьте из тех благих снедей, какими
> Мы наделяем вас…
>
> *Коран, II, 167*

Страсть к показному, присущая богатым жителям Багдада, до чрезвычайности пламенная в том, что касалось одежды и убранства дома, проявлялась с еще большей силой в гастрономической сфере. Если кушанье отличалось оригинальностью, то не имело значения, что оно было малопитательным, безвкусным или слишком пряным. Назавтра после пира в доме у богатого купца или высокопоставленного чиновника о нем должен был говорить весь Багдад. А когда на этом обеде хозяин представлял неизвестное блюдо, новое изобретение своего повара или, еще лучше, изготовленное им по рецепту, добытому у какого-нибудь важного иностранца, этот дом надолго приобретал известность. Таким образом, ради новизны в употребление вводились иранские или даже византийские яства, невзирая на то, что их приходилось заимствовать у врагов ислама. Чуть позже стало ощущаться влияние тюркской кухни.

Кухня была важной составляющей хорошего тона, даже культуры общества. Она живо интересовала римлян, греков эллинистического периода, Сасанидов. Аббасиды, в свою очередь, восторгались этим искусством почти с самого возникновения империи, когда развитие торговли обеспечило довольно многочисленному меньшинству средства, достаточные для удовлетворения кулинарных фантазий. Существовали книги, изначально написанные на персидском и переведенные на арабский, посвященные искусству жить. О нем упоминает Масуди, рассказывая о Сасанидском царе, который, желая

выяснить познания своего сына, спрашивает его: «Каковы наилучшие блюда, красивейшие птицы, самое вкусное мясо, самые освежающие студни, лучшие бульоны, вкуснейшие фрукты, прекраснейшие мелодии, семь лучших ингредиентов для супа, цветы с самым приятным запахом, самые красивые женщины и самые быстрые беговые лошади?».

«Тысяча и одна ночь» рисует нам Харуна ар-Рашида, занятого приготовлением рыбы: «Харун взял сковороду, поставил ее на огонь, положил на нее сливочное масло и немного подождал. Когда масло закипело, он взял рыбу, которую ранее очистил от чешуи и внутренностей, промыл, посолил, слегка обсыпал мукой и положил на сковороду. Когда рыба хорошо поджарилась с одной стороны, он с удивительным искусством перевернул ее на другую сторону, и, когда рыба была готова, он снял ее со сковороды и разложил на зеленых банановых листьях. Затем он пошел в сад, чтобы сорвать несколько лимонов, которые он нарезал и поровну разложил на банановых листьях, а затем вынес все это в зал, к гостям». Некоторые придворные вельможи составляли кулинарные руководства: например, Ибрагим ал-Махди[117], принц, музыкант и поэт, который также провел несколько месяцев на халифском троне, военачальник ал-Харит ибн Башир и многие другие, в том числе великий историк Масуди. Кроме того, существовали книги о диетах, вроде Китаб ал-Агдия (Книга о питании), написанной еврейским врачом Сулейманом ал-Израили, переведенной на латынь и остававшейся в ходу у Салернской школы до XVIII в.

Поэты воспевали чудесные и неповторимые кушанья, великодушие хозяев, неповторимое сочетание небывалых блюд. Ученый VIII в. Салих ибн Абд ал-Куддус насмехается над этим изобилием гастрономических поэм: «Мы живем среди животных, которые бродят в поисках пастбищ, а не понимания. Писать о рыбе и овощах считается великой заслугой, а рассматривать поистине научные вопросы для них невыносимо и скучно».

При приготовлении кушаний использовались дорогостоящие специи, которые ввозили из Юго-Восточной Азии и Африки: перец, мускатный орех, корицу, мускус, имбирь и гвоздику. Точно так же в ход шло и огромное количество ароматических трав, которые можно было купить на местном базаре: петрушка, мята, мак, повилика, розовые лепестки и бутоны, фисташки, чеснок, лук, горчица и пр. Чем больше различных ингредиентов входило в состав блюда и чем больше времени требовалось для его приготовления, тем более удачным оно считалось[118].

На первом месте среди сортов мяса, употребляемых состоятельными сословиями, стоял цыпленок. Готовили его

несметным количеством способов. Книга Китаб Услайла ал-Хабиб, составленная в эпоху Айюбидов, включает более 74 рецептов: цыпленок с фисташками, с конфитюром из розовых лепестков, в желе из туты, с петрушкой, с апельсином, и т. д. Кур разводили в каждой деревне по соседству с Багдадом и даже в городе, чтобы всегда иметь под рукой свежие яйца. Чаще всего, после вымачивания в течение ночи цыпленка варили, потом разрезали на куски и жарили на кунжутном масле. Кроме того, в пищу широко употреблялась козлятина, говядина, ягнятина и баранина. Врачи рекомендовали есть куриное мясо и баранину, а по отношению к говядине проявляли большую сдержанность, считая это мясо слишком сухим, однако советовали разводить крупный рогатый скот ради молока. Чтобы приготовить мясо, его мыли в горячей воде, а потом жарили в масле. Крупную рыбу из Евфрата и Тигра употребляли в огромных количествах в свежем или соленом виде (мелкие виды, стоившие очень дешево, были пищей бедняков). Ее жарили, готовили в уксусе или варили в супе.

«Стол без овощей подобен старцу без мудрости», — гласит арабская пословица того времени. А вот другая: «Овощи — украшение стола». Особенной популярностью пользовались горох, бобы и фасоль. Из них готовили супы, варили с солью и подавали с кунжутным маслом, грецкими орехами или панировочными сухарями. Большой любовью также пользовались баклажаны, которые ели в виде супа, жареными, с уксусом или же с молоком. Высокопоставленные лица брезговали морковью и луком-пореем (из-за запаха), но клали в свои кушанья лук и чеснок. Поэты воспевали спаржу, которая чрезвычайно высоко ценилась в высшем обществе, причем лучшей считалась спаржа из Дамаска. Кресс-салатом, редисом, шпинатом, лиственной свеклой и салатом-латуком никто не гнушался, хотя эстеты избегали всего того, что «оставляет свой цвет на зубах и деснах».

Уже дюжину веков Восток являлся царством сластей и лакомств, одинаково любимых как богатыми, так и бедными. Большинство из этих сладостей готовили на основе миндаля, сахара, кунжутного масла, молока и сиропа с ароматом розовой воды, мускуса и корицы. Производство сахарного тростника распространилось по всему Ближнему Востоку незадолго до хиджры. Сахар, употреблявшийся жителями Багдада, поступал, в основном, из Хузистана. Харун ар-Рашид ежегодно в огромных количествах получал его из Седжистана в уплату налогов. Исфахан платил ему светлым медом.

Для репутации хорошего стола очень много значило оформление. Некоторые рецепты мусульманского средневековья

дают советы, и на этот счет. Для украшения широко использовали шафран, придающий кушанью красивый золотистый цвет, а некоторые блюда вроде «омлета в бутылке» или «фальшивого мозга» подавали в очень оригинальном оформлении. На столе, даже при незначительном количестве обедающих, всегда было очень много блюд. В качестве примера можно упомянуть о трапезе, устроенной известным певцом Исхаком ибн Ибрагимом и состоявшей, как минимум, из тридцати различных блюд из птицы, не считая прочих кушаний, а также горячих и холодных десертов. И все это для трех человек.

На невольничьем рынке повара с хорошей репутацией были на вес золота. Предпочтение отдавалось чернокожим женщинам, которые, как говорили, отличались особыми кулинарными талантами. Искусными поварами также считались индийцы, а согласно Джахизу, невозможно было найти поваров лучше, чем выходцы из Синда.

Искусство застолья начиналось с посылки пригласительного письма. Вот пример. «Кроме тебя, у нас есть все, что надо для счастья. Глаза нарциссов раскрыты, щеки фиалок раскраснелись. Кадильницы апельсиновых и лимонных деревьев источают свой аромат, лютни красноречивы, кубки благоухают. Звезды веселых сотрапезников поднялись, и небо раскинулось куполом цвета амбры. Клянусь моей жизнью, когда ты придешь, мы будем в раю, и ты поистине станешь украшением этого жемчужного ожерелья»[119].

Перед трапезой служитель поливал гостям руки водой из кувшина, начиная с хозяина дома. «Маленькая рабыня… принесла им чашу и золотую вазу, полную ароматной воды для омовения рук. Затем она принесла им прекрасный кувшин, украшенный рубинами и бриллиантами, наполненный розовой водой, и налила им воды в правую и левую руку для бороды и лица. После этого она принесла им благовоние из алоэ в небольшой золотой курильнице и, по обычаю, надушила их одежду» (Ночь 152-я). После всего этого хозяин дома или самый старший из гостей начинал есть. Иногда кушанья приносили одно за другим, а порой выставляли все сразу, расположив их на скатерти, пальмовых листьях, бычьей коже или даже на земле. В зажиточных кругах использовался низкий стол, майда, почти всегда круглый, сделанный из дерева или камня (особенно из оникса), инкрустированный эбеном или яшмой, иногда перламутром. Часто этот небольшой переносной столик представлял собой просто платформу, которую клали прямо на землю или на подпорки (курси) из тщательно обработанного дерева или металла. За столом не ели, и единственная его

функция заключалась в том, что на него ставили блюда. Ели руками, но пользовались ножом и ложкой. Кусочки нужно было отрезать как можно более маленькими, не следовало пачкать руки жиром, высасывать мозг из костей, а также брать себе печень, белое мясо птицы, мозг или почки, так как они считались лучшими частями блюда. Не полагалось обсасывать пальцы, набивать рот, слишком сильно подсаливать блюда, прилюдно пользоваться зубочисткой.

За столом не злоупотребляли вином: пили подслащенную воду, охлажденную и ароматизированную мускусом и розовой водой. Летом охлажденная вода была большой роскошью. Вино было напитком для вечеров, проводимых с друзьями в обществе певиц, музыкантов и поэтов, и в таких ситуациях его иногда пили помногу. На обед, который обычно бывал по вечерам, собирались узким кругом: «Хорошая компания получается из троих, не считая хозяина и музыканта. Шесть — уже толпа». И еще: «Меньше пяти — уединение, больше пяти — базар».

Праздники

Как и во всех городах мусульманского Востока, в Багдаде все что угодно могло послужить предлогом, чтобы нарушить однообразие повседневности, и поэтому праздники занимали в его жизни большое место. В этом отношении ислам отличается огромной веротерпимостью, и жители Багдада справляли не только мусульманские, но также христианские и прочие торжества, а к тому же отдавали должное праздникам, унаследованным от Древнего Востока, просто возрожденным обычаям, истоки которых терялись во тьме веков. Космополитическая Аббасидская империя не отвергала ничего.

Мусульмане отмечали два больших праздника: ид ал-Фитр (или ид ал-Сагир) в конце месяца рамадан, и ид ал-Адха (или ид ал-Курбан), праздник жертвоприношения барана. Все мусульмане, включая наименее ревностных, перед днем ид ал-Фитр соблюдали пост, воздерживаясь даже от малейшего глотка воды в самые жаркие периоды. Весь народ с ликованием праздновал окончание этого поста. Готовились к этому дню задолго до его наступления: дети на улицах собирали деньги на покупку сластей и декоративных предметов, взрослые готовили пищу и обзаводились новой одеждой. В день праздника, ранним утром, официальные лица во главе с халифом, в сопровождении вооруженных солдат, начинали шествие в мечеть, где халиф, облаченный в плащ Пророка, возглавлял молитву. По окончании

моления все поздравляли друг друга и обнимались, а потом обменивались визитами. Все, кто как мог, пировали три дня. Вечером дворцы и суда на Тигре украшали светильниками, и Багдад сверкал, «как невеста во всей своей красе».

Ид ал-Адха отмечали в день, когда паломники из Мекки, добравшись до места, называемого Мина, бросали камни в скалу, чтобы отогнать демона, а затем приносили в жертву барана и верблюда. Это праздник длился три дня, в течение которых на багдадских площадях резали горло баранам… Халиф присутствовал при жертвоприношении во дворе своего дворца, а затем рассылал мясо людям, которых хотел почтить, а остальное раздавал нищим. В этот день все одевались во все новое, обменивались подарками, а главное, объедались мясом.

Шииты, со своей стороны, праздновали юбилеи Фатимы и Али, а некоторые сунниты — рождение Пророка, вызывая негодование ригористов, видевших в этом отклонение от чистоты ислама. Свадьбы и рождения в халифской семье также становились всенародными празднествами. Христиане и мусульмане украшали и освещали дома, халиф раздавал деньги, а поэты сочиняли стихи. Однако еще большее ликование, доходившее до некоторого сумасбродства, вызывало обрезание принцев. Халиф ал-Муктадир приказал совершить этот обряд сразу над пятью своими сыновьями, что обошлось ему в 60 0000 динаров. Халифы почти всегда старались одновременно со своими сыновьями повергнуть обрезанию сирот и детей бедняков, родители которых уходили из дворца с руками, полным денег и подарков. Часто в этот день обрезанию на средства халифа подвергалось несколько сотен мальчиков.

Возвращение халифа в Багдад после победы над неверными или мусульманскими еретиками, назначение наследника трона и восшествие на престол нового халифа, разумеется, служило поводом для того, чтобы украсить и иллюминировать город. Поводом для празднования являлось и объявление о том, что сын халифа научился бегло читать Коран (тахдир). По таким случаям халиф раздавал почетные одежды, осыпал гостей жемчугами и золотыми монетами и отпускал на волю рабов. Ал-Махди освободил 500 рабов и раздал большую милостыню в честь тахдира Харуна. Поэты прославляли счастливое событие и получали награды. Народ радовался на свой лад, зажигая факелы и развешивая гирлянды.

Из всех праздников, позаимствованных из чужих календарей, в Багдаде, многие жители которого имели персидские корни, больше всего любили Навруз, важный праздник, отмечавший начало весны в Иране. Его принесли с собой воины, приведшие

Аббасидов к власти. В этот день народ вставал рано. Люди шли к колодцам или каналам и обливались водой. Женщины готовили особые сладости на основе розовой воды, миндаля и сахара, а поэты сочиняли стихи. Все дарили друг другу подарки. Халиф получал их в бесчисленном количестве от всех сословий общества, причем все подношения заносились в книгу учета. В течение шести дней дворцы халифа, принцев и сановников были ярко освещены светильниками, наполненными ароматным маслом с дорогими ингредиентами, в которых вдобавок жгли фимиам.

Другой персидский праздник, Михрадж, знаменовал начало зимы. В этот день раздавался барабанный бой, в домах загорались светильники, люди обменивались подарками, а халифу подносили особенно ценные дары. Наконец, с большим весельем и иллюминацией отмечали еще один праздник персидского происхождения, называвшийся Садар. Толпа высыпала на берег Тигра, чтобы полюбоваться на украшенные и подсвеченные корабли, принадлежавшие принцам и визирям. В домах зажигали курильницы[120], пили вино, пели и танцевали вокруг костров.

Мусульмане Багдада отмечали христианские праздники так же весело, как и мусульманские, не придавая значения их смыслу, который для них почти всегда оставался за кадром. Ликование соседей-христиан для них всегда служило достаточным поводом для празднования. В окрестностях Багдада было множество несторианских и монофизитских монастырей, и дни их святых покровителей давали повод для самых разных церемоний и увеселений. К ним присоединялись все желающие, и в такие дни эти монастыри, многие их которых были окружены садами, собирали огромные толпы. Там пили хорошее вино. «В дождливый день приятно выпить вина со священником», — говорит хронист. Багдадские монастыри также славились своими играми, особенно триктраком.

В день Пасхи мусульмане и христиане единым шествием направлялись к армянскому монастырю Самалу, величественному зданию на северо-востоке города посреди огромного парка. Шабушти рассказывает, что праздновал там так, что «думал, что земля — это лодка, а стены водят вокруг него хоровод». В последнюю субботу сентября все шли в монастырь Лис, также окруженный садами, а 3 октября — в монастырь Ашмана. Туда отправлялись на лодках «с бурдюками вина и певицами» и проводили там три дня под навесом «с вином и радостными лицами». В первое воскресенье поста мусульмане вместе с христианами собирались в монастыре в деревне Укбар, славившейся прекрасным вином, «где они пили, танцевали и

развлекались», причем женщины веселились вместе с мужчинами. А в четвертое воскресенье все снова собирались на несколько дней у монахов Дурмалиса. В Вербное воскресенье прямо во дворце халифа процессия юных рабынь несла пальмовые и оливковые ветви. Отмечали также день святой Варвары 4 декабря, а через несколько недель — Рождество. По этому случаю устраивали иллюминацию и кололи орехи, «потому что, желая облегчить родовые муки Марии, Иосиф зажег огонь и расколол для нее девять орехов, которые нашел в седельной сумке»…

… и игры

> Ангелы свидетельствуют о трех играх: об игре мужчины с женщиной, скачках и состязаниях в стрельбе из лука.
>
> *Хадисы*

В Багдаде много играли как дома, так и в своего рода «клубах». Играли ради развлечения, но также и для того, чтобы разжиться деньгами, хотя и Коран воспрещает некоторые пари.

Скачки и поло занимали огромное место. Во времена Харуна бега устраивали на ипподроме, построенном его отцом ал-Махди и служившем также плацем для тренировки воинов. Позднее были открыты другие ипподромы, причем некоторые из них, наряду с садами, хаммамами, личными апартаментами, столовыми и пр., входили в состав дворцовых комплексов, принадлежавших халифу и принцам.

Лошадь всегда играла большую роль в жизни арабов. Ей приписывали сверхъестественное происхождение. Именно на лошади по имени ал-Бурак Мухаммед совершил путешествие в Иерусалим и вознесся на небо. Арабская лошадь имеет относительно недавнее происхождение, хотя эта порода обрела устойчивые черты около VII и VIII вв. в результате скрещивания йеменских и сирийских скакунов, а впоследствии — вливаний из региона Каспийского моря.

Сам Пророк поощрял скачки лошадей. Он установил их правила и ввел в Медине скачки с денежными призами. Его пример не мог не поспособствовать развитию конных соревнований и спортивных игр — поло, боя на копьях и саблях, стрельбы из лука верхом на коне и т. д., — являвшихся превосходной подготовкой к джихаду.

Устраивали также собачьи бега, скачки мулов, верблюдов, ослов, на которых делали ставки. Соревнования голубей при

Харуне были настолько популярны, что создавали настоящую общественную проблему: некоторые спускали все свое состояние ради покупки гоночного голубя или заключения пари, несмотря на запрет последних. Стоимость одного голубя иногда доходила до 500 динаров, а яйцо стоило 1 динар. Разведение всех этих животных считалось почтенным занятием и требовало большого терпения, но могло приносить хороший доход. Согласно Джахизу, с точки зрения прибыли один голубь был равноценен наделу земли. Харун ар-Рашид любил голубиные гонки чуть ли не больше всех остальных халифов и следил за прибытием «спортсменов» вместе со всеми, кого привлекали красота этого зрелища и, еще больше, соблазн наживы.

Стрельба из лука была одним из излюбленных видов спорта, тренировкой ловкости, а также подготовкой к войне. На победителя делали ставки. Такие состязания, обычно проходившие осенью, пользовались большой популярностью, особенно если в списках участников были известные стрелки. На некоторых соревнованиях стрельба шла по движущейся мишени, на других — по неподвижной. Стрелку запрещалось переставлять ноги, и можно было лишь поворачивать и наклонять туловище. Соревнования по стрельбе из арбалета также собирали множество зрителей. Это оружие, появившееся в первые годы правления Омейядов, позволяло метать снаряды из железа, камня и даже свинца.

Не менее любимым развлечением была борьба. Она пользовалась поддержкой со стороны халифов. В частности, Амин, сын Харуна, присутствовал при соревнованиях и награждал победителей. Некоторые халифы сами были борцами, и есть утверждение, что Мутадид, живший в конце IX в., желая доказать свою силу, сразился со львом, которого убил двумя ударами меча. Во всех слоях общества любили поднятие тяжестей. Мутасим, сын Харуна, наследовавший Мамуну, однажды поднял железную дверь, весившую более 300 килограммов. Имели место также соревнования по фехтованию, бегу, и плаванию, а также регаты на Тигре.

Огромный интерес вызывали битвы между животными. На рынках продавали специальных бойцовских баранов, собак, петухов, перепелов и пр. В подобных случаях пари были запрещены, что не мешало некоторым оставлять на состязаниях все вплоть до пометок.

ГЛАВА VIII

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО

С VIII до XI вв. мусульманский мир, как на Востоке, как и на Западе, переживал беспрецедентный экономический подъем.

М. Ломбар

Я купил товары, которые, как я знал, легко сбыть с верной и богатой прибылью… Я отплыл с ними… Мы плыли много дней от острова к острову и из моря в море…

Синдбад Мореход

Империя Аббасидов, могущественное государство, не имевшее врагов, способных угрожать ему или хотя бы добраться до его городских и политических центров, стала самым процветающим экономическим образованием своего времени.

Персы, византийцы, египтяне, сирийцы, жители Верхней и Нижней Месопотамии издавна обменивались своими товарами, особенно предметами роскоши, но в ограниченных объемах. Ничто не предвещало тех мощных потоков, которым мусульманское завоевание открыло путь, а Аббасиды придали удивительный размах. Наличие общего языка, арабского, и религии, обеспечивавшей всем единство законов и жизненных правил, легкость обмена внутри империи, а также потребности обогатившегося общества заставляли самых смелых торговцев отправляться в путь по морям и континентам, а самых отважных вкладчиков, побуждаемых перспективой колоссальных прибылей от продажи экзотических продуктов, пускаться в финансовые авантюры.

Приток населения, обеспеченный быстрым расцветом империи халифа, в сочетании с прибытием многочисленных рабов и улучшением условий жизни, быстро вызывал демографический рост, какой при аналогичных обстоятельствах можно было наблюдать во Франции при Людовике Святом, в

Европе после Столетней войны и в Османской империи во времена Сулеймана Великолепного. Здесь, как на Ближнем Востоке, так и в Хорасане, города стали крупными и даже огромными центрами потребления. Между этими центрами возникало множество связей, в то время как «земля вращалась вокруг Багдада»[121].

Бесчисленные сельские жители

Более 80 % населения империи жило в сельской местности и занималось земледелием. Ближний и Средний Восток занят не только пустыней. Сотни тысяч гектаров земли, обработанной и, в некоторых случаях, хорошо орошаемой — в Египте, житнице античного мира, Месопотамии с ее большими и плодородными оазисами, в долинах и на равнинах Сирии, в многочисленных оазисах и на плодородных горных склонах Ирана, — щедро обеспечивали пищей как самих земледельцев, так и горожан.

До самого последнего времени жилище в этих регионах почти не менялось: хижины из тростника или пальмовых ветвей в Месопотамии, каменные дома в некоторых частях Хорасана и Сирии, деревянные — в лесистых областях к югу от Каспия. Иногда дома имели по нескольку этажей, причем на уровне земли обычно находились конюшня и кладовые. Впрочем, все обитатели дома жили как попало прямо на полу из утрамбованной земли. Мало у кого были отдельные дома. Почти все деревни были окружены изгородями, чтобы защититься от проникновения злодеев или диких зверей.

В противоположность европейскому крестьянству в период Средневековья, арабские земледельцы были свободными. Крестьянин не был сервом, по крайней мере в теории. Многочисленные тексты говорят о «беглых крестьянах», но, в основном, речь идет о людях, сбежавших от сборщика налогов. Таким образом, представляется, что существовала достаточно заметная доля подвижного населения. Кроме того, иногда крестьянин вставал под покровительство более зажиточного горожанина, выступавшего «посредником» между ним и налоговыми службами в обмен на оброк, талджия. К тому же существовала химайя, своеобразная «гарантия безопасности», которая на более или менее долгий срок предотвращала поглощение одних земельных наделов другими. Однако иногда государство или более богатые собственники могли конфисковывать земли.

Таким образом, можно было наблюдать постепенный переход

от мелкой земельной собственности к крупной. Этот процесс, начавшийся до арабского завоевания, ускорился и не мог обойтись без социальных потрясений. Земледелец, живший и работавший на своей земле, уступил место крупному собственнику, жившему в городе и ограничивавшемуся получением доходов, которые пересылал ему его управляющий, вакиль. Эти крупные земельные владения особенно активно начали развиваться со времен Харуна ар-Рашида, как результат налоговой политики Бармакидов и увеличения количества огромных поместий, принадлежавших халифу и его семье. Хайзуран, владевшая множеством деревень и огромными участками пахотной земли в окрестностях Багдада и по всей территории империи, беспрерывно увеличивала свои владения, особенно в Египте и Месопотамии. Многие аббасидские принцы и принцессы также являлись крупными землевладельцами. Высшие сановники старались им в этом подражать. В следующем веке высшая военная аристократия захватывала все больше и больше земли в ущерб не только мелким крестьянским хозяйствам, но также и средним собственникам, а в Иране — часто и диканам.

Трансформация собственности не привела к замедлению роста сельскохозяйственного производства, наоборот, оно развивалось. Не помешала она и кочевничеству, распространение которого после арабского завоевания способствовало скотоводству, не ослабляя земледелия.

Обработка земли, бесспорно, являлась главным источником обогащения. Но в то время как Европа становилась все более аграрной, в мусульманском мире можно было наблюдать урбанизацию. Торговля и сельское хозяйство взаимно поддерживали друг друга. Земледельцы выигрывали от торговых связей, возникших между городами, в то время как последние получали от сельского хозяйства одновременно и необходимую для своего существования пищу, и значительную часть товаров для обмена.

В период Средних веков основой питания жителей мусульманского Востока являлся белый хлеб. В отличие от Запада, здесь потребляли очень мало ржаного хлеба — им питались только бедняки и аскеты. С незапамятных времен пшеница была самой распространенной культурой, наряду с ячменем, который выращивали на корм скоту. Верхняя Месопотамия производила пшеницу, а низовья долины Тигра — ячмень. Египет, особенно Фаюм, Сирия, Ифрикия и центральная часть Магриба являлись крупными производителями пшеницы.

Рис, завезенный в Нижнюю Месопотамию из Индии, был известен еще до начала нашей эры, а после арабского завоевания

распространился в сторону Средиземноморья. В Ираке его употребление было введено персами. Его выращивали в Фаюме, в районе Мертвого моря, и, в растущих объемах, в мусульманской Испании. В эпоху Харуна в Месопотамии также существовали большие рисовые плантации. Оливки в больших количествах выращивали в Сирии, Ифрикии, Испании и Центральном Магрибе.

Запрет на употребление вина в Коране отнюдь не повлек за собой исчезновения виноградников. Некоторые халифы тщетно призывали к его соблюдению, а позднее Хаким из династии Фатимидов приказал прекратить виноделие, но не имел успеха. Назавтра после завоевания выращивание винограда возобновилось в дельте Нила, Сирии, Месопотамии, на севере Палестины и на юге Испании, где уже тогда была известны малага и херес (последнему дали начало растения, привезенные из Шираза). Благодаря арабскому завоеванию финиковая пальма, родина которой находилась в Нижнем Ираке, распространилась на юге Сирии, Сицилии, в Западной Сахаре, на юге Туниса и Алжира. Еще одной важнейшей сельскохозяйственной культурой являлся сахарный тростник. Недавно завезенный из Индии через Сузиану и Хузистан, он достиг Месопотамии, Египта, впоследствии ставший центром его производства и потребления в Средиземноморье, и вскоре попал на Сицилию. Арабы выращивали и другие овощи и фрукты, производство которых распространилось вокруг Средиземного моря: апельсины (завезенные из Индии) на Сицилии, в Марокко и Испании, а также бананы, лимоны, артишоки и шпинат.

Развивалось и производство технических растений, и тоже в значительных объемах. В первом ряду стоял хлопок. Он тоже происходил из Индии (откуда через Туркестан и Сасанидов попал на Ближний Восток); выращивали его в Мавераннахре, Иране, на юге Ирака, но главное, в Палестине и Сирии. Вскоре район Алеппо стал обеспечивать хлопком весь средиземноморский мир. В Египте еще в IX в. хлопок был едва известен, но со временем распространился в тех огромных масштабах, о которых нам хорошо известно. В Египте основным текстильным материалом являлся лен, известный с самой глубокой древности, о чем свидетельствуют ткани, найденные в гробницах фараонов. Его выращивали по всей дельте, особенно в районе Дамьетты-Тиниса. В Тунисе основной район производства льна располагался вокруг Карфагена-Туниса. В Испании лен достиг Галисии и крайнего юга, в Ираке — низовий Евфрата, в Иране — побережья Каспийского моря. Папирус, одно из традиционных богатств Египта, был вытеснен бумагой и к середине IX в. исчез. Пеньку,

широко использовавшуюся при изготовлении одежды из грубой ткани, корабельных парусов и такелажа, производили в Центральной Азии, Нижней Месопотамии и Испании. Верблюжья шерсть служила, главным образом, для производства войлока (Центральная Азия и Армения) и толстых тканей (Хорасан и Египет).

В области производства ткани шерсть далеко опережала все остальные текстильные материалы. Исламские страны в то время являлись ее единственными крупными производителями, причем лидирующие позиции занимала Северная Африка. Нагорья Магриба, массив Атласа, верхнего Телля, Авреса, прибрежные равнины Атлантики производили овец превосходного качества с густой и тонкой шерстью. Берберы ввезли их с Испанию одновременно с обычаем под названием места: в соответствии с ним, перегон отар, принадлежащих сразу нескольким деревням, поручался одному пастуху. Тогда же, через берберов, на полуостров попали и другие скотоводческие приемы. Именно в этот момент появились мериносы, выведенные в результате скрещивания с баранами из Магриба. Растущие потребности городов в текстиле повлекли за собой рост производства, а следовательно, и торговли. Стада росли почти повсеместно: широкомасштабное разведение овец существовало в Египте, Сирии-Палестине, Северо-Западном Иране, Фарсе и Хорасане. Его развитие и перегон на летние и зимние пастбища иногда имело пагубные последствия, в частности, увеличение вырубки леса.

Шелк, издавна известный арабам, проник в Средиземноморье не ранее VI в. Известна история о монахах, которые в эпоху Юстиниана доставили в Византию личинки шелковичных червей в своих паломнических посохах. После арабского завоевания разведение шелковичных червей распространилось на все регионы с подходящим климатом. Развитию этой отрасли, едва справлявшейся с удовлетворением беспрерывно растущих потребностей двора, опять же способствовали экономическая экспансия и процветание городов. С VIII в. Хорасан, побережье Каспийского моря, Западный Иран и Армения стали крупнейшими районами производства шелка наряду с долиной Оронта, Испанией, в особенности Андалусией, куда шелковичных червей доставили сирийцы, прибывшие с Омейядами. Однако в конце VIII и в IX вв. развитие производства позволило удовлетворить спрос по всей империи. Шелк в больших количествах вывозили в Византию, которая в то время почти полностью зависела от мусульманских стран в своем спросе на шелк-сырец.

Урожайность всех этих культур была намного выше, чем в

Европе того же периода: 10 к 1 для пшеницы в Египте (а в некоторых частях этой провинции даже больше) по сравнению с 2 или 2, 5 в Европе эпохи Карла Великого. Во Франции сопоставимые урожаи стали получать только в XVIII в., да и то они были, скорее, исключением, чем правилом. Арабы, не являвшиеся земледельцами изначально, пользовались методами, существовавшими до них, и нередко улучшали.

Кроме пшеницы твердых сортов и ячменя, которые было несложно выращивать на полупустынных почвах, все земледельческие культуры нуждались в воде. С глубокой древности на Ближнем и Среднем Востоке существовали оросительные системы — каналы, плотины и запруды, накапливавшие воду, отводили воду из рек, создавая аллювиальные зоны. По большей части эта вода доставлялась единственно за счет эффекта перепада, созданного благодаря прорытым в земле штольням, называвшимся фоггара (канат в Иране), к расположенным на равных расстояниях вентиляционным колодцам. Первые халифы усовершенствовали систему орошения. После завоевания Ирака халиф Омар приказал соорудить дамбу для того, чтобы обеспечить водой недавно созданный город Басру. Первые Аббасиды, в свою очередь, проделали в этой области большую работу[122].

Строительство Багдада и освоение окрестных земель с целью их обработки потребовало колоссальной работы по сооружению каналов. Харун ар-Рашид приказал прорыть несколько вблизи столицы, в районе Ракки, а также в Самарре. Содержание каналов и распределение воды требовало самой строгой регламентации как в Ираке, так и в Испании, Ифрикии и Хорасане. В Мерве начальник водного ведомства являлся высокопоставленным чиновником, под началом которого находилось 10 000 человек. В иерархии он стоял выше начальника полиции. В Египте измеряли нильский паводок с помощью знаменитого фустатского нилометра, что позволяло определить площадь затопленных земель и, следовательно, установить размер налога.

Кроме того, в то время умели пользоваться приспособлениями для подъема воды: бурдюк или глиняное ведро, привязанное к концу веревки, в свою очередь, прикрепленной к куску дерева; колеса с черпаками (далия), вращаемые животными; нории, существовавшие еще совсем недавно в долине Оронта. Водяные мельницы приводили в действие жернова или прессы, и пр. В отличие от Испании, ветряных мельниц практически не было.

К ремесленному промыслу, мануфактурам и сельскому хозяйству добавлялось скотоводство, которое, помимо пищи,

обеспечивало сырьем, необходимым для производства. Новые методы разведения и использования животных, прибывшие, в основном, из Центральной Азии, привели к беспрецедентному развитию скотоводческих районов, а также выведению новых пород домашних животных. В VIII в. в результате миграции цыган в Нижнюю Месопотамию был ввезен индийский буйвол. Вскоре его можно было видеть уже в Сирии, а затем и в Анатолии.

В числе домашних животных следует, прежде всего, упомянуть лошадь, которая сыграла огромную роль в мусульманской экспансий. Существовало несколько пород лошадей. Маленькая и плотная тюрко-монгольская лошадь происходила из азиатских степей. Иранская порода, более тяжелая, могла выдержать вес доспехов. Ее экспортировали в Индию, где она являлась основой маратхской конницы. Берберская лошадь, скрещенная с другими породами после завоевания Испании, дала начало всем западноевропейским породам. Что касается сирийской лошади, выведенной в результате скрещивания иранских кобыл с берберскими жеребцами, то впоследствии ее скрестили с лошадьми арабских горных пастбищ — так появились арабские скакуны. В то время их разводили, в основном, в Египте, Аравии и Испании.

Верблюд в Средние века играл определяющую роль в экономике арабского общества и Востока в целом. После исчезновения колеса в конце периода Античности[123] он стал основным вьючным животным, учитывая, что прочие были либо слишком медлительными (волы), либо слишком легкими (лошади). Верблюд, выносливый и сравнительно быстроногий, мог нести груз значительно больше 200 килограммов. Именно верблюды выступали в роли тяжеловозов по всему Ближнему и Среднему Востоку. На востоке, в Центральной Азии, использовали двугорбых верблюдов, которых называли бактрийскими и разводили в Иране, в Хорасане. На Аравийском полуострове, в Сирии и Египте были распространены дромадеры и ослы.

Значительный рост потребления, а также внутреннего и внешнего обмена благоприятствовал развитию производства, которое во времена Харуна ар-Рашида достигло ранее неведомого уровня. Багдад, город-гигант, Басра, самый крупный порт мусульманского мира, Куфа, Васит, Фустат, Мерв и другие города представляли собой огромные рынки. Тексты того времени почти не упоминают о падении цен на продукты питания вследствие перепроизводства.

Технический прогресс опирался на усовершенствование путей сообщения. Никогда на пространстве от Атлантики до Гиндукуша

люди не путешествовали так много, и никогда идеи и товары не циркулировали с такой легкостью. Самые тяжелые продовольственные продукты, вроде пшеницы, и самые легкие, специи, преодолевали тысячи километров. Сырье без труда доставлялось с места производства до места переработки. Дамаск получал свою сталь из Индии, а значительная часть серебра поступала с рудников Афганистана. В Багдаде ели спаржу из Сирии, яблоки из Ливана (как и сегодня). В Иране носили одежду из египетского льна. Кордова моментально подхватывала багдадские моды, несмотря на взаимную враждебность двух правительств. Технология производства бумаги, известная в Самарканде с середины VIII в., проникла в Багдад уже в следующем десятилетии, а ферганские оросительные системы почти мгновенно достигли Испании. Перемещение населения, военнопленных и паломников способствовало распространению технологий, методов и приемов, которые сталкивались и влияли друг на друга. Никогда еще люди не обменивались своими техническими знаниями и продукцией в таком масштабе, как в эти годы после падения великой империи Сасанидов, утраты Византией своей эллинистической сферы влияния и воцарения в мусульманском мире новой династии халифов.

Цивилизация текстиля[124]

Производство текстиля в мусульманском мире занимало лидирующее положение. На Ближнем и Среднем Востоке это было время самой изысканной, утонченной и разнообразной продукции, охватывавшей североафриканские ткани из грубой и толстой шерсти, тонкие ткани из Ирана, газ, вуаль и лен из дельты Нила, роскошные платки из Хорасана и Кабула, которые достигали даже Китая, антиохийские и багдадские шелковые занавесы, пышные ковры из Армении и многих других стран, ваши (роскошные ткани особенно высокого качества), а также сирийский и египетский хлопок, не говоря уж о тех жалких тряпках, в которые заворачивались багдадские бедняки, — мусульманская империя производила все, во что может одеться человек.

В силу огромного спроса все, или почти все области, пряли и ткали. Прежде всего, для дворцов, поскольку их владельцы тратили колоссальные суммы на украшение их огромных залов. Еще больше — для принцев, принцесс, придворных, высших военных и гражданских чинов, которым по мере возможности подражали остальные классы общества во главе с крупным

купечеством.

Люди одевались по-разному в зависимости от рода деятельности и общественного статуса. Купцы носили камиз (рубаху) и рида (плащ), проповедники — своеобразную куртку с кушаком. Чиновники должны были носить совершенно определенное одеяние: кади — дахнию (высокий головной убор) и тайласан, визирь и секретари — дураа. Поэты одевались в яркие цвета, певцы привлекали к себе внимание с помощью изысканных нарядов. Никто не носил одну и ту же одежду целый день.

Офицеры армии соперничали в щегольстве, и некоторые носили шелковые туники и штаны, отделанные мехом.

Халиф придавали одежде очень большое значение. Внук Харуна Мутавакил предпочитал определенный тип одежды из шелка, смешанного с другим волокном: «Этой моде, сообщает Масуди, последовали все его домочадцы, а затем она распространилась среди народа. Каждый стремился подражать владыке, поэтому такая ткань очень сильно поднялась в цене, а способ ее производства был усовершенствован, чтобы соответствовать моде и угодить вкусам правителя и его подданных». Одеяния халифа хранились в специальных строениях под охраной высокопоставленного чиновника. Его гардероб был огромен, как свидетельствует разговор между халифом Муваффаком (вторая половина IX в.) и его визирем Хасаном: ««О Хасан, мне нравится эта ткань. Сколько у нас ее запасено?» Тогда, — отвечал визирь, — я тотчас же достал из туфли маленький свиток, в котором вел счет всем покупкам и тканям, которые находились на складе… Так я обнаружил 6000 одеяний этого вида.» «О Хасан, — сказал мне Муваффак, — вот мы и остались голыми! Напиши в страну, откуда их доставляют, чтобы нам выслали 30 000 таких одеяний, и в самый короткий строк»» (Ибн Тиктака). Упомянем также об Омейяде Хишаме, который взял с собой в паломничество столько одежды, что для ее перевозки потребовалось 700 верблюдов; по смерти он оставил 12 000 туник из ваши и 10 000 шелковых кушаков. Нам известно также и о том, что было обнаружено в гардеробе Харуна ар-Рашида: 4000 шелковых одеяний, расшитых золотом; 4000 шелковых одеяний с отделкой из собольего, куньего и другого меха; 10000 рубашек, 10 000 кафтанов, 2000 тюбетеек, 4000 тюрбанов, 1000 нарядов из различных тканей, 1000 нарядов с капюшоном, 5000 платков, 1000 вышитых кушаков, 4000 пар обуви, в большинстве своем расшитой мехом куницы или соболя, 4000 пар чулок.

О значении одежды говорило то, что именно ее (наряду с украшениями) халифы дарили тем, кого желали почтить.

«Почетные одежды» бывали из различных тканей и стоили более или менее значительных денег в соответствии со статусом человека, который их получал, или размером почестей, которые ему причитались. Кхила (одежда) включала в себя, помимо собственно платья, рубашку, штаны, тайласан, дураа. Халиф раздавал их по случаю больших религиозных праздников, важных семейных событий (свадьба, обрезание), побед или же с целью выразить удовлетворение тем или иным чиновником. Обмен почетными одеждами происходил и между владыками. Мамун отправил 500 парчовых нарядов некоему индийскому принцу. Император Лев подарил 300 одеяний Харуну ар-Рашиду, а через сто лет королева Берта прислала 20 расшитых золотом платьев Муктафи Биллаху. Известно, что Карл Великий получил от Харуна ар-Рашида шатер, а также множество шелковых тканей и льняные занавесы.

И зимой, и летом халифы раздавали ткани всем своим слугам и их семьям, то есть нескольким тысячам человек. Таким образом, потребность дворца в тканях была колоссальной.

Разумеется, огромную роль в повседневной жизни играли ковры. Применение их было многообразным: они служили постелью, подушкой и сиденьем. Некоторые бывали огромными: у халифа Хишама был ковер размером 54 на 27 метров. Изысканность их узоров иногда возводила ковры на уровень подлинных произведений искусства. Во время своих путешествий халифы и их вельможи останавливались в просторных шатрах, настоящих походных дворцах. Диаметр одного из шатров халифа Мутанасира составлял 70 метров, и опорой ему служила 30-метровая колонна. Палатка, принадлежавшая другому халифу, опиралась на серебряные колонны и была полностью расшита золотом. Другая, вместе со всеми принадлежностями, весила более 17 тонн.

Во время торжественных церемоний, или по случаю прибытия важного иностранного посла, ткани расстилали по всей длине дороги, по которой проходила процессия, и покрывали землю циновками. Парчовые занавеси, вышивки золотой нитью, шелковые ковры, расшитые золотом и украшенные драгоценными камнями и жемчугом, парадные конские и верблюжьи попоны: в общей сложности, различные мастерские империи производили для двора и дворца километры драгоценных тканей.

Производство тканей, служивших инструментом политики престижа, отличительным знаком общественных сословий и государственной иерархии, средством вознаграждения и ценностью, переходившей из рук в руки, веками оставалось одним из величайших успехов цивилизации, которой в этой

области найдется не много равных.

Особенно роскошные ткани производились в мастерских халифа, которые назывались тираз. Это слово персидского происхождения первоначально обозначало одеяние или ткань с вышитыми надписями, а затем распространилось и на производившие ее мастерские. Они располагались по всей империи — естественно, прежде всего, в Багдаде, а также в Самарре, Хорасане, Дабике (египетская дельта), Кайруане и пр. Поскольку владельцем их являлся сам халиф, работа в них приравнивалась к государственной службе, и руководили ими высокопоставленные чиновники, которым помогали младшие начальники, надсмотрщики и т. д. «Среди обычаев, которые в разных империях помогают подчеркнуть великолепие монаршей власти, — объясняет Ибн Халдун, — есть один, согласно которому имена принцев или определенные, принятые у них особым образом знаки ставят на самую ткань одежды, предназначенной им для ношения и сделанной из шелка или парчи. Эти написанные вязью слова должны читаться в самом переплетении ткани, и их должны повторять либо золотые нити, либо нити какого-либо цвета, отличного от цвета основы. Такое украшение царских одеяний называется тираз. Это символ величия, уготованного царям, а также людям, которых они пожелают почтить, разрешив им служить себе, и тем, кого они возведут на высокие правительственные посты… При этих двух династиях [Омейядов и Аббасидов] тиразу придавали самое большое значение» (Prolegomenes, II).

В Аббасидскую эпоху надписи тираза использовали куфический шрифт[125]. Обычным их содержанием были обращения к Аллаху, имя халифа, его титул (например, ар-Рашид) или краткая формула исповедания веры. Иногда их писали краской, иногда вышивали, а иногда выполняли на стадии ткачества.

Мастерские тираз отнюдь не были монопольными производителями ткани. Существовало множество частных мастерских, продукция которых определенно превосходила тираз. Например, в Тинисе, находившемся в дельте Нила, в ткачестве, являвшемся единственным в этом районе производством, было занято все трудоспособное население. Так же обстояло дело и в других городах и деревнях Фаюма. В этих мастерских работали женщины и дети, занимаясь, в основном, прядением. Плата обычно была чрезвычайно низкой.

Пряли с помощью веретена, а ткали на горизонтальном станке или на текстильной машине с педалями, причем оба этих устройства происходили из Китая. Сложные технологии, также,

несомненно, дальневосточного происхождения (в частности, та, которую мы называем гобеленом), позволяли примешивать к нитям жемчуг и драгоценные камни или ткать из золотой и серебряной нити. С конца VIII столетия золото использовали, в основном, в виде тонкой пленки, нанесенной на нить. Сребротканные ткани поступали, главным образом, из Испании и Персии, которые обладали серебряными рудниками.

Во времена Харуна технология ткачества позволяла воспроизвести на ткани любые животные и растительные орнаменты[126]. Техника совершенствовалась, но красота и гармония продукции ближневосточных мастерских средневековья оставалась неодинаковой.

Почти во всем мусульманском мире пряли, ткали и красили: в Марокко — хлопок и шерсть, в Испании — шелк и шерсть, в Ифрикии — шерсть и хлопок, в Сирии и на Сицилии — хлопок, в Хорасане — шелк и хлопок. В Ираке, в Багдаде и его пригородах (Бакдара и Хафира), существовали мастерские, где производились разнообразные сорта хлопка, шелка и шерсти. Куфа славилась своими шалями. Басра и Убулла производили ткань для шатров и высококачественную саржу. Тикрит, ал-Хира и, главное, Мосул поставляли муслины. В Ахва-зе насчитывалось 80 ковровых мастерских, в Абадане в дюжинах мест производились тюфяки и подушки. Багдад и Нуманийя, Армения и область Бухары были известны своими коврами, Мавераннахр — хлопчатобумажными тканями (Мерв, Нишапур), а Сирия — коврами, шелками и пр.

Таким образом, имелось три основных области производства текстиля: Фарс, Хузистан и, главное, египетская дельта. В Фарсе около тридцати центров, в частности, Фаса, Куркуб, Казарун, Тавадж, производили вышитые шелка, обивочные ткани и шерстяные драпировки, ковры с узелками по краю и стрелкой компаса, одежду из хлопка. Хузистан специализировался, главным образом, на льняных тканях, различных видах парчи и шелка. Что касается нильской дельты, то ее города, которых насчитывалось около двадцати, рассылали по всей империи и за ее рубежи плотные обивочные ткани и легкую вуаль, льняные ткани, вышитые золотом, газ, вуаль всех цветов и разновидностей, ткани с разводами: «все виды ткани», отмечает Якуби, добавляя, что в Тинисе «делают дорогие ткани, толстые или тонкие, такие же, как ткут в Дабике, газ, ткань в полоску, бархатистую и украшенную бахромой или разводами».

Другие производства

По сравнению с текстилем, бумагу арабы аббасидской эпохи производили в не слишком впечатляющих количествах. Но нужно ли подчеркивать то, какие судьбоносные последствия имело внедрение, развитие, а затем и передача этой технологии Западу?

Вплоть до VIII в. люди писали на пергаменте и папирусе; первый представлял собой выдубленную овечью кожу, а второй — листы спрессованного и склеенного крахмалом растительного волокна. Омейяды использовали папирус, Аббасиды — пергамент, «потому что хотели этим сделать [документы] более внушительными, а также гарантировать их подлинность и долговечность» (Ибн Халдун). Но в 751 г. в Талласской битве арабы разбили полководца Гао Сяньчжи, захватив в плен нескольких китайцев, знакомых с технологией производства бумаги изо льна и конопли. Пленников отправили в Самарканд, где они построили фабрику. Затем эта технология, как и многие другие китайские заимствования, начала свой путь на запад. В 794–795 гг. Джафар Бармакид, по совету своего отца Фадла, в то время наместника Хорасана, открыл в Багдаде первую в арабском мире бумажную фабрику. Через несколько лет такое же производство появилось в Андалусии, Марокко, на Сицилии, в Дамаске и Тивериаде. Лучшей еще долго оставалась бумага, сделанная в Самарканде. Вскоре Египет отказался от папируса и, в свою очередь, начал выпускать бумагу. Остальные страны, во главе с Византией, покупали бумагу у арабов.

Не меньшее значение имела обработка металлов, хотя нехватка дерева ограничивала разработку имеющихся месторождений. Металлы ввозились из Африки, но в основном из Европы и Индии. Многочисленные мелкие мастерские изготавливали предметы повседневного обихода из железа и меди. В любом городе были производители, которые сами продавали свою продукцию. Почти повсеместно изготавливали ворота для крепостей, цепи, инструменты и т. д. Харран в Сирии специализировался на производстве весов и научных инструментов, в том числе астролябий, песочных часов и клепсидр. Чуть ли не везде было развито оружейное производство, использовавшее технологии, которые позволяли получить мечи, одновременно прочные и гибкие (некоторые секреты передавались от отца к сыну). Эти приемы, по большей части почерпнутые в Индии, применялись, в частности, в Дамаске, уже получившем известность за высокое качество своего оружия, а вскоре и в Толедо. На Кавказе, где имелись месторождения железа, производились латы и кольчуги. Кроме того, имел место ввоз оружия, например знаменитых франкских и славянских мечей, с Запада.

Золото и серебро обрабатывали во множестве центров, часть которых принадлежала халифу. Здесь изготавливали дорогостоящие предметы: чаши, блюда, филигрань, эмали, всевозможные украшения, образцом для которых служили произведения эллинистического и сасанидского искусства. Эти мастерские также в огромном количестве выпускали подсвечники, настенные светильники, изображения фантастических животных и растений, музыкальные инструменты, изваяния диких зверей и птиц для украшения дворцов в больших городах. Багдад, Марокко, Йемен, а главное, Кордова, славились изделиями из кожи — седлами, упряжью, ремнями, шкатулками, сумками, — сравнительно недорогими, хотя их часто отделывали золотом и драгоценными камнями.

На высоком уровне развития находилось производство духов. Западный Иран был одним из основных центров, поскольку именно здесь умели извлекать различные эссенции — нарцисса, лилии, жасмина, — которые потом отсылали в Багдад и крупные города, где их смешивали с фиалкой и розой. Розовую воду производили в значительном количестве, поскольку она использовалась не только в качестве духов, но также и в кулинарии. Духи также входили в состав мазей, косметики и сиропов. Целый ряд лекарственных средств, почерпнутых из Индии, изготавливали из растений, цветов и некоторых минералов, вроде буры и квасцов, которые либо добывали на месте, либо ввозили. Производство медикаментов, наркотиков, ароматической воды, не говоря уж о многочисленных афродизиях, кормило множество мелких предприятий, доля которых на рынке была отнюдь не малозаметной.

Множество людей было занято и в других отраслях: например, в Египте выращивали сахарный тростник, который затем экспортировали в остальные регионы мусульманского мира и за рубеж, а также можно отметить производство керамики, занимавшее одно из первых место по своим объемам и количеству рабочих и ремесленников. Из мастерских, рассеянных по всей империи, особенно в Месопотамии и Сирии, выходили бесчисленные фаянсовые изразцы, использовавшиеся для облицовки стен домов, а также вазы, блюда, кувшины и сосуды для воды как для повседневного применения, так и более роскошные. Мастерские Египта и Сирии в большом количестве выпускали изделия из стекла, известного с давних времен. Вскоре началось производство стекла в Иране и Андалусии. Его вывозили даже в Китай.

Упомянем также о строительной индустрии с ее каменщиками, обжигальщиками кирпича и мастерами, которые

обрабатывали и наносили штукатурку, один из основных элементов внутренней отделки, плотниками и т. д. В некоторых городах, вроде Багдада, важную отрасль представляло собой судостроение. Ее продукция была разнообразной: барки для перевозки товаров, шлюпки, принадлежавшие халифу и принцам, военные корабли (некоторые делались огнеупорными на случай обстрела византийскими снарядами с нефтью или гранатами с взрывчатой смесью). Согласно Якуби, в Убулле, крупном порту возле Басры, строили суда, «соединяя вместе сшитые куски дерева. Они доходят до Китая».

Многие другие промыслы обеспечивали людей предметами, в которых они нуждались или экспортировали. Корзинщиков, кузнецов, кожевников, резчиков по дереву, сапожников, плотников, столяров, тележников можно было найти в любой, даже самой маленькой деревне. Они применяли технические достижения, унаследованные от предыдущих поколений, — колесо, мехи, лебедку, методы ирригации. Однако благодаря развитию точных наук и таланту своих ученых арабы сумели внести усовершенствования, которые увеличивали производительность и позволяли разнообразить продукцию. Созданию новых отраслей промышленности способствовал ввоз ранее неизвестных видов сырья (квасцов, индиго, шафрана), и отныне одни провинции империи обеспечивали потребности других. Обмену технологиями и знаниями ничего не мешало. Производство шелка в Персии повлияло на развитие этой же отрасли в Нижнем Ираке, египетские льняные ткани стали образцом для подражания на берегах Каспия, месопотамские изделия из стекла копировали сирийские, а самаррские следовали за египетскими.

Новые нужды безостановочно растущего населения давали новые импульсы развитию производства, которое, в свою очередь, вело к росту торгового обмена сначала в масштабах мусульманского мира, а затем, все больше, и на тогдашней мировой арене.

Необычайная торговая экспансия

Реки, а в еще большей степени наземные пути обеспечивали приток продовольствия и богатств во внутренние районы империи. Море доставляло продукцию мусульманских стран к самым дальним концам земли, а взамен обеспечивало их сырьем, необходимым для их промышленности. Но что дало начало этой торговой экспансии, которую можно сравнить только с

выдающимися моментами индустриальной и коммуникационной революции XIX и XX вв.?

Рост крупных городов и связанное с ним увеличение потребления не объясняет всего. Как невозможно свести все к объединению ранее разрозненных территорий общим языком, религией и халифской властью. Существовали и другие причины, главная из которых связана с удивительной динамичностью народа после арабского завоевания, а главное, в течение десятилетий, последовавших за аббасидской революцией. Быстрота, с которой неправдоподобно малочисленные мусульманские отряды завоевали настолько обширные территории, а затем невероятный расцвет Багдада внушили арабам такой энтузиазм, какой впоследствии сопровождал лишь эпоху великих географических открытий, а затем повторился несколькими столетиями позже.

Кроме того, завоевание вывело народы империи к регионам и морям, которые облегчили для них установление отношений с более отдаленными странами. Средиземноморье, позволившее им лучше узнать египетскую и эллинистическую цивилизацию, открыло для них Европу и обеспечило доступ к новым богатствам и направлениям мысли, особенно в Испании.

Захват стран Персидского залива на юге империи еще шире распахнул перед арабами путь в Азию. Отныне они располагали маршрутом, более коротким и простым, чем путь через Красное море, ведшим через Месопотамию и долины Тигра и Евфрата в Сирию, Анатолию и на север Персии. К тому же в районе Египта и Средиземноморья были упразднены почти все границы. С этого момента Средиземное и Красное моря образовали два параллельных пути в Юго-Восточную Азию и на Дальний Восток. Очень быстро изученные арабами, персами, евреями и коптами, эти-новые пути внесли свой вклад в процветание Ирака, Египта и всей империи.

Помимо того что арабская империя находилась в самом сердце Древнего мира, ей также посчастливилось иметь в своих недрах огромные запасы драгоценных металлов, которые позволили ей надежно обеспечивать свою валюту и приобретать любые продукты, необходимые для экономического развития.

На протяжении веков, а в Египте даже тысячелетий, Восток копил золото: фараоны всех царств, сасандиские цари и принцы, епископы и многие другие превращали в сокровищницы свои гробницы, дворцы, монастыри и церкви. Посчитано, что по стоимости золото, найденное в одной только гробнице Тутанхамона, соответствовало удвоенному объему золотой наличности в Банке Египта в 1925 г.[127] Сколько же тонн этого

металла было погребено в захоронениях величайших царей? В Персии, где в обращении находились серебряные монеты, золото превращалось в украшения, мебель, декоративные предметы, принадлежавшие царю царей и его близким. В Сирии и Месопотамии христианские культовые сооружения и монастыри становились средоточиями огромных богатств. После распространения христианства к ним, в результате покупки или дарения, в огромных количествах поступали детали отделки церквей, статуи и культовые предметы. Византийским императорам уже не раз доводилось запускать руку в эти сокровищницы во времена финансовых кризисов. Арабы обнаружили здесь огромный золотой запас, воспользовавшись которым, они сначала в Дамаске, а потом в Багдаде начали чеканить монету, динар, обеспечивший успех их международной торговле.

В конце VIII в. к этой массе драгоценного металла прибавилось золото, которое добывали в Судане и караванами переправляли через Сахару в приморские города, откуда его экспортировали в Египет, Сирию и Месопотамию. Опираясь на значительные и постоянно пополняемые ресурсы, динар, наряду с византийской номисмой, долгое время оставался единственной монетой, одновременно имевшей хождение в мусульманском мире, России и Европе. По весу (4, 25 г) динар несколько уступал номисме (4, 55 г), а вот с точки зрения пробы он был безупречен (96–98 %) благодаря новым технологиям плавления, применявшимся у арабов. Однако денежная система опиралась также и на серебро, так как империя владела многочисленными серебряными рудниками в Иране и Центральной Азии. Вес серебряного дирхема составлял 2, 97 грамма, а его стоимость во времена Харуна ар-Рашида примерно соответствовала 1/15 динара. В то время он ходил, в основном, в Месопотамии, а золотой динар — в Сирии и Ифрикие. В Багдаде расплачивались и тем, и другим. Постепенно серебро сдало свои позиции, и после X в. господство золота стало почти безраздельным.

В конце VIII и в начале IX в. Персидский залив стал главным торговым путем в Индийский океан, на Цейлон, в Малайзию, на полуостров Индокитай и в Китай. В X в., при египетских Фатимидах, возник конкурирующий поток товаров через Красное море. Во времена Харуна ар-Рашида и его наследников первенство крупных портов залива еще было бесспорным.

Басра, которую Якуби описывал как «первый город мира, центр торговли и в высшей степени богатый», занимала первое место, являясь величайшим мусульманским эмпорием своего времени. Основанная в 650 г., Басра достигла расцвета уже к

началу следующего века и стала огромной метрополией. Будучи финансовым центром, куда стекались христиане, евреи, персы, арабы и индийцы; промышленным городом — благодаря своим верфям, откуда сходило большинство кораблей торгового флота, сахарным фабрикам и прядильням, Басра, кроме того, являлась крупным интеллектуальным центром. Однако все эти отрасли были вторичны по сравнению с деятельностью порта. Вместе с Каллой, речным портом, и расположенной по соседству, несколько ближе к морю, Убуллой Басра являлась крупнейшим портом империи. Поскольку находилась она в устье Евфрата, кораблям приходилось проделать долгий путь через мели, чтобы до нее добраться. Однако это обстоятельство не помешало головокружительному подъему крупной торговли, и Басра самостоятельно вела большую часть обмена между мусульманскими областями и Востоком.

Сираф, порт в Южном Иране, связывавший его с Индийским океаном и еще более дальними краями, вошел в пору расцвета лишь несколько десятилетий спустя, но уже представлял собой достаточно крупный эмпорий. Его рынки пользовались репутацией самых богатых в Иране, он славился многоэтажными домами, выстроенными из тикового дерева — неслыханная роскошь, — а главное, лучшими и самыми выносливыми в мусульманском мире моряками. «Большинство китайских кораблей принимают груз в Сирафе, куда товары доставляют из Басры, Омана и других мест, а затем грузят на китайские корабли. Так делают по причине сильного волнения в этом море и недостаточной глубины в некоторых местах. Расстояние от Басры до Сирафа по воде составляет 120 фарсангов. После того как погрузят товары в Сирафе, запасаются пресной водой и отплывают в место, называемое Маскат и являющееся крайней точкой Омана», читаем мы в Чудесах Индии.

По сравнению с этими крупными портами, Аден выглядит относительно скромным. Здесь вели торг в основном продукцией африканского побережья, и порт служил посредником между Африкой и далеким Востоком. Оман, со своими городами Маскат и Сохар, являлся перевалочным пунктом для специй, слоновой кости и редких товаров из Индии. Джедда была портом Мекки и обеспечивала связь с Красным морем.

Ведущую роль в этих непрестанных контактах на международных трассах играли прежде всего евреи. Объединение мусульманской империи позволило им восстановить связи между своими общинами, разбросанными от Испании до Египта, Сирии, Палестины, Месопотамии и даже Индии. Особенно бурной была их деятельность в Багдаде, служившем резиденцией их

политического вождя, носившего титул Реш Галуфа, религиозного главы и теологических школ (ставших родоначальницами Багдадского Талмуда). Все эти связанные между собой общины, прекрасно организованные благодаря родству и переписке, образовывали объединенные общими интересами торговые дома, несшие совокупную ответственность за свои коммерческие операции. В конце VIII в. евреи, называвшиеся рахдонитами[128], пустились в международную торговлю. Они отправлялись в далекие путешествия в поисках товаров (зерна, специй, тканей, драгоценных материалов и рабов) самого разнообразного происхождения. В течение двух столетий международная торговля находилась в их руках.

Христиане же занимались, в основном, континентальной торговлей, опираясь на свои общины, также разбросанные почти повсеместно. Они принимали большое участие в банковских операциях, господствующее положение в которых принадлежало армянам. Однако и они, а тем более мусульмане, не оставались совершенно чуждыми международных торговых связей. В IX и X вв. в Багдаде и Басре большинство крупных состояний находилось именно в мусульманских руках, а в том, что касается обмена с Магрибом и Ифрикией, правоверные обладали чуть ли не монополией.

Все эти люди без устали бороздили дороги, реки и моря известного им мира, но не достигали христианского Запада. Мусульмане никогда не пересекали границ Испании или итальянских портов, где они вели торговлю, то есть прежде всего Пизы и Амальфи. Евреи и восточные христиане также редко ступали на землю Европы. Неужели жители Востока считали торговлю с Западом невыгодной? Вероятнее, итальянцы не позволяли восточным купцам выходить за определенные рамки, чтобы обезопасить собственные рынки.

Существовало несколько способов ведения дел: можно было лично отправиться в страну для закупки и продажи товаров или поручить свое добро путешественнику, чтобы он сбыл его, а затем приобрел что-то другое. Синдбад, знаменитый герой «Тысячи и одной ночи», совершил первые четыре своих путешествия вместе с другими купцами, которые, как и он, отправились за моря, чтобы продать свои товары. «Я взял с собой, — говорит он, — огромное количество ценных товаров… и из Багдада я отправился в Басру, где поднялся на борт огромного корабля в обществе многих именитых купцов, пользовавшихся доброй славой в этом городе» (Ночь 302-я). По-еле своих невероятных приключений Синдбад вернулся домой, выручив много денег, и во время своего пятого путешествия уже в одиночку смог нанять корабль и

капитана. Даже сделавшись невероятно богатым, он не утратил страсти к приключениям, которая заставила его пуститься в шестое путешествие, на этот раз опять вместе с другими купцами. В седьмой раз он отплыл уже на корабле халифа.

Аренда большого корабля, очевидно, стоила очень дорого. Чаще всего, эту сумму оплачивали сообща, разделив ее с единоверцами. Но этот обычай мало-помалу уходил в прошлое, уступая дорогу другой коммерческой системе — «заказу». Инвестор обеспечивал товарами людей, которые занимались их сбытом. Затем он делил с ними прибыль, но не убытки, которые оплачивались исключительно за их счет. Караванщики доисламской эпохи уже осуществляли эту систему на практике. Юристы объявили ее соответствующей исламу, и в X в. она распространилась в мусульманских странах, а позже — в Средиземноморье и Европе.

Каким образом происходила передача средств при крупных торговых сделках? С давних пор мусульмане использовали сакк (чек или вексель). Этот способ оплаты очень быстро стал общепринятым. Менялы, сайрафи, выдавали переводные векселя, денежные аккредитивы и пр. Существовало также понятие о зачете взаимных требований. Кроме того, при поручительстве крупных купцов, чья репутация гарантировала честность и компетентность, можно было получить кредит на предварительные затраты, необходимые для финансирования одной или нескольких финансовых операций. В эти годы торговой активности в IX и X вв. появились и новые формы кредитования. Существованием подобных финансовых инструментов, приспособленных к любым ситуациям, и объясняется в значительной мере экономическое превосходство мусульманских стран в период средневековья. К тому же богословы и юристы не чинили им практически никаких препятствий, несмотря на запрет риба (буквально накопления, но фактически ростовщичества).

Великие пути империи и мира

В средневековом мусульманском мире судоходные реки были редкостью. Географ Мукадасси (X в.) насчитывал двенадцать, но, за исключением Нила, Тигра и Евфрата, ни одна их них не годилась для регулярных перевозок людей и товаров. Месопотамия и Египет находились на особом положении: помимо, по большей части, судоходных Евфрата и Тигра, они располагали каналами, соединявшими эти две реки и покрывавшими густой сетью Нижнюю Месопотамию и район

Багдада. Древесина из Армении и сирийское оливковое масло сплавляли по Евфрату на плотах, а в Анбаре товары, предназначавшиеся для столицы, перегружали на более мелкие суда, достигавшие столицы по каналу Иса. Лодки и плоты, следовавшие из Самарры, Тикрита, Мосула, Верхней Месопотамии и Джазиры, спускались по Тигру к самому Багдаду. Сборка таких плотов, как правило, огромного размера, осуществлялась умелыми мастерами, и поэтому они преодолевали пороги даже с тяжелым грузом. По прибытии в Багдад их разбирали, чтобы продать древесину — редкий и дорогой товар.

По Нилу циркулировал гигантский речной флот: барки с древними квадратными парусами или с новыми треугольными, так называемыми латинскими, недавно позаимствованными у кораблей Индийского океана и позволявшими идти в бейдевинд. Фелуки бороздили бесчисленные рукава реки и каналы. Один из последних, сооруженный Траяном, связывал Фустат с Колзумом на Красном море, куда прибывали корабли, груженные товарами для столицы. Кроме того, именно там шла погрузка продовольствия, поставлявшегося в Мекку и Медину через Джедду. Двигаясь вверх по течению Нила, можно было достичь Верхнего Египта. Асуан был крупнейшим перевалочным пунктом и рынком Судана — нубийские караваны доставляли туда товары, которые остальной путь проделывали уже по реке.

Остальные реки мусульманского мира в большинстве своем имели изменчивые русла и были судоходными только на коротких участках или в определенные периоды. Таковы были Оке (Аму-дарья), Яксарт (Сыр-дарья), Гильменд и реки, сбегавшие с Анатолийского нагорья. Таким образом, роль речных перевозок в транспортной системе мусульманского мира оставалась ограниченной, особенно если вспомнить о великих реках Европы и славянских стран.

Обмен между портами Персидского залива и странами Юго-Восточной Азии имел относительно недолгую историю. При Сасанидах только единичные персидские купцы отправлялись в эти дальние страны и добирались до самого Китая[129]. В бассейне Индийского океана торговля началась в эпоху Омейядов. К 700 г. мусульманские торговцы обосновались на Цейлоне. Перемещение центра активности из Дамаска в Багдад и Месопотамию дало стимул торговой экспансии в направлении Дальнего Востока.

Целью номер один была Индия. Чтобы добраться до Малабарского побережья, а именно порта Манджапур (Мангалор), корабли, отплывавшие из Басры или Сира-фа, могли либо зайти в

гавань Маската на побережье Омана и оттуда держать прямой курс на Малабар, либо плыть вдоль берегов Синда и Макрана. На пути туда корабли везли соль, листы меди и серебра, шелк и хлопок, тираз, иракские благовония, фарфор, оманских лошадей. В обмен полуостровная Индия поставляла тиковое дерево превосходного качества, красящие вещества, серую амбру, кардамон, железо и оружие.

Корабли, следовавшие дальше, в Китай, держали курс на Цейлон, арабский Сарандиб, «остров рубинов», где также покупали сапфиры, корицу и слонов. Некоторые суда затем отправлялись на Суматру или Яву, или другие острова, богатые специями, поставлявшие мускатный орех, гвоздику, перец, камфару, сандаловое и тиковое дерево, олово. Другие же обходили Суматру с севера и через Малаккский пролив достигали берегов Камбоджи. Главными портами были Санф (к северу от Сайгона), затем Лукин (Ханой), последняя гавань перед Канфу (Кантоном), а некоторые корабли также заходили на Парасельские острова. Арабы редко забирались дальше Кантона, и по ту сторону Кореи начиналось неизвестное. В Китай арабы доставляли роскошные ткани, ковры, изделия из меди и серебра, золото и жемчуг из Юго-Восточной Азии, рог носорога, слоновую кость. Обратно они везли бумагу, лекарства, мускус, шелк, камфару. Чтобы получить разрешение на погрузку всех этих товаров, приходилось пройти через изматывающие формальности, так как вывоз некоторых товаров, считавшихся редкими, был запрещен.

Обратный путь чаще всего повторял уже проделанный маршрут. Корабли отплывали в конце ноября, чтобы использовать северо-западный муссон, и через шесть месяцев прибывали в Кантон. Там они проводили лето и в ноябре или декабре пускались в обратный путь с северо-восточным муссоном. В начале лета они возвращались в Басру или Сираф. Таким образом, если все шло гладко, путешествие, в целом, занимало восемнадцать месяцев.

Но так бывало не всегда. Так, в книге Связи между Китаем и Индией (середина IX в.) читаем: «Китайские товары были редкостью. В числе причин этой редкости можно называть частые пожары в Канфу, являвшимся портом и перевалочным пунктом для арабских и китайских товаров. Кроме того, иногда корабли терпели крушение, подвергались грабежу, или должны были совершать долгие стоянки, продавая свои товары в неарабских странах. Порой им приходилось надолго останавливаться в гаванях для ремонта». А вот что говорится в Книге о чудесах Индии: «Для тех, кто побывал в Китае, путешествие туда стало

опасным предприятием. Никто и никогда не слышал, чтобы человек отправился туда и вернулся без неприятных происшествий. Или же причиной тому было чудо». Некоторые районы кишели пиратами. Встретить их можно было даже в Персидском заливе. Арабские купцы особенно опасались пиратов с северных берегов Индии, чьи гребные лодки легко нагоняли тяжелые парусные корабли и в качестве оборонительного средства всегда везли с собой греческий огонь. Приключения Синдбада, какими бы сказочными они ни были, отражают страх, который в то время внушали подобные путешествия, и подлинную опасность, подстерегавшую мореплавателей.

Трудности навигации грозили не меньшими бедами. Навигационные инструменты и географические карты, по большей части персидские, оставались более чем приблизительными[130] даже после исследований (в частности, измерения дуги меридиана), предпринятых по приказу Мамуна, и судам, которые сбивались с курса и пропадали, не было числа. Все эти опасности не отвращали арабских купцов, чей флот в то время обладал почти безраздельным господством, от международной торговли. Разумеется, индийцы также возили грузы через Индийский океан до самой Индонезии, да и большие китайские джонки можно было увидеть в портах Персидского залива. Однако в основном торговля находилась в руках мусульман. И такое положение дел сохранялось в течение еще двух с лишним столетий, затем объем перевозок упал; первенство досталось китайцам и индийцам и оставалось за ними до того дня, когда, в конце XV в., португалец Васко да Гама в сопровождении образованного арабского моряка Ахмеда ибн Маджида совершил свое первое путешествие по этим водам и попытался изгнать из них мусульманских мореплавателей, хотя и не смог осуществить эту задачу полностью.

Если в VIII и IX вв. большинство перевозок между Ближним и Дальним Востоком осуществлялось по морю, древний Шелковый путь не был заброшен, и по нему по-прежнему, хотя и в небольших количествах, перевозили легкие или чрезвычайно ценные товары. Из-за политических ударов, сотрясавших Серединную империю, путь через Синьцзян был не слишком безопасным, и, несмотря на союз династии Тан с Харуном ар-Рашидом, потребовалось немало времени для того, чтобы на пути из Центральной Азии снова возникло былое оживление.

Начинаясь в Багдаде, «китайский путь» пересекал Иранское нагорье по тысячелетней дороге между Ханакином и Керманшахом, а потом через Хамадан и Рейй приводил в Хорасан. Возле Нишапура начиналось ответвление, ведшее в Индию через

Балх, Бамиан, Кабул и Мултан на Инде. Путешественники, следовавшие в Китай, могли выбрать один из двух путей: один, через Ташкент и Талас, доходил до реки Или, а другой вел в Кашгар и к двойной цепи оазисов по одну и другую сторону пустыни Такла-Макан — Аксу и Турфан на севере, Яркенд и Хотан на юге, — а потом эти два маршрута соединялись, заканчиваясь в китайских провинциях Ганьсу и Хэнань.

В огромных степях и каменистых или песчаных пустынях в опасностях не было недостатка, начиная с нападений разбойников. В караваны объединялись множество участников, вооруженных и окруженных свитой. Зато против ненастья — внезапных бурь, которые переполняли водой реки, перерезали дороги, топили людей и скот, снегопадов или испепеляющей жары, которая иссушала источники и ручьи, — средств не было. Путешествие продолжалось от восьми до двенадцати месяцев.

Несмотря на то что отныне шелк пряли и ткали во многих районах мусульманской империи и в Византии, его перевозка не прекратилась полностью. Тюки высококачественного шелка еще долгое время продолжали движение по Центральной Азии и Хорасану. Однако все чаще этим путем из Китая поступал фарфор: после того как наместник Хорасана Али ибн Иса прислал Харуну двадцать изделий из китайского императорского фарфора, «равных которому до того дня никто никогда не видел», мода на него моментально распространилась при дворе. По тому же пути из Китая также поступали специи, не встречавшиеся в Индии и Юго-Восточной Азии, нефрит, мускус[131], очень ценимый в Багдаде, а двумя или тремя столетиями позже место шелка в торговле между Востоком и Западом занял чай. В ответ арабские и персидские купцы вывозили в Китай благовония, жемчуг, кораллы, ладан, некоторые особенно роскошные ткани. Тюрки Центральной Азии также покупали шелка и монеты в обмен на оружие, изделия из меди и войлока, а главное, рабов.

Предметы обмена

Без рабов функционирование аббасидского общества было настолько невозможным, что любое промедление в их приобретении могло повлечь за собой разлад в экономике. Потребность в них была огромной, так как существовали работы, которые свободные люди не желали выполнять, и к тому же мусульмане всегда с легкостью отпускали рабов на свободу. Религия запрещала обращать в рабство мусульман. Завоевательные войны отдали в распоряжение победителей

множество пленников обоих полов, многие из которых стали рабами. Арабская экспансия достигла своих пределов, и теперь имели место лишь набеги на византийскую территорию, откуда и поступали пленники.

При Аббасидах[132], когда и этот источник, в свою очередь, обмелел, торговцы начали искать рабов везде, где только можно, и в результате на рынках Багдада появились невольники самого разного происхождения: «Глашатай посмотрел на купцов, которые там находились, и заметил, что не все еще собрались. Он подождал, пока на базаре не началась бойкая торговля, и не стали продавать служителей всех рас — нубийцев, такуриан (Судан), франков, марагиан (Азербайджан), греков, татар, черкесов, берберов, эфиопов, каланджийцев (со смешанным красно-желтым цветом кожи) и прочих» («Тысяча и одна ночь»).

Черный континент поставлял множество нубийцев, эфиопов, банту, сомалийцев, даже сенегальцев и жителей Чада. Их продавали вожди собственных племен или захватывали в плен разбойники, связанные с купцами крупных городов Африки или арабского побережья, а потом по суше или морю перевозили из одного пункта в другой. Тех, кому уготована была участь евнухов, обычно суданцев, кастрировали в Египте и чаще всего продавали достаточно дорого.

Другим источником рабов являлась Центральная и Восточная Европа, населенная славянами. Славяне, наряду с англосаксами, ценились выше всех прочих. Начиная с VIII в. они заняли место тех, кого торговцы католической Европы продавали на внутреннем рынке.

К крупнейшим рынкам рабов вело несколько дорог: восточная, через Волгу (Итиль, столицу хазар), Армению (один из центров кастрации), Рейй и Багдад; другая проходила через Черное море, третья — через Рейн и Дунай. Самый крупный западноевропейский невольничий рынок находился в Вердене, известном центре кастрации, которую, по большей части, производили евреи. Отсюда, через Сону и Рону, их переправляли в Нарбон или Арль, а затем в Испанию или на Восток. С середины VIII в., несмотря на протесты пап, одним из главных поставщиков рабов стал другой важный рынок, Венеция, а также Прага. Таким образом, по всей Европе мужчин и женщин хватали и продавали мусульманам и христианам Византии. Англосаксов доставляли в Венецию через Лион или отправляли прямиком в Испанию. Ломбардцев закупали на рынках Южной Италии и перепродавали в Египте и Ифрикие.

Мусульмане ценили оружие, произведенное в католической Европе. Превосходство германцев, производителей самых лучших

мечей, безусловно, объяснялось их связями с народами Центральной Азии, возможно, тюрками, у которых традиции кузнечного дела восходили к глубокой древности. Точно так же жители Востока ценили одновременно прочное и гибкое скандинавское оружие.

Кроме того, мусульмане покупали на Западе металлы, меха, древесину для кораблестроения. Отсталой и бедной Европе было почти нечего предложить, а то, что она покупала, предназначалось для ничтожного меньшинства, и, в основном, речь шла о предметах роскоши, которые она не производила, в частности, о тканях. Высшее духовенство и аристократия носили платья из пурпурного, расшитого золотом шелка. Так, одеяния Карла Великого и его дочерей произвели сильное впечатление на поэтов. Людовику Немецкому пришлось издать указ, запрещавший солдатам одеваться в вышитый шелк. Алкуин осуждал священнослужителей, которые растрачивали церковные средства на роскошные одежды. Кроме того, Европа ввозила специи, в небольших количествах, лекарственные травы, слоновую кость, листовое золото и серебро.

Таким образом, между Западом и Востоком наметились некоторые торговые пути. Один исходил из Англии, пересекал Бретань и вел к Лиссабону, а затем к мусульманским портам Атлантического побережья. Другой начинался в Германии и стране франков, а потом, пройдя через Нарбон, заканчивался в Испании и Северной Африке. Итальянские порты — Амальфи, Гаэта и Салерно — также начали играть свою роль посредников по отношению к городам Северной Африки — Тунису, Фустату и Кайруану. Скандинавские и русские торговцы, со своей стороны, присылали в Багдад меха, оружие, мед и воск, лошадей и, естественно, рабов. Обратно они увозили ткани, блюда, серебряные монеты. Доставка осуществлялась караванами, которые, как правило, двигались вдоль рек — Дона, Волги, Днепра, выходили к Каспийскому и Черному морям, а там происходила стыковка с мусульманскими купцами из Азербайджана, Гургана, Хорезма, но некоторые из последних достигали Киева, верховий Волги и Балтики.

Таким образом, мусульманский мир оказался в эпицентре мощного коммерческого движения, соответствовавшего развитию потребления, которое само по себе является источником новых видов деятельности. Этот стимул к потреблению обеспечил исламской цивилизации материальную базу, без которой она, наверное, никогда не смогла бы достичь такого блеска. Именно это процветание, опиравшееся на сильную политическую власть, позволило империи Аббасидов стать тем тиглем, в котором

соединились достижения близких и далеких цивилизаций и откуда берет одно из своих главных начал средневековая Европа.

ГЛАВА IX

ЖАЖДА ЗНАНИЯ

Изучайте науку, даже если для этого вы должны дойти до самого Китая.

Мухаммед, Хадисы

Чернила ученого священнее, чем кровь мученика.

Мухаммед, Хадисы

Омейяды, великие строители и дилетанты, охваченные тоской по арабской и бедуинской поэзии, по-видимому, практически не поддались интеллектуальным влияниям империй, которые разрушили. Тем не менее с конца VII в. некоторые халифы имели библиотеки: первым из них стал Муавия, затем принц Халид, сын Язида I. Ибн ал-Адим сообщает нам, что «он призвал группу греческих философов, живших в Египте и способных ясно и красноречиво выражаться на арабском. Он попросил, чтобы они перевели с греческого и коптского труды по алхимии. Это были первые переводы, сделанные на земле ислама»[133]. Однако подобные произведения оставались единичными, и единственный знаменитый автор этой эпохи, Джабир, или Гебер, из латинских переводов алхимических текстов, вероятно, был целиком и полностью измышлен исмаилитскими миссионерами IX и X вв. по политическим причинам[134]. Таким образом, до Аббасидов никакой собственно арабской науки не существовало.

Только изучив работы древнегреческих авторов, иранцы, индийцы, а также арабы произвели собственные оригинальные труды. Ислам усвоил наследие предшествовавших ему культур, а затем, в X и XIII вв., передал его Западу.

Наследие древних

Причины распространения эллинизма в течение арабского

средневековья восходят к далекому прошлому. После Никейского собора (325 г.) Церковь осознала, что сирийские христиане, говорившие на арамейском или древнесирийском языке, уклонились от католического богословия и литургии и нуждаются в просвещении. Одна школа, которую возглавил отец Церкви Ефрем, была учреждена в Нисибине на границе Сирии и Верхней Месопотамии. Когда Нисибин захватили персы, Ефрему пришлось бежать в Эдессу, где он открыл другую школу, и вскоре она приобрела широкую известность. Преподавание шло на древнесирийском, и около конца IV в. именно на этот язык был переведен ряд греческих текстов, сначала богословских, а затем и философских, включая некоторые произведения Аристотеля. Однако в 431 г. Эфесский собор осудил ересь Нестория[135]. В конце V в., когда большая часть эдесской школы выступила на стороне Нестория, император Зенон, сторонник монофизитства, приказал ее закрыть. Школа снова перебралась в Нисибин, где сделалась крупнейшим университетом несторианской церкви (к ней был присоединен факультет медицины и больница). Этот период ознаменовался распространением влияния несторианской церкви, миссионеры развернули наступление в сторону Центральной Азии, а в арабском мире добрались до Медины.

Но важнее всего было то, что на западе Ирана, в Гундешапуре, при содействии сасанидского царя Хосрова I начался процесс перевода древнегреческих трудов. Будучи заклятым врагом василевса, но большим ценителем культуры, наследницей которой являлась Византия, он приютил последних философов-неоплатоников после того, как в 529 г. по приказу Юстиниана была закрыта афинская школа. Хосров хотел создать в Гундешапуре академию, вроде той, что составила славу Александрии. В этом чрезвычайно активном интеллектуальном центре, где господствовала греческая культура, шло изучение логики, медицины, математики, астрономии (там имелась обсерватория). Предпочтение было отдано древнесирийскому, а не персидскому языку, и именно на него были переведены труды Галена, большая часть Гиппократа, логика Аристотеля, трактат Порфирия, труды по астрономии, математике и агрономии. Среди переводчиков, чьи имена дошли до наших дней, упомянем о монофизитском епископе Георгии, переводчике Аристотелева «Органона, и другом епископе, по имени Север, который перевел «Аналитики» и которому приписывается распространение в Иране цифр, называемых «арабскими», но на самом деле происходящих из Индии. Учителя и врачи из Гундешапура, находившегося недалеко от Месопотамии, испытывали естественное тяготение к Багдаду, ко всем наградам и почестям, которыми их могли

осыпать халифы. Джибрил, врач Харуна, был внуком одного из самых просвещенных врачей своего времени, Ибн Бахтьяшу, который учился в Гундешапуре.

Существовали и другие каналы, по которым в Багдад перетекали познания, впоследствии ставшие неотъемлемой частью арабо-мусульманской культуры. Их источниками были Антиохия, Харран (в Сирии), гностический центр, где по-прежнему продолжало свое существование вавилонское язычество, основанное на изучении неба; север Индии и, главное, Бактрия. Со времен завоеваний Александра все эти регионы несли на себе отпечаток греческой мысли. Благодаря влиянию аристотелизма важное место там занимали естественные науки и медицина, а также астрономия и математика. Однако они также испытали воздействие неоплатонизма и сильно эллинизированного христианства. Именно эти течения иностранной, но, в основном, греческой мысли легли в основу того, что стало называться фальсафа и дало начало интеллектуальному расцвету арабо-мусульманского мира.

Золотой век арабской науки

Именно теперь, вследствие обращения арабского мира к эллинистическому Средиземноморью, начались масштабная переводческая деятельность и составление комментариев к произведениям античности. Аббасиды повернулись лицом к интеллектуальным и духовным горизонтам завоеванных стран, которыми пренебрегли Омейяды. Определяющую роль в рождении этой новой культуры сыграла несторианская школа Гундешапура. В значительной степени не менее важным фактором стала поддержка государства[136]. Харун ар-Рашид поощрял ученых и переводчиков. Он направил в Византию посольство на поиски греческих рукописей, чтобы затем перевести их на арабский и сирийский. На этом пути его направлял Джафар Бармакид, который был чрезвычайно образованным человеком. Его отец Яхья приглашал врачей и философов из Индии и оказывал личное покровительство всем, кто способствовали развитию науки. Мамун[137], в свою очередь, отправил в Константинополь послов, поручив им привезти труды Аристотеля. Помимо поощрения поэтов сановники и придворные покровительствовали переводчикам и толкователям.

Арабы считали астрологию благороднейшей из наук, так как она имела отношение к таким требованиям культа, как ориентация на Мекку, соблюдение определенного времени

молитвы и месяца рамадан, и т. д. Под влиянием выходцев из Хорасана и, в частности, Бармакидов первыми на арабский были переведены труды, связанные с астрономией и математикой. Сасаниды оказывали большое содействие составлению работ по астрономии, которому способствовал и научный вклад, внесенный индийцами, достигшими значительных успехов в этой области. В Мерве с древних времен действовала обсерватория. После завоевания этой провинции исследования продолжались сначала на месте, а затем в Багдаде. В правление Харуна, или даже несколько раньше, начался процесс перевода индийского астрономического трактата V в. под названием «Сиддхарта». Этот перевод повлек за собой появление на арабском языке «Начал» Евклида и «Альмагеста» Птолемея, вероятно, по инициативе самого Харуна (он якобы заметил, что его астрономы не в состоянии понять суть индийского трактата по причине недостаточного знания геометрии). В тот же период на основе индийских и персидских трудов были составлены таблицы движения планет, некоторые из которых принадлежали главному библиотекарю Харуна Фадлу ибн Навбакту. Мамун, чрезвычайно интересовавшийся астрономией и астрологией, «наукой о велениях законов», тоже приказал своим ученым составить новые астрономические таблицы и определить градусную меру дуги меридиана, чтобы более точно рассчитать окружность земли. Однако отныне арабские астрономы черпали вдохновение у греков. То же самое произошло и в математике.

Что касается медицины, то был осуществлен перевод «Pandectae medicinae», греческой энциклопедии Аарона Александрийского. Врач Харуна Джибрил работал над «Kunnash». Это произведение, написанное на сирийском языке и опиравшееся на работы Галена, Гиппократа и Павла Эгинского, еще долгое время пользовалось авторитетом. Аййюб из Эдессы также перевел на сирийский труды Галена и Симона Тайбутского. Али Сахл ал-Табрай, сын переводчика «Альмагеста», в свою очередь, составил обширный труд по медицине под названием «Рай мудрости». В области архитектуры можно упомянуть о переводе << Vindonios Anatolios», выполненном по приказу Харуна ар-Рашида.

Среди научных переводчиков можно вспомнить о современнике Харуна Хунайне ибн Исхаке. Его дело продолжили его сын Якуб и племянник Хубайс, обращенные в ислам несториане. Арабская наука обязана им многочисленными переложениями греческих авторов — Аристотеля, Евклида, Галена, Птолемея и других. Наконец, упомянем о троих сыновьях Мусы ибн Шакира, бывшего разбойника с большой дороги,

который стал шефом халифской полиции. Один из них обладал талантом астронома, другой прекрасно разбирался в механике, а третий — в геометрии. Они оставили после себя трактат, который впоследствии был переведен на латынь («Liber trium fratrum de geometria»). Владея огромным богатством, они основали собственную переводческую и научную школу переводчиков.

Многие другие работы были переведены с греческого языка на сирийский, который продолжал использоваться, пока действовала школа в Гундешапуре, то есть до конца VIII в. Однако все чаще греческие и сирийские произведения стали переводить на арабский. Арабский сделался языком всех образованных людей Среднего Востока, хотя евреи продолжали писать свои работы на иврите, иранцы — на персидском, а христиане — на сирийском. Постепенно ученые переводчики перестали довольствоваться одним переводом произведений античных авторов: они их редактировали, уточняли, исправляли ошибки в расчетах, а иногда вставали на противоположные позиции. Критики не избежал даже Аристотель: «К огорчению большинства людей, они питают к идеям Аристотеля чрезмерное почтение. Они приняли его мнения как безупречные истины, даже зная, что он всего лишь высказал свои теории, приложив для этого все свои способности, и никогда не заявлял, что состоит под покровительством Бога или свободен от ошибок»[138].

Все чаще переводчики выступали не просто «передатчиками», а учеными, и это способствовало зарождению подлинно научного духа. Ал-Хорезми (ум. 830) был одним из величайших арабских математиков. Он ввел в употребление десятичную систему, и именно ему мы обязаны книгой, «Ал-Джабр», которая легла в основу нашей алгебры. Ал-Бируни, или Алиборон, ученый энциклопедических познаний, составил трактаты по астрономии, математике, физике и медицине. Как мы знаем, он также был известным географом. Ибн Сина, Авиценна (ум. 1037), философ, врач, химик, физик, необыкновенно плодовитый автор, оставил труды почти по всем дисциплинам, включая музыку. Ибн ал-Хайсам, Альхазен (ум. 1039), был разносторонним ученым, математиком и физиком, автором «Оптики», не имеющей аналогов в арабском мире. Ар-Рази, врач, прославившийся своими трудами об оспе, составил колоссальную медицинскую энциклопедию, основанную на многочисленных клинических наблюдениях. Кроме того, он написал целый ряд работ по философии, богословию и естественным наукам, а также «Сирр ал-асрар», от которой берет начало научная химия. Омар Хайям (ум. 1126), более известный своими четверостишиями, нежели научными трудами, оставил после себя бесценную «Алгебру».

Арабские географы также заняли важное место. Отныне мощная экономика Аббасидов забрасывала моряков и купцов до самого Китая. С давних времен первенство принадлежало описаниям мира, оставленным греками. С начала IX в. наблюдение возобладало над преданиями, и очень скоро на свет появилась арабская литература по географии, которая до сих пор поражает нас своей точностью.

Если оставить в стороне развлекательные и фантастические рассказы вроде «Путешествий на Дальний Восток» купца Сулеймана, «Путешествия к волжским булгарам» Ибн Фадлана, или «Чудес Индии» капитана Бузурга ибн Шахрияра, многие авторы с большой точностью и без излишних несуразностей описывали то, что видели своими глазами. Среди них насчитывается немало начальников почты (барид), которым приходилось путешествовать по службе. В качестве примера можно привести Ибн Хурдадбеха (конец IX в.) и его «Книгу о странах и провинциях», которая подробно описывает каждую область, указывая целый ряд расстояний и торговых маршрутов. Якуби (конец IX в.) в своей «Книге о странах» составил описание дорог, ведших к границам империи, опираясь либо на собственные наблюдения, либо на сведения, полученные от достойных доверия путешественников. Великий путешественник Масуди (ум. 956) плавал по Каспийскому и Средиземному морю. Масуди считал, что география является частью истории и подчеркивал влияние среды на человека, животных и растения. Его «Золотые степи» представляют собой настоящую сокровищницу информации, как и «Анналы» Табари (ум. 923), проследившего ход истории от сотворения мира.

Все эти люди считали Ирак и Багдад центром земли и организовывали свои описания, исходя именно из этого представления. В своих наблюдениях они ограничивались мусульманскими странами. Европа их не интересовала. До нас не дошло ни одного рассказа об арабском путешественнике, побывавшем в Европе в период раннего средневековья. Те несколько страниц, которые арабы посвятили Западу, отражают их презрение к его языческому, варварскому, дикому и грязному населению. Для арабов вселенная охватывала только страны Востока, с которыми они вели торговлю.

Но для других географов, например Ибн Рустеха или Балхи, автора «Толкования карт», центром мироздания являлась Аравия, или, точнее, Мекка, поскольку именно там Пророк получил Откровение. Изо всех сил стараясь привести свои наблюдения в соответствие с Кораном, они составили более научные работы, выходившие за рамки простых наблюдений. Мукадаси, живший в

X в., расширил область интересов географии, включив в нее изучение этносов, обычаев, языков, мер и весов, не считая сделанные им самим наблюдения истиной в последней инстанции. Как раз в начале X в. арабская география достигла расцвета с приходом ал-Бируни. Он сопровождал Махмуда Газневи в Индию и привез оттуда фундаментальную «Книгу об Индии», подлинный свод познаний об этой стране. Он также занялся критическим изучением географических трудов своих предшественников и оставил замечательные наблюдения по астрономии и физической географии. Наконец, он доработал технологию опреснения морской воды и определил плотность различных веществ.

Все эти работы, сначала переводы, затем компиляции, толкования и оригинальные произведения, образовали обширную литературу, и библиотеку ХаруНа обслуживал многочисленный штат.

Насколько совместимы были все эти научные знания с религиозным Откровением? Ученые Гундешапура, Багдада и Басры задумывались, нет ли противоречия между греческой философией и тем видением мира, нравственности и политики, которую преподает верующему Коран. По мнению ал-Кинди (ум. 873), первого в истории мусульманского философа, получившего название «арабского философа», между учением Пророка и греческой мыслью нет принципиального расхождения. К нему присоединились ал-Фараби и Авиценна, принимавшие во внимание лишь социальный аспект ислама. Ал-Газали (1058–1111), без сомнения, самый значительный исламский теолог, которого, с точки зрения его влияния, можно сравнить только с Фомой Аквинским в христианском богословии, уделял большее внимание мистической мысли.

Таким образом, правление Харуна ар-Рашида и два последующих века стали периодом такого благоденствия для ученых и философов, что их называют золотым веком арабской науки. Около 830 г. Мамун обеспечил этот процесс соответствующим официальным институтом, учредив в Багдаде «Дом мудрости» (байт ал-Хикма), своего рода академию, в ведении которой находились переводы и «научные изыскания». Она стала таким же центром, как некогда Александрийская библиотека. Люди, которые были допущены туда для работы, получали жалованье.

Астрономы, математики, врачи, географы, философы, переводчики или оригинальные писатели стекались туда со всех концов империи. Все участвовали в научном и интеллектуальном расцвете. Они заставили Древний Восток породить новую

культуру, результат слияния великих цивилизаций Восточного Средиземноморья и Среднего Востока. Этот новый и обширный пласт знаний был, в свою очередь, усвоен Европой. И именно он обеспечил предпосылки ее будущего развития.

Арабская культура на Западе

В Европу, до того времени располагавшую лишь латинскими компиляциями из Византии, арабская культура поступала тремя основными путями.

Первый из них обеспечивал ее в основном медицинскими работами. Он начинался в Ифрикие и на Сицилии и заканчивался в Салерно, где издавна существовала известная медицинская школа. Доставленные и переведенные неким врачом или купцом, родившимся в Карфагене и крестившегося с именем Константин, эти книги по арабской медицине дали ученым салернской школы столь необходимый им в то время научный импульс. Отсюда он распространился на другие школы Европы.

Сицилия и Южная Италия оказали более глубокое влияние на христианских интеллектуалов. Греко-латинская арабская культура распространилась благодаря терпимости и интересу к любым духовным явлениям, который один за другим выказывали мусульманские эмиры, норманнские короли, затем Гогенштауфены и Анжуйская династия. Фридрих II пригласил к себе восточных ученых, и именно при его дворе умер Михаил Скот, один из выдающихся толедских переводчиков. А вот и другие завсегдатаи его двора: Феодор Антиохийский, выдающийся арабский мыслитель, являвшийся одним из его секретарей и одновременно астрологом; Леонард из Пизы (Фибоначчи), который, как утверждают, ввел на Западе «арабские» цифры; а еще можно вспомнить Манфреда, находившегося под столь сильным арабским влиянием, что папа осудил его как «государя сарацинов». Даже Карл Анжуйский, положивший конец владычеству Гогенштауфенов на Сицилии, заказал перевод медицинской энциклопедии ар-Рази. Тем самым он создал центр перевода на латынь, арабский и итальянский, который предоставил в распоряжение европейской интеллектуальной элиты труды античности и Востока.

Еще более значительную роль играли переводчики и ученые Испании и Португалии. В то время была произведена колоссальная работа, в которой приняли участие христиане, евреи и мусульмане всех национальностей. Очень скоро ученые по всей Европе обратились к этим новым очагам культуры, где

они могли познакомиться с античными работами, до того момента известными им лишь в отрывках. Одним из первых в Испанию отправился математик и философ Герберт, который в 999 г. стал папой под именем Сильвестра И. В течение трех столетий его путь повторили многие другие, в частности, английский философ Даниэл де Морли.

Около 1200 г. на латынь были переведены все основные научные труды античности. В Сеговии Роберт Честерский перевел «Ал-Джабр» ал-Хорезми. В середине XII в., в Барселоне, Платон Тиволийский перевел «Астрономический трактат» ал-Баттани, «Четверокнижье» Птолемея и «Алгебру» Абрахама бар Хийи. Гарманн Славянин перевел Коран, а также несколько работ по астрономии. Герард Кремонский перевел «Альмагест», наряду с работами ал-Кинди, Евклида, Архимеда, Птолемея, Гиппократа, ар-Рази, Ибн Сины, всего восемьдесят семь книг, так что даже существует предположение, что он руководил целой переводческой школой.

Переводы на иврит занимали второстепенное положение. Среди еврейских ученых того времени отметим семью Тиббон, представители которой жили в Гренаде, Лунеле, Марселе и Монпелье. На протяжении поколений она отличалась необыкновенной плодовитостью. Профаций, живший в Марселе, писал также и оригинальные работы, в том числе и «Альманах», которым, в латинском переводе, астрономы продолжали пользоваться вплоть до эпохи Возрождения.

Короли и принцы христианской и мусульманской Испании покровительствовали этому научному движению. В результате в XVI в. Севилья, Малага, Кордова, Альмерия, Майорка, а вскоре и Толедо достигли поразительного научного расцвета.

Со своей стороны, мелкие христианские правители, не прекращая войны с маврами, одновременно содействовали арабским изысканиям и переводам. В XVIII в. над всеми ними возвышается внушительная фигура Альфонса Мудрого, который и сам был ученым, и именно под его руководством были составлены Альфонсовы таблицы, с помощью которых еще долгое время определяли свое местоположение мореплаватели. Его внук Диниш, король Португалии, проделал аналогичную, хотя и менее масштабную работу, обеспечив перевод на португальский арабских, латинских и испанских работ. Он основал Лиссабонский университет, который позднее переместился в Коимбру.

По сравнению со всем этим работа интеллектуалов, попавших на Ближний Восток с крестовыми походами, выглядит малозначительной. Немногих заинтересовали научные и

литературные труды народов, побежденных христианскими рыцарями. Только Аделард Батский и Этьен Антиохийский провели некоторое время на Востоке, занимаясь переводами. В частности, Аделард, англичанин по происхождению, перевел «Астрономические таблицы» ал-Хорезми и «Начала» Евклида.

Поэзия в эпоху Праведного халифа

Влияние Древней Греции, а также Ирана и Индии на арабскую поэзию было минимальным. Арабы просто не были знакомы с греческой поэзией. Имена Гомера и Аристофана не говорили им ничего. При Аббасидах не предпринималось никаких попыток переводить иноземную поэзию. Впрочем, как отмечает писатель Джахиз, перевести поэзию невозможно: «Ее текстура рвется, размер рушится, красота исчезает…, это не более чем проза»[139]. Арабов интересовала философия и науки побежденных народов, а не их стихи.

В доисламский период безраздельно царствовала лирическая поэзия, которую декламировали речитативом. С незапамятных времен эти стихи, отличавшиеся языковым богатством, воспевали мужество героев, природу, любимую женщину, животных, уединение кочевника в пустыне. Эта поэзия существовала еще и при Омейя-дах, но по мере того как менялся жизненный уклад арабов, развивался и способ выражения чувств. Влияние Ирана не было чуждым для арабов. На смену словесности бескрайних просторов пришла утонченная литература городов. Жизнь бедуинов стала воспоминанием, и возникла новая поэтическая форма, состоявшая из коротких сочинений с более гибким размером (раджаз), воспевавших вино, сады, охоту, любовь к певицам и юношам.

Абу Нувас стал самым прославленным представителем этого направления. В народных сказаниях имя этого поэта неразрывно связано с именем Харуна ар-Рашида. «Тысяча и одна ночь» часто напоминает о нем: «В обычае у халифа, — сказала Шехерезада, — было посылать за поэтом всякий раз, когда он имел желание послушать, как он без подготовки сочиняет поэмы или перелагает в стихи только что рассказанную ему историю о каких-нибудь приключениях»[140]. Первые годы своей жизни он провел в Басре, крупном культурном центре. Будучи типичным представителем вакхической поэзии, он описывал собственные разгульные похождения, рисуя себя в окружении юношей, которые не жалеют ни своих кошельков, ни чувств. Он охотно смеется над самим собой, рассказывая, например, о проделках, жертвой которых он

оказался, о том, как напился, или же о том, как его юным товарищам удалось нажиться за его счет. Процитируем его стихотворение «Хмель»:

Давай! Налей вина, налей снова и снова!
Скажи мне как следует: вот вино!
И не заставляй меня пить втайне, если можешь сказать об этом перед всеми […]
Я выдернул задремавшую кабатчицу из ее снов […]
Она сказала:
— Кто это стучится в мою дверь?
— Это собратья, — ответили мы, — у которых опустели стаканы.
Для них мы желаем вина.
Нужно их здесь поправить без дальнейшей задержки.
— Моей ценой, — сказала она, — я назначаю мужчину
с влюбленными глазами, сверкающими как утренняя заря.

Как большинство поэтов Востока Абу Нувас оплакивал ушедшие времена и покинувших этот мир беззаботных товарищей, с которыми он некогда предавался столь веселым попойкам. Иногда он впадает в полный пессимизм:

Люди — не более,
Чем толпа живых мертвецов, порожденных умершими живыми.
Те, чей род
Плодовит героями, имеет союзниками гнилые кости.
А разумный человек,
Если он внимательно изучит блага этого мира,
Без покрывала, они для него
Яростный враг, переодетый другом.

Будучи великим грешником, Абу Нувас, тем не менее, надеялся на милосердие Бога, говоря, что он слишком жалкое создание, чтобы Он обратил на него свои взоры. Он писал:

Мой грех открылся мне в своей огромности
Но тотчас же, о мой Господь,
Я поставил его рядом с этим великодушием,
Которое тебе свойственно… и я увидел…
Твое великодушие больше.

Он был поразительным импровизатором даже для того времени, когда в образованной среде было принято выражать свои чувства в стихах, и его считают самым плодовитым гением арабской литературы. Масуди оставил его портрет: «Абу Нувас воспевал вино, его вкус и аромат, красоту, цвет, сверкание, и то воздействие, которое оно оказывает на душу. Он описал пышность пиров, внешний вид кубков и амфор, сотрапезников, утренние и вечерние возлияния… и сделал это со столь великим талантом, что, можно сказать, запер бы двери лирической поэзии, если бы ее область была менее обширной, если бы ее царство имело границы, и если бы возможно было достичь его пределов…».

Абу Нувас погиб от жестокого обращения, которому его подвергли члены рода Навбакт (один из представителей этой научной династии служил библиотекарем Харуна ар-Рашида), в адрес которых он написал оскорбительное стихотворение. Одни заявляют, что он закончил свои дни в тюрьме, куда попал из-за святотатственных стихов, другие — что он принял смерть от содержательницы кабака, что лучше сочетается с его характером.

Если этот любимый поэт и товарищ на вечерних пирах Харуна и сумел затмить прочих поэтоВ, то не смог вычеркнуть их из нашей памяти. Эти певцы городского уклада, «современные» по стилю и источникам вдохновения, вели такую же разгульную жизнь и питали такую же страсть к вину. Здесь можно вспомнить весьма популярного бродячего поэта Ибн Дибила, своего рода Вийона IX века, полного горечи и озлобления, или же Дик ал-Джинна (Петуха дьявола), который также посвящал свои строки вину.

> Теперь поднимайся,
> потому что она предлагает выпить свою непременную чашу;
> так что лей свой напиток, свой драгоценный дар
> — ничто иное, как свое вино.
> Вино отомстило неотвратимой местью нашим шатким шагам.

Упомянем также о Муслиме ибн Валиде, этом богемном таланте, славившемся изяществом стиля и оригинальностью своей эротической поэзии. Часто цитируют эти принадлежащие ему строки:

> Что есть жизнь, если не любить и не поддаваться
> Хмелю от вина и прекрасных глаз?

Еще один поэт, Абу-л-Атахия, также был сотоварищем Харуна ар-Рашида, а в прошлом и его отца Махди. После беспутной жизни он стал аскетом и увлекся философской поэзией.

Юность, развлечения и слепота
Суть лучшая зараза, разъедающая человека.
Чтобы избежать зла, с ним нужно порвать.
Когда моя доля времени истечет,
Мне не хватит жалоб и рыданий.
Память обо мне сотрется; моя забытая
Любовь подарит другу друга.

Он также умел упрашивать и умилостивлять халифа правоверных:

Мой эмир так благороден, что люди, если могут,
Расстилают для него на земле ковры из своих щек.
На тебя могли бы посетовать наши верховые животные,
Они несут нас к тебе легко и без бремени;
Но покидают они тебя очень тяжело нагруженными.

Башар ибн Бурд, знакомец Махди и его двора, принадлежал к тому же поколению. Имея персидские корни, этот великий поэт писал на арабском и не скрывал своих симпатий к маздеизму и своим предкам. Хотя он не пользовался большим почетом, в значительной мере благодаря своим выпадам против арабов, его тем не менее терпели, считаясь с его великим талантом и высоким покровительством, которым он пользовался. В 783 г., когда Махди отвернулся от него, он был убит, а его тело сброшено в Тигр. Его чувственность, иногда близкая к непристойности, находила выражение в безупречной форме. Он воспевал любовь:

Да, клянусь Богом,
Я желаю быть околдованным
Волшебством твоих глаз.

Но в его стихах также присутствует мотив разочарования и печали:

Я плачу о тех, кто дал мне отведать вкус своей любви,
Потом, едва успев возбудить во мне желание, заснули […]
Между грустью и мною
Завязались долгие отношения,

Которые никогда не разорвутся,
Если только однажды не истечет вечность.

Список этих поэтов VIII–IX вв., которые смешивали мистику и эротику, страсть к вину и любовь к Богу, влечение к мальчикам и прекрасным рабыням, не забывая ни о разочарованиях жизни, ни о страхе смерти, можно продолжать долго. Наконец, вспомним об Аббасе ибн ал-Ахнафе, который стоял ближе всех к Харуну ар-Рашиду и чьими предками также были персы. Он воспевал куртуазную любовь и пользовался большим влиянием в Испании:

Ты рассказал мне о ней, о Саад, и этим распалил мою страсть.
Не прекращай, о Саад, и этим ты продолжишь свою речь…
Я питаю к ней горячее желание,
И мое сердце не знает никакого другого,
Горячее желание, какого нет ни в прошлом, ни в будущем.

Эта поэзия, которая во времена Харуна ар-Рашида была полна бьющей через край энергии, оставила глубокий след в арабской литературе. Однако она довольно быстро выдохлась и в следующем веке сошла со сцены. И ей на смену снова пришла древняя, более настоящая и близкая истинным человеческим чувствам.

Рождение прозы

В сфере литературы греческое влияние оставалось очень ограниченным. Однако иначе дело обстояло с литературным наследием Персии. Многие ученые и «секретари» иранского происхождения содействовали переводу этих произведений на свой язык. Наиболее известным примером является перевод индийского сказания «Калила и Димна», сначала на персидский, а затем и на арабский язык, выполненный Ибн ал-Мукаффой. Эта книга, составленная в IV в. брахманом по имени Бидпаи, излагает историю двух братьев-шакалов при дворе у льва. Она получила огромное распространение и стала источником вдохновения для многих других сочинений. Кроме того, Мукаффа перевел на арабский объемистую Историю Ирана, которая долгое время оставалась основным историографическим произведением об этой стране. Арабо-исламскую культуру обогатили и другие произведения иранской литературы, посвященные самым разным

темам от истории до оккультных наук, разумеется, включая нравственность.

Можно также отметить реакционное движение проиранских кругов против арабской культуры, получившее названия шуубийя, смысл которого можно передать как «движение неверных» (Claude Cahen). По одну сторону находились подражатели Ирана, гордые своим интеллектуальным превосходством и важным государственными постами, которые они сумели занять, и представлявшие собой рафинированную светскую элиту; по другую — носители арабских традиций, утверждавшие свою верность прошлому, покрывшему их славой. Во времена Харуна ар-Рашида этот раздор между сторонниками древнего и современного, не лишенный социального, если не этнического подтекста, стал особенно заметным во всех сферах жизни.

В самом начале IX в., хотя арабская поэзия начала развиваться в новом направлении, она также получила мощный импульс от Джахиза. Он родился в Басре и вернулся туда перед смертью восемьдесят лет спустя, проведя большую часть своей жизни в Багдаде. Этому полукровке мы обязаны работой, не имевшей равных ни в его время, ни, наверное, в какое-либо другое. Он оставил около двухсот произведений на самые разнообразные темы: наука, история, этнология, богословие, грамматика. В своей Книге о скупцах он обрисовал арабское общество, превознося щедрость арабов, которую он противопоставлял корыстолюбию персов. Его Книга о животных представляет собой трактат по естественной истории, в Байян — по риторике. Он также написал книги, посвященные тюркам, христианам, евреям и др. Обладая энциклопедическим умом, он составил обзор познаний своей эпохи. Этого моралиста, эссеиста можно сравнить с Лукианом, Мольером и Вольтером. Современный ему писатель Ибн Кутайба сказал о нем: «Это вершина богословия, он сильнее всех в построении доказательств и искуснее всех в преувеличении мелкого и приуменьшении крупного. И его могущество таково, что он может обосновать противоположности: он может доказать как превосходство черных над белыми, так и обратное». По мнению Шарля Пела, крупного специалиста по Джахизу, «если говорить о наблюдениях и красках, то параллели с ним можно найти, скорее, у Ла Брюйе и Мольера, нежели у других арабских писателей».

Сочинения Джахиза, значительные как по объему, так и по своей новаторской сути, занимают место в первых рядах арабской литературы. Влияние, которое он оказал на новую культуру соответствует его плодовитости. Именно он, родоначальник адаба, возвел арабо-мусульманскую культуру на вершину

совершенства.

Адаб означает «привычку», «обычай», но в первые века ислама это слово получило смысл «хорошее образование», «учтивость», «галантность». Согласно Ф. Габриели, оно знаменует собой «постепенное утончение бедуинской этики и обычаев под воздействием ислама». В широком смысле это слово приобрело интеллектуальное значение «совокупности знаний, делающих человека учтивым и галантным», то есть его можно понимать как аналог принятого в XVII в. термина «приличный человек».

Вскоре после возникновения ислама репутацией воспитанных людей пользовались те, кто понимал учение Мухаммеда и тонкости арабского языка. Поэтому горожанин отправлялся к бедуинам, чтобы усовершенствовать свое владение арабским. По мере развития учения ислама к вышеупомянутым требованиям добавились религиозные науки и познания о культуре завоеванных стран. Первым адабом, в этом расширенном смысле, и стал Ибн Мукаффа, переводчик «Калили и Димны», осуществивший синтез арабской и персидской культуры.

Неожиданным образом значительное расширение познаний, которое имело место в то время, поставило арабскую культуру под угрозу. Фактически существовала опасность, что знание окажется раздробленным, и благодаря влиянию куттабов это будет способствовать персидским и индийским веяниям, а следовательно, торжеству шуубийи. Не разработав учения в собственном смысле этого слова, Джахиз дал определение культуре в целом — поэзия, история, красноречие, география, религиозные науки, — подчеркнув роль размышления, а также необходимость писать на понятном языке без излишней педантичности.

После правления Мамуна эта концепция адаба, или общей культуры, подразумевающей свободу мысли, видоизменилась. В этот период адаб стал обозначать виртуозное красноречие, беспредметный пуризм, и литература свелась к составлению трактатов, рассчитанных исключительно на куттабов, или же развлекательных сочинений, единственная ценность которых заключается в описаниях общества, часто в утонченном стиле макамат. В этом жанре особенно прославились Харир и Хамадхани.

Был и еще один прозаик, Кутайба, также оказавший огромное влияние на эпоху Аббасидов. В числе прочих произведений он оставил Книгу о поэзии и поэтах, а также Книгу о познании, первый по времени написания учебник истории на арабском языке. В своих трудах, хотя и уступавших по качеству произведениям Джахиза, он яростно спорил с шуубийей,

используя весь свой полемический дар, чтобы отстоять ценности арабской культуры перед лицом куттабов, приверженцев иноземной науки.

Можно назвать еще ряд работ писателей той же эпохи. Мы располагаем их списком благодаря Фихристу, каталогу, выпущенному багдадским книготорговцем Ибн ал-Надимом, который указывает не только переводы, но и оригинальные произведения на арабском языке. И в этом списке литературные произведения и научные труды занимают одинаково большое место.

ГЛАВА X

ОТ ПРАВЕДНОГО ДО ВЕЛИКОЛЕПНОГО

Богу принадлежит царственная власть над небесами и землею.

Коран, XLII, 48

Следы, оставленные в Багдаде гражданской войной, достаточно быстро изгладились. Постепенно город был отремонтирован, и о долгой борьбе между сыновьями Харуна было забыто. Мамун умер в 833 г. К власти пришел его брат Мутасим. Два заговора подряд показали ему, что рассчитывать на абну больше не приходится и необходимо иметь в распоряжении людей, связанных с ним узами личной преданности. Поскольку абна была расквартирована в Багдаде, в 836 г. он решил построить для себя и своих воинов на восточном берегу Тигра в сотне километров вверх по течению от столицы новый город, который назвал Самаррой[141]. От добровольцев, в большинстве своем, тюрок не было отбою. Эти новые воины открыли путь для новой силы.

Им не потребовалось много времени, чтобы осознать, что они представляют собой единственную силу в распоряжении халифа и что без нее он ничто. От этого оставался лишь один шаг до того, чтобы завладеть властью. И вскоре этот шаг был сделан. В 861 г. военачальники убили унаследовавшего Мутасиму халифа Мутавакила, вероятно, по наущению его старшего сына Мунтасира, который был провозглашен халифом. Преторианцы стали хозяевами империи.

В будущем именно армейские командиры выбирали халифов — всегда из рода Аббасидов, исходя, скорее, из их готовности удовлетворять их требования, чем из личных качеств. В сильных личностях недостатка не было, здесь особенно можно отметить Муваффака, брата халифа Мутамида (конец IX в.), но, несмотря на все их старания, халифы так и не сумели вернуть себе рычаги власти над империей. Около 836 г. у власти даже оказалось два халифа, Мутазз в Самарре и Мустаин в Багдаде, и оба пали от руки убийц. В 892 г. Самарра была заброшена, но ничего не изменилось. Войска укрепили господство над государством,

подавив несколько бунтов. В 869–883 гг. восстание зинджей[142], которые основали правительство и на некоторое время завладели Басрой, затопило кровью юг Ирака. Восстания карматов[143], которое распространилось чуть позже, но практически в тех же местах, привело к возникновению в Бахрейне маленького карматского государства, демократического и эгалитарного.

Еще одной причиной роста влияния армии стали высокие затраты на ее содержание, на которое уходила приблизительно половина государственного бюджета. Правительство могло противопоставить этому всего два средства — либо предоставить своеобразную финансовую автономию военным вождям разных регионов, которые оплачивали армию за счет сбора налогов и отсылали остатки в Багдад, либо закрепить за военачальниками, в личном порядке, доходы с некоторых земель. Эта система, икта, уже существовала, но до того времени ею пользовались лишь некоторые члены халифской семьи и сановники, оказавшие исключительные услуги. Включение в нее военачальников способствовало ослаблению центральной власти. Очень скоро губернаторы провинций, практиковавшие икта, обрели фактическую независимость. Багдад больше не имел финансового контроля над этими провинциями, и они все больше ускользали из-под его власти. В Египте подлинным владыкой являлся Ахмед ибн Тулун, который реформировал военную и административную систему и присоединил Сирию. Ему унаследовал его сын. Халифу удалось на время восстановить свою власть, но вскоре она оказалась в руках тюркской династии Икшидов, которые сохраняли ее в течение пятидесяти с лишним лет вплоть до воцарения Фатимидов.

Так разрушалась империя. В Азербайджане, Ширване, Курдистане, Дейлеме, Северной Сирии (Хамданиды) место халифских губернаторов занимали местные династии, а на смену аббасидской армии приходили восточные наемники, главным образом тюрки. В Хорасане, который Мамун некогда вверил Тахиру ибн Хусейну, человеку, помогшему ему вступить в Багдад, верховная власть стала наследственной. Впоследствии эта провинция оказалась в руках Саффаридов, а позже Саманидов. В свою очередь Газневиды изгнали их, чтобы создать могучую империю, объединившую территории от Афганистана до самого Пенджаба. Единовластие халифа повсюду трещало по швам. Но никто из новых хозяев не решался править без халифской инвеституры, как будто сам факт его наличия где-то в недрах багдадского дворца был необходим для поддержания мирового порядка, его изображение по-прежнему украшало собой монеты, а его имя звучало в мечетях во время пятничной молитвы.

Ослабление государственной власти повлекло за собой образование аристократии, которая постепенно меняла общество империи. Когда система икта была применена к низшим эшелонам, она привела к тем же последствиям, что и в случае генералов-губернаторов провинций: получив права на доход с земли и даже не будучи ее собственником, офицер сразу же причислял себя к особому общественному классу. И выходцы именно из этой среды, состоявшей, в основном, из иноземцев, пополняли собой армию государственных чиновников. В 924 г. именно из этого сословия вышел амир ал-умара, эмир эмиров, верховный главнокомандующий и глава гражданской администрации. Он был поставлен над визирями и получил все возможные полномочия. Но ради чего? Это возвышение сильного человека было отчаянным шагом, который «не спас империю, потому что империи, которую можно было бы спасти, уже не было» (M. A. Shaban, Islamic History).

Беспорядок еще усугубился. За десять лет сменилось пять амир ал-умара. Халифы сменялись с той же скоростью. Ради, возведенный армией на престол в 932 г., умер спустя восемь лет. На трон взошел его брат. Его свергли, предварительно выколов глаза. Вместо него халифом был провозглашен Мустакси. Настало время для того, чтобы властью завладели те, на чьей стороне были сила и оружие. В 945 г. в Багдаде воцарились Буйиды, выходцы из Дейлема, находившегося на берегу Каспийского моря.

Буйиды были шиитами. Могли ли они сосуществовать с халифом, хранителем сунны, к которой они питали отвращение? Кого могли они поставить на его место, избежав при этом опасности развязать новый конфликт с суннитскими государствами? Государственные соображения возобладали, и халифа оставили на прежнем месте. Полностью лишившись власти, повелитель правоверных и гарант справедливости ни для кого не представлял опасности. По сасанидскому образцу самый влиятельный член династии носил титул царя царей — шахиншаха.

Прошло больше века, прежде чем конфедерация Буйидов, в свою очередь, пала под ударами других завоевателей с востока. Но именно тогда, находясь под властью этих поначалу довольно неотесанных воинов, арабо-мусульманская цивилизация снова пережила мощные всплески, напомнившие о временах Харуна ар-Рашида и первых Аббасидов.

Распад халифата и низведение халифа до уровня марионетки никак не повлекли за собой упадка в обществе и культуре. В Багдаде снова царило оживление во всех сферах жизни. Буйидские принцы, крупные меценаты, покровительствовали

деятелям культуры, они заказывали строительство памятников в столице и на территориях, находившихся под контролем их семьи, особенно в Ширазе и Исфахане. Новые династии в Каире, Алеппо, Нишапуре, Газни обустраивали свои земли и благоприятствовали интеллектуальной жизни. Нельзя было найти ни одного принца или богатого купца, у которого не было бы библиотеки. Правивший Афганистаном Махмуд Газневи, завоеватель Индии, содержал у себя при дворе четыреста поэтов, занятых прославлением его подвигов, а Фирдоуси написал свою прекрасную Книгу Царей, Шахнамэ, в которой воспел великое прошлое Ирана на новоперсидском языке, который складывался в то самое время и впоследствии позволил распространиться иранскому Возрождению. В Алеппо Сайф ад-Даула, отчасти послуживший прототипом Харуна ар-Рашида для составителей «Тысячи и одной ночи», собрал вокруг себя целую плеяду стихотворцев, писателей и ученых. Именно при нем совершил свою работу ал-Фараби, выходец из Мавераннахра, а ал-Мутаннаби написал свои самые прекрасные строки. Центральная Азия и Нишапур, столица Саманидов, переживали свой золотой век, в то время как в недавно основанном Каире — ал-Кахира, «Победоносный», — Фатимиды окружили себя неслыханно пышным двором, великолепие которого можно было сравнить только с блеском Аббасидов.

Таким образом, падение халифской власти не уничтожило тяги к знаниям. Напротив, распространение центров власти привело к умножению очагов культуры и процветания. Каждый принц отдавал своей провинции все силы. Подгоняемая этой конкуренцией, и еще сильнее — ростом населения и новых городов, экономика продолжала развиваться по всему мусульманскому миру.

В 1055 г. в Багдад вступили турки-сельджуки. Они были мусульманами-суннитами, и их прибытие перекроило политическую карту Востока, не изменив направления развития цивилизации. Главным результатом их вторжения стало возвращение некоторого авторитета халифату. В конце XII в. мы даже видим, как ал-Насир, один из самых блестящих халифов, пытается восстановить мир между суннитами и шиитами, опираясь при этом на полурелигиозные полупрофессиональные структуры футува. Монгольское нашествие поставило под угрозу все, начиная с самого халифата.

На этот раз все рухнуло. В первые дни 1258 г. внук Чингисхана Хулагу взял Багдад штурмом. Восемнадцатого февраля халиф ал-Мутасим сдался, и Хулагу приказал казнить его вместе со всей семьей. В течение восемнадцати дней резня

следовала за резней. Хронисты рассказывают, что убито было от 800 тысяч до 2 миллионов человек, но эти цифры явно сильно преувеличены. Целые кварталы были разграблены и сожжены, уничтожению подверглась Большая мечеть и одна из главных шиитских святынь, мечеть Хазимен. Это была небывалая катастрофа. Багдаду уже никогда не суждено было стать столицей мусульманского мира. Он выжил, но отныне мог быть только провинциальным центром, которым поочередно владели разные завоеватели. В 1393 г. его захватил Тамерлан.

Однако халифат сохранился, хотя и в чисто номинальном виде. Аббасид ал-Мунтасир нашел приют у каирских мамлюков, и их султан Бейбарс провозгласил его халифом, чтобы узаконить собственную власть. Новый халиф не обладал ни малейшей властью. Ему осталась единственная привилегия предоставлять некоторым чужеземным принцам, в частности делийскому султану, инвеституру, которую те, несмотря ни на что, просили у него, потому что в их глазах он неизменно оставался «наместником Бога на земле». В 1517 г. османский султан Селим I Грозный, вступил в Каир и взял в плен того, кто уже давно был лишь тенью повелителя правоверных. Халифа отправили в Стамбул, где Сулейман Великолепный разрешил ему вернуться в Египет. Он умер в 1543 г. С ним прекратился и род Аббасидов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Мессианские движения

Вскоре после смерти Абу Муслима (755 г.) возникли движения, сделавшие его имя своим знаменем, и, в основном среди иранцев и тюркского населения Хорасана и Мавераннахра, появились секты с мессианскими тенденциями. Их учения были почерпнуты из всех известных религий — маздеизма и зороастризма, ислама и даже христианства.

Первое из подобных движений возглавил Сунбад, маздеист из окружения Абу Муслима. Об быстро собрал многочисленных сторонников, согласно Табари, их было 60 000, убедив их, что Абу Муслим не умер, а в образе голубя полетел в медный замок, где и живет в обителях Ахурамазды. Сунбад двинулся на Ирак, но между Реем и Хамаданом был остановлен армией, которую послал ему навстречу ал-Мансур. Должно быть, его убили в Гургане. Вскоре после этого восстал другой сподвижник Абу Муслима Исхак ал-Турки, также заявляя, что Абу Муслим был посланником Зороастра, в настоящее время скрывается в районе Рея, а в будущем вернется.

Около 756 г. в окрестностях Мерва разразилось восстание иранца ал-Муканны (Скрытого вуалью), который прятал лицо под покрывалом (или золотой маской). Он объединил множество сторонников. Он утверждал, что Бог поочередно свидетельствовал о себе через Адама, Сифа, Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса, Мухаммеда, Абу Муслима, и, наконец, через него самого. К нему присоединились жители Мавераннахра, которых влекли к себе учения, тяготевшие, скорее, к анархии, нежели к религиозному закону. Будучи осажден в крепости, ал-Муканна покончил с собой.

Впоследствии имя Абу Муслима оказалось причастным к распространившимся в народе среди ремесленников и цеховиков еретическим течениям с мистической окраской. За годы предание превратило его в своеобразного заступника обиженных и защитника угнетенных. Эпическая литература разнесла его имя и рассказы о его чудесах по всему Востоку, особенно среди ремесленных объединений Анатолии, а затем дервишеских братств. Бекташи связывали основателя своего ордена Хаджи Бекташа с Абу Муслимом и его соратниками. Обширная литература, посвященная всевозможным чудесным событиям, донесла до нашего времени роман о похождениях Абу Муслима

среди персов и турок, безмерно приукрасив подвиги главного героя.

2. Самарра

В 836 г. ал-Мутасим, сменивший на троне Мамуна, решил сделать своей столицей Самарру. Место ее расположения, до сих пор населенное чуть ли не одними христианскими монахами, позволило халифу удовлетворить страсть к гигантизму, характерную для дворцовой архитектуры той эпохи.

Подобно Мансуру, созвавшему ремесленников со всей империи на строительство Круглого города, Мутасим «отдал письменный приказ явиться работникам, каменщикам, мастерам, кузнецам, столярам и прочим ремесленникам, доставить всевозможные сорта дерева, в частности тик и пальмовые стволы из Басры и ее окрестностей, из Багдада и всего района Савада, Анти-охи и всего побережья Сирии. Он также повелел явиться камнерезам и мастерам облицовки мрамором…» (Якуби, Страны).

Примерно за пятьдесят лет аббасидские халифы построили около трех десятков дворцов. Население города, как утверждается, достигало миллиона. Внутри городских стен можно было перемещаться только на коне, так велики были расстояния. Ансамбли построек, разделенные зелеными пространствами, дворами, водоемами, тянулись на сотни метров вдоль берега Тигра.

Первый дворец, Джаусак ал-Хакани, принадлежавший самому Мутасиму, покрывал 175 гектаров. Вход в него открывали ворота (частично сохранившиеся) с тремя арками почти 12 метров в высоту, имевшими форму ивана (дуги) и украшенными штукатуркой. Оттуда путь вел на террасу, возвышавшуюся над Тигром, и через огромные залы посетитель попадал в просторный двор, вокруг которого располагались казна, арсенал, казармы, мечети, склады. Пройдя еще два двора, можно было достичь квадратного тронного зала, увенчанного куполом, куда с каждой стороны открывались арки (ивам) соседних помещений. Дальше находился гарем и, наконец, еще один зал с куполом, украшенным фресками (некоторые из них сохранились), откуда через пять дверей можно было выйти на площадь размером 350 на 180 метров, где находились два фонтана и канал. Под этой эспланадой было устроено подземное помещение, спасавшее от жары и оборудованное бассейнами.

Ансамбль завершался площадкой для игры в поло с павильоном, находившимся на возвышении и предназначавшимся для наблюдения за игрой, банями, конюшнями, и т. д. Дальше на

пять километров протянулись охотничьи угодья («рай»).

Основным материалом служило высушенное на солнце дерево, а на те части, которые требовали большей прочности, шел обожженный кирпич. Появились новые архитектурные формы: свод, иван (цилиндрический свод), покрытые куполом залы, предшествуемые иваном.

Остатки Балкувары, еще одного из дворцов Самарры, построенного халифом Мутавакилом (847–861 г.), позволяют нам представить себе великие дворцовые ансамбли той эпохи. Дворец имел в плане прямоугольник 575 на 460 метров. Ансамбль открывался на реку и долину тремя монументальными арками, ведшими к трем проходным дворам, куда можно было попасть через ива-ны парадных залов. Позади находились личные покои. В других крыльях здания находились конторы, гарем, жилища придворных, воинов и др. На востоке находился огромный сад, усеянный беседками, ручьями и каскадами. Еще дальше располагалась площадка для поло со всеми полагающимися постройками и другие сады. На сооружение каждого из этих дворцов уходило несколько месяцев, чем и объясняется их быстрое разрушение.

Штукатурка, имитирующая мрамор, была легкой в изготовлении и применении — ее либо резали ножом, либо употребляли в виде плиток, — и потому она широко использовалась в облицовке стен до половины высоты, дверных косяков и карнизов, которые часто украшали золотыми гвоздями. Потолки часто обшивали деревом, особенно тиком. Использовали также роспись фризами, иногда по всей поверхности стены. Иногда стены покрывали изразцами из блестящего фаянса, резного мрамора или мозаики, образцом для которых служили произведения эллинистического и омейядского искусства. В окна вставляли маленькие витражи, несомненно, похожие на те, которые еще и сегодня можно видеть в старых домах Йемена. Пол часто покрывали мрамором. Парадные залы и халифские покои были украшены драгоценными коврами и шелковыми, парчовыми и златотканными занавесами, а в нишах, устроенных в стенах, находились самые дорогие предметы — изделия из золота, золотые и хрустальные чаши, блюда из блестящего фаянса.

В Самарре еще не слишком сильно ощущался мусульманский характер арабского искусства. Преобладали иранские влияния. Сюжеты живописных произведений соответствовали задаче прославления халифа. Мужские персонажи представлены его тюркскими воинами. Танцовщицы с по-восточному округлыми лицами, миндалевидными глазами, завитками волос на щеках в платьях с тяжелыми складками, диадемами на голове

торжественно проходят перед сидящем на троне властелином. Тот же почти застывший вид и у сцен халифской охоты, включая умерщвление быка, обвитого сасанидскими царскими перевязями, чтобы обозначить его принадлежность к императорской власти, изображения дичи и охотничьих собак среди рогов изобилия и виноградных лоз; при этом интересно, что на этих росписях можно видеть и женщин, всадниц и охотниц.

Фрагменты фресок, отреставрированные в Нишапуре, изображают таких же пышнотелых женщин. Данный стиль приобрел последователей. В тот же период его можно видеть и в Египте, где правила династия Тулуни-дов. В искусстве, как и в литературе, Азия взяла своеобразный реванш над наследием Рима и Афин, но это, однако, не означало полного отказа от него. «Аббасидский» стиль не проник ни в Сирию, ни в Испанию, находившуюся под властью Омейядов, которые поручали сирийским мастерам строительство и отделку своих дворцов и мечетей. Таким образом, в течение нескольких веков наблюдались колебания между этими двумя концепциями искусства, и в результате каждая «провинция» исламского мира — Иран, Месопотамия, Египет и Восточное Средиземноморье — утвердила свою художественную индивидуальность и создала собственное классическое искусство.

Керамика

В Самарре керамика достигла вершины совершенства. При Харуне ар-Рашиде самым высоким качеством отличалась китайская керамика, которая прибывала в Багдад через Хорасан. Другие керамические изделия, бледно-зеленые селадоны с персиковыми или кремовыми крапинками, вазы из зеленого и коричневого песчаника, прибывали морским путем. Месопотамским горшечникам, наследникам давних традиций, не понадобилось много времени, чтобы научиться воспроизводить эти образцы. Самые уважаемые мастерские Багдада производили, прежде всего, лепные, резные и иногда расписные сосуды, затем глазурованные вазы и блюда, напоминающие китайскую керамику, но с более насыщенным декором.

Месопотамское керамическое искусство достигло высшей точки с появлением керамики с металлическим блеском. Ее получали путем раскисления в печи нанесенного на глазурь оксида металла, и разнообразие цветов этого покрытия (красный, желтый, зеленый, коричневый) свидетельствует о технологии, которая так и осталась непревзойденной с IX в. Багдадские

гончары пробовали сочетания металлосодержащих веществ и получали ошеломляющие результаты. Чаще всего их декор опирался на сасанидские или аббасидские образцы и также использовал куфическое письмо. После 860–870 гг. производство подобных изделий прекратилось.

Эти сосуды, блюда, кувшины, чаши и т. д., находили применение в халифском дворце и в домах вельмож. Но, кроме того, их продавали. В Кайруане, в мечети Сиди Окба, на стене михраба можно видеть плитки из этой керамики, присланные из Багдада в 862 г. Раскопки Самарры дали множество фрагментов этой изумительной керамики.

3. Халифские охоты

Аббасидские халифы были заядлыми охотниками. Вспомним, что Махди погиб, преследуя газель, а хроники содержат множество рассказов, связанных с охотой. Харун часто предавался этому занятию, особенно, когда поселился в Ракке, где водилась крупная и мелкая дичь, львы, тигры, страусы и дикие быки.

Халифские охоты собирали сотни, а иногда тысячи человек, лошадей, верблюдов, дрессированных зверей и птиц. Когда халиф решал поохотиться, распорядитель императорской охоты отдавал приказ начать подготовку главным конюхам, следопытам, загонщикам, лучникам, сокольничим и смотрителям других животных. Вооруженные воины сопровождали халифа и его семью, которая почти всегда брала с собой лекарей, секретарей, чтецов Корана, астрономов и т. д. Вьючные животные везли огромный груз — шатры, ковры, разнообразную утварь, — так как с точки зрения роскоши халифский лагерь в пустыне ничем не уступал его дворцовым покоям.

Когда высланные вперед следопыты настигали дичь, загонщики и охотники окружали ее, а остальные участники били в барабаны.

Затем выпускали охотничьих птиц — соколов на фазанов, куропаток и водяных кур, ястребов — на зайцев. Спускали с поводков гепардов и собак, а когда дичь изнемогала, в охоту вступали халиф и принцы. По возвращении в лагерь слуги жарили убитую дичь и подавали ее на угощение халифу и его гостям.

Для охоты на льва, особенно любимой Харуном, использовали специально обученных собак. Конный охотник преследовал хищника, и когда тот выбивался из сил, ему наносили удары копьем, мечом или пронзали стрелами.

Это охотничьи забавы обеспечивали работой множество

людей — чиновников, работников, дворцовых ремесленников, постоянно занятых уходом за животными и содержанием в порядке инвентаря, торговцев, поставлявших охотничьих животных, всевозможную утварь, следопытов, загонщиков и пр. При Мутавакиле, через полвека после Харуна, только на оплату персонала уходило 500 000 дирхемов в год. Если прибавить к этому закупку животных, инвентаря и компенсации крестьянам за уничтоженный урожай, которые щедро выплачивались во времена Харуна, то получаются десятки тысяч динаров ежегодно.

Покупка и обучение животных, которые использовались для охоты, также обходились в огромные суммы. Некоторые из этих животных являлись подарками от правителей и высокопоставленных сановников: так, Харун получил двенадцать соколов и четырех охотничьих собак от императора Византии. Среди налогов, которые поступали в казну из Армении, значилось тридцать соколов ежегодно. Хищные птицы стоили очень дорого — ястребы, орлы, соколы-сапсаны, лучшим из которых считался баз, — и поступали из Туркестана, Греции и Индии.

Ввозили и других хищных птиц, главным образом с одноцветным оперением.

Собаки также широко использовались, и лучшие, которых ввозили из Йемена, стоили очень дорого. Ласок использовали, чтобы выгнать лисицу из норы. Особое место среди охотничьих животных занимал гепард. Только самые богатые могли позволить себе это животное, которое не размножается в неволе, с трудом поддается дрессировке, которая занимает долгое время, и требует особых забот. Халифы любили, чтобы гепарды на поводках принимали участие в официальных процессиях. Гепардов воспевали придворные поэты, в том числе прославленный Абу Нувас.

4. Харун ар-Рашид и Карл Великий

Ни один арабский источник, имеющийся сегодня в нашем распоряжении, не упоминает о связях между Хару-ном ар-Рашидом и Карлом Великим. Табари и Масуди, оставившие нам множество подробностей о жизни и правлении халифов, не говорят об этом ни слова, что побудило историков отрицать само существование подобных контактов.

Молчанию восточных авторов есть несколько объяснений: в отношениях между халифом и иностранным правителем не было ничего необычного. Харун и его предшественники поддерживали связи с восточными, в том числе с индийскими, государями. Арабские историки сообщают об этом только в том случае, если

со стороны халифа имела место необычайная демонстрация своего богатства (как, например, во время приема византийского императора в 917 г.). Кроме того, не все историки с благосклонностью относились к христианам. Зачем говорить об отношениях между повелителем правоверных и неверным, посольства которого прибывали в Ракку незамеченными, без огласки (ни одна миссия Карла не побывала в Багдаде, к тому времени оставленном Харуном)?

До эпохи Возрождения Карл Великий оставался самым знаменитым паломником в Палестину, а затем пошли разговоры о том, что халиф подарил императору святые места. В ущерб Эйнхарду самым надежным источником стали считать рассказ монаха из Санкт-Галлена. Есть даже упоминание (у мадам Жанли в романе «Les Chevaliers du Cygne», и у одного историка-музыковеда) о том, что Харун подарил Карлу орган… Легенда обрастала новыми подробностями до XIX в. Поквиль в «Memoire historique» сделал вывод о полном отсутствии каких-либо связей между двумя императорами. Еще удивительнее то, что в 1912 г. русский ученый В. В. Бартольд согласился с этим мнением на основании отсутствия арабских источников и того факта, что арабские географы не упоминают о поселении христиан в Иерусалиме. Почти в это же самое время русский византолог А. А. Васильев в значительной мере согласился с рассказом монаха из Санкт-Галлена. В 1919 г. на французском Сирийском конгрессе Л. Брейе заявил, что Харун предоставил Карлу настоящий протекторат над Палестиной: «Своего рода право покровительствовать христианам, каким никогда не обладали византийские императоры, разве что в XI в.». В этот послевоенный период Франция добивалась мандата над Ближним Востоком. Великий ученый, безусловно, поддался тому, что другой византолог, С. Рансимэн, впоследствии назвал «пылом европейского патриотизма». Через несколько лет Л. Брейе отказался своего заявления, заняв более умеренную позицию (Charlemagne et la Palestine, 1928), в то время как Э. Джорансен (The Alleged Frankish Protectorate in Palestine, 1927) частично воспроизвел мнение Бартольда. По мнению американца Ф. У Баклера (Harun-ul'Rashid and Charles the Great, 1921), Карл Великий был вассалом Харуна в Палестине и его вали (наместником) в Иерусалиме.

Выражение «ось Ахен-Багдад», использованное историком Ж. Калметом, как и заявление Л. Брейе, было связано с политической ситуацией в период между двумя мировыми войнами («ось Рим-Берлин»), По-видимому, Ж. Калмет зашел слишком далеко, утверждая, что эта ось была «одной из

важнейших составляющих успеха Каролингов» в событиях на испанских склонах и признании империи Карла Великого Византией. Кленклоз (La Legende du protectorat de Charlemagne sur la terre sainte), безусловно, гораздо ближе к истине, говоря, что дар, полученный Карлом в подтверждения единомыслия между ним и Харуном, представлял собой собственно гробницу Христа. С. Рансимэн принимает это мнение, хотя ограничивает дар Харуна церковью Святой Марии и льготами для паломников.

5. Трапеза во времена Харуна ар-Рашида

«У меня есть для тебя пять котлов, полных всевозможными вкусными вещами: фаршированными баклажанами и кабачками, приправленными лимоном, воздушными шариками из молотого зерна и рубленого мяса, рисом с помидорами и маленькими кусочками бараньего филе, рагу с маленькими луковками; вдобавок к этому, у меня есть десять жареных кур и баран на вертеле, а еще десять огромных блюд, одно с кенафой, другое — с пирожками с творогом и медом, с фруктами всех сортов, с огурцами, дынями, яблоками, лимонами и свежими финиками и многими другими… Я приказал принести шкатулку, наполненную амброй, алоэ, нардом, мускусом, ладаном и смолой… Я не забыл и об ароматических маслах и серебряных кропильницах с душистой водой…» (Ночь 29-я).

«Там было четыре огромных фарфоровых сосуда, в первом из которых была махаллабия, пахнувшая апельсином и посыпанная молотыми фисташками с корицей; во втором лежал сушеный виноград, вымоченный, очищенный и имеющий легкий запах розы; в третьем, ах! в третьем была баклава, искусно приготовленная слоями, нарезанная ромбами и бесконечно соблазнительная; в четвертом — катаифы в сиропе, хорошо обвязанные и готовые лопнуть, так щедро они были начинены! Вот что было на половине блюда. Что же касается второй половины, то на ней были просто фрукты, выбранные на мой вкус: инжир, сморщившийся от зрелости, но ничуть не обеспокоенный этим обстоятельством, зная о своей привлекательности, цедраты, лимоны, свежий виноград и бананы. И все это было разделено промежутками, заполненными яркими цветами — розами, жасмином, тюльпанами, лилиями и нарциссами» (Ночь 116-я).

Описание спаржи
(поэма Махмуда по прозвищу Кошаджим)

Мы владеем копьями с загнутыми остриями:

Они кривые и переплетенные как веревка,

Но они прекрасны и свободны от узлов; их головки выступают над стеблем.

Растения растут из земли прямо как колонны, и их нарядно одела рука единого и вечного Творца,

В шелковую ткань, подобную сундусу, которым покрывают плащи. Их цвет — красивый огненно красный.

Их называют подкрашенными красным, подобно щеке, на которой гневная рука оставила свой отпечаток.

Они переплетаются как кольца кольчуги, сделанной из прекрасной золотой сетки.

Можно подумать, что видишь расстеленный кем-то шелковый митраф (шелковая ткань с цветной каймой). Ах! Если бы они обладали его долговечностью!

Они могли бы служить оправой для жемчужного перстня. Они истекают аппетитным соком;

Он совершает свои приливы и отливы; масло покрывает их тканью из пены

И, проникая в стебель, оно образует золотые и серебряные нити.

Богомолец, серьезный ученый, взирая на это вкусное блюдо, падает ниц от вожделения и нарушает пост.

Масуди, Золотые степи, т. VIII.

Джудаба
(оттуда же)

Джудаба, приготовленная из первосортного риса, желтая как лицо любимого,

Восхитительное блюдо, сверкающее блюдо, приготовленное добрым и умным поваром,

Она чистое, как золото, и ее розоватый оттенок придан ей Создателем.

Сахар из Ахваза, которым она приправлена, делает ее вкус слаще, чем поцелуй любимой.

Ее дрожащая масса, пропитанная маслом, обволакивает пирующих сладким ароматом.

Она мягкая и однородная, как взбитые сливки, ее запах — аромат чистейшей амбры.

Когда она появляется в миске, в которой ее подают, ее можно назвать звездой, сияющей в ночи,

Или прекрасным желтым сердоликом, украшающим шеи юных дев с нежным телом.

Она слаще, чем безопасность, неожиданно данная сердцу, угнетенному страхом.

Масуди, Золотые степи, т. VIII.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕХИ

	В мире ислама	Вне мира ислама
570	Рождение Мухаммеда	
612	Начало проповеди Мухаммеда	
618		Воцарение династии Тан в Китае
622	Мухаммед в Медине. Хиджра	
630	Возвращение Мухаммеда в Мекку	
632	Смерть Мухаммеда. Омар становится халифом	
634	Поражение византийцев при Ажнадайне	
635	Взятие Дамаска	
636	Поражение византийцев при Ярмуке	
638	Взятие Иерусалима	
640	Взятие Гелиополиса	
642		Падение империи Сасанидов
644	Омар убит. Халифом становится Осман	
646	Взятие Александрии	
655	Морское поражение византийцев	
656	Смерть Османа. Али становится халифом	
657	Битва при Сиффине. Хариджиты покидают Али	
661	Убийство Али в Куфе. Муавия становится халифом в Дамаске	
663–677	Арабские походы на Константинополь.	
670	Основание Кайруана	
680	Смерть Хусейна в Кербеле	Пипин Геристальский начинает править франкским королевством
685	Восстание Мухтара	
711	Тарик в Испании	

	В мире ислама	Вне мира ислама
716	Осада Константинополя (Маслама)	Карл Мартелл
717		Лев III Исавр, император Византии
726		Начало спора об иконопочитании
732		Битва при Пуатье
747	Аббасидское восстание в Хорасане. Абу Муслим	
749	Саффах, первый аббасидский халиф	
751	Поражение китайцев в Талласской битве	Пипин Короткий, король франков
754	Мансур становится халифом	
755	Казнь Абу Муслима	
756	Абдаррахман, эмир Кордовы	
762	Основание Багдада	
766	Рождение Харуна ар-Рашида	
771		Карл Великий, король франков
775	Махди становится халифом	
778		Битва в Ронсевальском ущелье
779	1-й поход Харуна против византийцев	
781	2-й поход Харуна	
785	Хади становится халифом	
786	(14 сентября) Харун ар-Рашид становится халифом	
787		Ирина восстанавливает иконопочитание
789	Идриссиды в Марокко, основание Феса	
796	Харун переселяется из Багдада в Ракку	
797	Поход Харуна на византийцев	Ирина, императрица Византии. 1-е посольство Карла Великого к Харуну
800	Аглабиды в Ифрикие	Коронация Карла Великого
802	Договор в Каабе. Раздел империи	Прибытие двух мусульманских вельмож ко двору Карла Великого. Новое посольство Карла к халифу. Никифор, император Византии, свержение Ирины
803	Трагедия Бармакидов. Поход Харуна против Византии	

	В мире ислама	Вне мира ислама
805	Миссия (Абдаллах) халифа к Карлу Великому	
806	Война Харуна с византийцами. Взятие Гераклеи	
807		Новое посольство Карла к Харуну ар-Рашиду
809	(24 марта) Смерть Харуна ар-Рашида в Тусе	
809–813	Конфликт между Мамуном и Амином. «Багдадская коммуна»	
810	Тахириды в Хорасане	
813	Мамун становится халифом	
814		Смерть Карла Великого
825	Арабы на Крите	
831	Арабы на Сицилии	
832	Основание Дома мудрости (байт ал-Хикма)	
833	Смерть Мамуна. Мутасим становится халифом	
836	Перенос столицы в Самарру	
868	Тулуниды в Египте	
874	Саманиды в Хорасане	
945	Буйиды в Багдаде	
1055	Турки-сельджуки в Багдаде	
1258	Взятие Багдада монголами	
1393	Тамерлан в Багдаде	
1517	Селим I берет аббасидского халифа в плен в Каире	
1543	Сулейман Великолепный освобождает аббасидского халифа, и тот умирает	

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники и общие работы

Tabari, Annales, trad. fr. de Zotenberg, Paris, 1867–1874.

Yakubi, les Pays (Kitab al-Buldan), trad. fr. G. Wiet, Le Caire, 1937.

Masudi, les Prairies d'Or (Murudj), trad. fr. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, Paris, 1861–1877.

Baladhuri, The Origins of islamic State (Futuh al Buldan), engl. trans. by P. K. Hitti, London, 1916.

Bibliotheca Geographorum Arabicorum.

Encyclopedie de l'Islam, I, 1913–1938.

Encyclopedie de l'Islam, II, 1960.

A. Miquel, l'Islam et sa civilisation, Paris, 1968.

Histoire generale des sciences, t. 1, Paris, 1966.

C. Cahen, l'Islam des origines au ddbut de VEmpire ottoman. Paris, 1970.

R. Mantran, I'Expansion musulmane, Paris, 1968.

E. Levi-Provengal, Histoire de I'Espagne musulmane, Paris, 1944–1953.

D. et J. Sourdel, la Civilisation de I'islam classique, Paris, 1968.

The Cambridge History of Islam.

The Cambridge History of Iran.

Le Coran, trad. R. Blachere.

Les Mille et Une Nuits, Ed. de Boulak, trad. Dr Mardrus, Paris, 1899–1904.

An Historical Atlas of Islam, Leyden, 1981.

C. Cahen, Introduction a l'Histoire du monde musulman medieval, Paris, 1982.

Работы и исследования

Abbott (N.), *Two Queens of Baghdad,* Chicago, 1946.

Abel (A.), «Les marchés de Bagdad», *Bulletin de la Société belge d'études géographiques,* 1939. Ahrweiler (H.), *Byzance et la mer,* Paris, 1966.

— «L'Asie Mineure et les invasions arabes», *Revue historique,* 1962.

Ahsan (A. M.), *Social Life under the Abbassids,* London, 1978.
Arnold (T. W.), *The Caliphate,* Oxford, 1924.

Ashtor (E.), «Essai sur l'alimentation des diverses classes sociales dans l'Orient médiéval», *Annales E.S.C.,* 1960.

— *Histoire des prix et des salaires dans l'Orient médiéval,* Paris, 1969.

— «Migrations de l'Irak vers les pays méditerranéens», *Annales E.S.C.,* 1972.

Audisio (G.), *la Vie et la Mort de Haroun al-Rachid,* Paris, 1930.

Aziz Ahmad, *A History of Sicily,* Edinburgh, 1975.

Badawi (A.), *Transmission de la philosophie grecque au monde arabe,* Paris, 1968.

Bagdad, сборник, опубликованный по случаю 1200-летия основания, Arabica, Leyden, 1962.

Barbier de Meynard (M.), «Ibrahim, fils de Mehdi», *Journal asiatique,* 1869.

Barthold (V. V.), *Turkestan down to the Mongol Invasion,* Londron, 1939.

— *la Découverte de l'Asie,* Paris, 1947.

— *Four Studies on the History of Central Asia,* Leyden, 1962.

Bitterman (H. B.), «Harun al-Raschid gift of an Organ to Charlemagne», *Speculum,* 1929.

Bosworth (C. E.), *The Islamic Dynasties,* Edinburgh, 1967.

The Ghaznavias, Beyrouth, 1973.

Bouisson, *le Secret de Shéhérazade,* Paris, 1961.

Boulnois (L.), *la Route de la Soie,* Paris, 1963.

Bousquet (G. H.), *Г Éthique sexuelle de l'Islam,* Paris, 1966.

Bréhier (L.), *Vie et mort de Byzance,* Paris, 1948.

— *les Institutions byzantines,* Paris, 1949.

— *la Civilisation byzantine,* Paris, 1950.

Brooks (E.), «Byzantines and Arabs in the time of early Abbassids», *English Historical Review,* 1900.

Buckler (F. W.), «The diplomatic relations of the early Abbassids and the Carolingian houses», *Journal of the American Oriental Society,* 1927.

— *Harun al-Raschid and Charles the Great,* Cambridge, 1931.

Bulliett (R. W.), «Le Chameau et la roue au Moyen-Orient», *Annales E.S.C.,* 1969.

Cahen (Cl.), *Leçons d'histoire musulmane,* Paris, 1957–1958.

— *Les peuples musulmans dans l'histoire médiévale,* Damas, 1977.

Canard (M.), «Quelques à-côtés des relations entre. Byzance et les

Arabes», *Mélanges Levi délia Vita,* Rome, 1956.

Byzance et les Musulmans au Proche-Orient, Variorum Reprints, 1973.

«Byzantium and the Muslim World», in *The Cambridge Medieval History,* IV.

Chejne (A. G.), «Al-Fald al-Rabi, a politician of the early Abbassid period», *Islamic Culture,* 1962.

— «The boon Companion in early Abbassids Times», *Journal of the American Oriental Society,* 1965.

Christensen (A.), *L'Iran sous les Sassanides,* Paris, 1944.

Cipolla (C), «Sans Mahomet Charlemagne est inconcevable», *Annales E.S.C.,* 1962.

Classicisme et déclin culturel dans l'histoire de l'islam, Symposium, Paris, 1977.

Cook (M. A.), *Studies in the economic History of the Middle East,* London, 1970.

Corbin (H.), *la Philosophie islamique,* Paris, 1964.

Creswell (K. A. C), *Early Muslim Architecture,* London, 1958. Crowe (P.), *Slaves on Horses,* London, 1980.

Denys de Tell-Mahré, *Chroniques,* trad. J. Chapot, Paris, 1895.

Dietrich (A. I.), «Quelques aspects de l'éducation princière à la cour abbasside», *Revue des études islamiques,* 1976.

Djahiz, *Le livre de la Couronne,* trad. Ch. Pellat, Paris, 1954.

Djaït (H.), «L'Islam ancien récupéré à l'histoire», *Annales E.S.C.,* 1975.

Ducellier (A.), Kaplan (M.), Martin (B.), *le Proche-Orient médiéval,* Paris, 1978.

Elisseef (N.), *Thèmes et motifs des Mille et Une Nuits,* Beyrouth, 1949.

Ettinghausen (R.), *la Peinture arabe,* Genève, 1962.

— *From Byzantium to Sassanian Iran and the Islamic World,* Leyden, 1972.

Farag (F. R.), «The Arabian Nights», *Arabica,* 1976.

Gabrielli (F.), «La successione di Harun al-Rasid e la guerra fra al Amin e al Mamun», *Rivista degli studi orientali,* 1928.

Gardet (L.), *la Cité musulmane,* Paris, 1957.

Gaudefroy-Demombynes (M.), *le Monde musulman jusqu'aux croisades,* Paris, 1941.

— *les Institutions musulmanes,* Paris, 1946.

Ghazi (M.), «Un groupe social: les raffinés», *Studia Islamica,* 1959.

Gibb (H. A. R.), *The Arab Conquests of Central Asia,* New York, 1923.

Glubb (J. B.), *Haroon al Rasheed,* London, 1976.

Goitein (S.), «The Rise of the Near Eastern Bourgeoisie», *Cahiers*

d'histoire mondiale, 1957.

Grabar (O.), *The Formation of Islamic Art,* Yale, 1973.

Grousset (R.), *VEmpire des steppes,* Paris, 1939.

Grunebaum (V.), *Médiéval Islam,* Chicago, 1954.

Heyd (W.), *Histoire du commerce extérieur du Levant,* Amsterdam, 1959.

Horowitz (J.), «The Origins of the Arabian Nights», *Islamic Culture,* 1927.

Hourani (A. H.), and Stern (S. M.), *The Islamic City,* Oxford, 1970.

— «Sea Faring in the Indian Ocean», *Journal of the Economic and Social History of Orient,* 1973.

Ibn Fadlan, *Voyage chez les Bulgares de la Volga,* trad. M. Canard, Alger, 1959.

Ibn Khaldoun, *Prolégomènes,* trad, de Slane-Monteil, 1975.

Ibn Khurdadbeh, *le Livre des Routes et des Provinces,* trad. B. de Meynard, Paris, 1975.

Islam and Trade of Asia, ed. D. S. Richards (seminar), Oxford, 1970.

Islam, la philosophie et les sciences, Unesco, 1981.

Joransen (E.), «The alleged Frankish Protectorate in Palestine», *American Historical Review,* 1927.

Kennedy (H.), *The Early Abbassid Caliphate,* London, 1981.

Kleinclausz (A.), «La légende du protectorat de Charlemagne sur la terre sainte», *Syria,* 1926.

Lacy O'Lary (E. de), *How Greek Science passed to the Arabs,* London, 1957.

Lane (A.), *Early Islamic Pottery,* London, 1957.

Laoust (H.), *les Schismes dans l'Islam,* Paris, 1983.

Lassner (J.), *The Shaping of Abbassid Rule,* Princeton, 1980.

Laurent (J.), *l'Arménie entre Byzance et l'Islam,* Paris, 1919.

Lemercier-Quelquejay (C), *la Paix mongole,* Paris, 1970.

Lestrange (J.), *Bagdad during the Abbassid Caliphate,* Oxford, 1924.

— *The Lands of the Eastern Caliphate,* London, 1930.

Lewis (Arch.), «Les marchands dans l'océan Indien», *Revue d'histoire économique et sociale,* 1976.

— *Power and Trade in Mediterranean Sea,* Princeton, 1951.

Lewis (B.), *Les Arabes dans l'Histoire,* Neuchâtel, 1958.

— *les Assassins,* Paris, 1982.

— *Comment l'islam a découvert l'Europe,* Paris, 1984.

Lombard (M.), *les Textiles dans le monde musulman,* Paris, 1968.

— *l'Islam dans sa première grandeur,* Paris, 1971.

— *Espaces et Réseaux du haut Moyen Âge,* Paris, 1972.

— *le Fer et les Métaux précieux,* Paris, 1975.

Lopez (R.), «Mohamed and Charlemagne, A Revision», *Speculum,*

1942.

— «East and West in the Early Middle Age», *Congrès international des sciences historiques*, Rome, 1955.

Mango (C. A.), *Byzantium, The Empire of New Rome,* New York, 1980.

Marçais (G.), *la Berbérie Musulmane et l'Orient au Moyen Age,* Paris, 1946.

Massignon (L.), *la Passion d'al-Hallaj,* Paris, 1928.

— «Les méthodes de réalisation artistique des peuples de l'Islam», *Syrie,* 1931.

Massignon et Arnaldez, *les Sciences antiques et médiévales,* Paris, 1957.

Meukof (L), *Abu Muslim le porte-hache du Khorasan,* Paris, 1962.

Mercier (M.), *le Feu grégeois,* Paris, 1952.

Mez (A.), *The Renaissance of Islam,* London, 1937.

Mieu (A.), *la Science arabe,* Leyde, 1939.

Musca (G.), *Carlo Magno e Harun al-Rasid,* Bari, 1963.

Nadvi (R. A.), «Industry and Commerce under the Abbassids», *Journal of Pakistan Historical Society,* 1953.

Omar (F.), *The Abbassid Caliphate,* Bagdad, 1969.

Otto-Dorn (K.), *Γ Art de l'Islam,* Paris, 1967.

Pellat (Ch.), *le Milieu basrien et la Formation de Djahiz,* Paris, 1953.

— *Langue et Littérature arabes,* Paris, 1955.

- *Études sur Vhistoire socioculturelle de Vislam,* London, 1976.

Perroy (E.) «Encore Mahomet et Charlemagne», *Revue historique,* 1954.

Piper (D.), «Turks in Early Muslim Service», *Journal of Turkish studies,* 1968.

Pirenne (H.), *Mahomet et Charlemagne,* Bruxelles, 1937.

Planhol (X. de), *le Monde islamique,* 1957.

— *les Fondements géographiques de l'histoire de l'Islam,* Paris, 1968.

Popovic (A.), *la Révolte des esclaves,* Paris, 1977.

Quatremère (E.), «Les Barmécides», *Journal asiatique,* 1861.

Rodinson (M.), «Recherches sur les documents arabes relatifs à la cuisine», *Revue des études islamiques,* 1949.

Mahomet, Paris, 1961. *Islam et Capitalisme,* Paris, 1966.

Roux (J. P.), *les Explorateurs au Moyen Âge,* Paris, 1985.

Runciman (S.), «Charlemagne and Palestine», *English Historical Review,* 1935.

Sabari (S.), *Mouvements populaires* à *Bagdad* à *l'époque abbasside,* Paris, 1981.

Sadan (J.), «Meubles et acculturation dans la civilisation califienne», *Annales E.S.C.,* 1970.

— *le Mobilier au Proche-Orient médiéval,* Leyde, 1976.

Salmon (G.), *Introduction* à *Vhistoire topographique de Bagdad,* trad, de Khatib al-Baghdadi, Paris, 1904.

Sauvaget (J.), *la Poste aux chevaux dans l'empire des Mamelouks,* Paris, 1941.

— *Morceaux choisis des historiens arabes,* Paris, 1946.

— *Introduction* à *l'histoire de l'Orient musulman,* Paris, 1961.

Schacht and Bosworth, *The Legacy of Islam,* Oxford, 1979.

Shaban (M. A.), *Islamic History, A New Interpretation,* Cambridge, 1976.

Sharon (M.), *Black Banners from the East,* Leyden, 1983.

Shimizu Makoto, «Les Finances publiques dans l'État abbasside», *Islam,* 1965.

Sourdel (D.), *le Vizirat abbasside,* Damas, 1960.

Sourdel-Thomine (J.), «Art et Société dans le monde de l'islam», *Revue des études islamiques,* 1968.

Suleyman, *Relation de la Chine et de l'Inde,* trad. Sauvaget, Paris, 1948.

Tibawi (A. L.), «Muslim Education in the Golden Age of the Caliphate», *Islamic Culture,* 1954.

Tibbetts (G. T.), «Arab Navigation in the Indian Ocean before the Entry of the Portuguese», *Journal of Royal Asiatic Society,* 1971.

Tritton (A. S.), *The Caliphs and Their Non-Muslim Subjects,* Oxford, 1930.

— «Sketches of Life under the Caliphs», *The Muslim World,* 1964.

Tuma (E. H.), «Early economie policies», *Islamic Studies,* 1965.

Tyan (E.), «L'idée dynastique dans le gouvernement de l'islam», *Journal asiatiq ue,* 1933.

Vasiliev (A. A.), *Histoire de l'Empire byzantin,* Paris, 1932.

— *Byzance et les Arabes,* Paris, 1928.

Vernet (J.), *Ce que la culture doit aux Arabes d'Espagne,* Paris, 1985.

Vilar (P.), *Or et Monnaie dans l'histoire,* Paris, 1978.

Watt (M.), *The Influence of Islam on Medieval Europe,* Edinburgh, 1972.

Werner (K. F.), *les Origines,* Paris, 1984.

Wiet (G.), «L'Empire néo-byzantin des Omeyyades et l'Empire néo-sassanide des Abbassides», *Cahiers d'histoire mondiale,* 1953.

— in *Histoire de la Nation Égyptienne* (G. Hanotaux.)

— *Grandeur de l'Islam,* Paris, 1961.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аарон 140
Аарон Александйский 305
Аббада 131
Аббас, дядя Мухаммеда 15, 34, 50, 60, 62, 85
Аббас ал-Ахнаф 73
Аббас ибн ал-Ахнаф 318
Аббас ибн Джафар 182
Аббас ибн Мухаммед 172
Аббас ибн Фахд 139
Аббаса 29, 130, 131, 132, 133, 215
Аббасиды 15–24, 29–32, 34, 38, 40, 43, 45, 49–51, 62, 66, 70, 81, 87, 89, 93, 103, 110, 112, 113, 115, 117, -122, 128, 134, 138, 143, -145, 149, 158, 160, 162, 163, 166, 179, 184, 185, 197–200, 202, 215, 221, 222, 226, 232, 236, 238, 245, 248, 297, 299, 300, 303, 307, 314, 322, 325, 328–330
Абд ал-Малик ибн Салих 12, 134, 179
Абд ал-Самад 80
Абд ар-Рахман ибн Джабала 209
Абд ар-Рахман ибн Муавия 16
Абда 67
Абдаллах (Мамун) 63, 66, 67, 75, 77, 116–120, 136, 139, 160, 163, 166, 168, 169, 198–201, 206–212, 214–217, 224, 235, 236, 260, 274, 294, 304, 305, 310, 322, 324, 326, 332
Абдаллах 15, 40, 115
Абдаллах Али 16, 18, 20
Абдаллах ибн Малик 190
Абдаллах ибн Хасан 134
Абдаллах, военачальник 209
Абдаллах, посол 155, 156, 160
Абдаррахман 1112, 113, 149
Абдаррахман ибн Рустам 108
Абдул Хасан 139
Абрахам бар Хийа 312
Абу ал-Фараби 30, 310, 329
Абу Бакр 7, 8, 52, 233
Абу Заккар 77, 123
Абу Ишак 190, 191
Абу Муслим (ал-Муканна) 15, 18–22, 27, 32, 84, 88, 331, 332

Абу Мухаммед 183
Абу Нувас 73, 74, 128, 314, 315, 316, 339
Абу Сулейман Фарадж 178
Абу Талиб 15
Абу Юсуф 80, 268
Абу-л-Аббас 15, 23
Абу-л-Аббас, слон 151–152, 153
Абу-л-Атахия 41, 73, 74, 168,
317 Абу-л-Даул 59
Абу-л-Фаради 192
Авиценна (Ибн Сина) 307, 310
Авраам 332.
Аглабиды 107, 109, 120, 184 Адам 331
Аделард Батский 313
Адрак 92
Азиза 62
Айюб из Эдессы 305
Айша 11, 52
Айюбиды 250
Ала ибн Мугхит 145
Александр Македонский 169, 303
Али ал-Рида 200, 215, 216, 217
Али ибн Абу Талиб 8
Али ибн Иса 80, 95, 113, 114, 185, 195, 196, 208, 296
Али ибн Муса ибн Махан 49, 207, 215
Али Сахл ал-Табрай 305
Али, халиф 10, 11, 13–15, 21, 30, 80, 89, 90, 95, 103, 111, 115, 136, 197, 211, 226, 233, 255 Ал иды 21, 22, 30, 31, 51, 78, 89, 90, 95, 110, 111, 115, 134–138, 158, 202, 215, 216
Алкуин 298
Аллах ибн Мухаммед 80
Альфонс Мудрый 313
Альхазен (Ибн ал-Хайсам) 307
Амат ал-Азиз 37
Амин 44, 63, 77, 117, 118, 119, 120, 125, 136, 137, 160, 198, 200, 205–215, 224, 225, 228, 260
Амины 79
Аммиан Марцелин 163
Амр ал-Ас 8
Андроник Дука 170
Анжуйская династия 311
Аристотель 301, 302, 304, 306
Аристофан 312
Аркульф 157

Архимед 312 Асма 30
Афридоний 167
Ахемениды 22
ал-Ахмар 44
Ахмед 209, 214
Ахмед ибн Маджид 294
Ахмед ибн Тулун 326
Ахсан 71

Б

Баклер Ф. У. 341
Бармак 32, 45, 52, 127, 128
Бармакиды 32, 33, 48, 68, 76, 78, 79, 85, 86, 90, 93–95, 101, 105, 114, 122–139, 175, 197, 201, 202, 204, 206, 224, 263, 304
Бартольд В. В. 340, 341
ал-Баттани 312
Башар ибн Бурд 318
Бейбарс 330
Бекташи 332.
Берта 274 Бидпаи 319
ал-Бируну (Алиборон) 307, 309
Бишр 242
Брейе Л. 340, 341
Бузург ибн Шахрияр 308
Буйиды 328

В

Валид ибн Тариф 91
Валид, омейядский халиф 168
Васильев А. А. 151, 169
Васко да Гама 294
Ватик 169, 170
Вийон Ф. 317
Вольтер 321

Г

Габриелли Ф. 321
ал-Газали (Альгазель) 310
Газневиды 139, 326
Гален 302, 305, 306
Гао Сяньчжи 279

Гарманн Славянин 312
Георгий 155
Георгий, епископ 302
Герард Кремонский 312
Герберт (Сильвестр II), математик 312
Геродот 163
Гиппократ 302, 305, 312
Гитрифа 62
Гогенштауфены 311
Гомер 313
Григорий II 142

Д

Даниэл де Морли 312
Дауд ибн Иса 190
Джабир (Гебер) 300
Джафар 27, 29, 38, 40, 49
Джафар ал-Бармаки 45, 46, 48, 52, 75–79, 93, 119–136, 139, 202, 224, 279, 304
Джафар ал-Мансур 18–22, 25, 27–30, 49, 50, 53, 54, 62, 70, 79, 85, 97, 104, 121, 145, 172, 215, 218, 220, 222, 223, 232, 237, 304, 331, 332
Джахиз 252, 259, 314, 320–323
Джашияри 99
Джибрил 80, 303, 305
Джорансен Э. 340
Дидьера 146
Дикал-Джинн 317
Диниш 313
Дионисий Теллмахрский 81, 83
Диоскорид 169
Дирар 170
Дхатал-Хал (Родинка) 64

Е

Евклид 304–306, 312, 313
Евфимий 170
Елена 150
Ефрем 301

Ж

Жерар де Нерваль 139
Жерон 147-148

З

Зайд ибн Али 63, 255
Зайят 235
Зарара ибн Мухаммед ал-Араби 133
Захария 152
Зейдиты 31
Зенон 302
Зирьяб 113
Зороастр 331
Зубайда 29, 36, 62–69, 77, 80, 86, 116, 118, 125, 131, 132, 135, 136, 138, 201, 203, 205, 206, 228, 236, 245
Зубайда бинт Мания 125-126

И

Ибн ал-Адим 300, 304
Ибн ал-Джурзи 192
Ибн ал-Мукаффа 319, 322
Ибн ал-Надим 323
Ибн Бахтьяш 303
Ибн Джами 193
Ибн Дибил 317
Ибн Кутайба 321, 322
Ибн Нувайрах 52
Ибн Сина 312
Ибн Табатабе 136
Ибн Тиктака 273, 276
Ибн Фадлан 308
Ибн Халдун 7, 77, 101, 104, 132, 276, 279
Ибн Халликан 260
Ибн Хурдадбех 308
Ибрагим 202
Ибрагим II 107
Ибрагим ал-Закийа 21, 22
Ибрагим ал-Мавсили 64, 71, 72, 74, 75, 77
Ибрагим ал-Махди 77, 249
Ибрагим ал-Харрани, визирь Хади 52
Ибрагим ибн ал-Аглаб (Ибрагим I) 104–107, 153, 154
Ибрагим ибн Джибрил 183
Ибрагим, сын Махди 30, 73, 215, 216

Идрис I 111
Идрис II 111
Идриссиды 112, 120
Израиль 227
Иисус 332
Икшиды 326
Имран 139
Инан 64
Иоанн Синкел 168
Ираклий 9
Ирина, императрица 154, 166, 170, 175–179, 181, 189
Иса ибн Зайд 31
Иса ибн Муса 27, 53
Иса, сын Махди 29
Исаак 151, 152, 153
Исиды 31
Иуда 159
Исхак 61, 72, 75, 190, 191, 205, 252
Исхк ал-Турки 331

Й

Йезди 33
Йездигерд III 8

К

Каатис 170
Каллиник 163
Калмет Ж. 341
Карл Анжуйский 311
Карл Великий 101, 102, 107, 140, 142, 144–161, 179, 181, 204, 205, 263, 274, 298, 339-341
Карломан 146
Каролинги 144, 145, 162, 164, 341
Касим 114, 121, 182, 198, 207
Касиф 182
ал-Кахир 329
Квондамир 32
Кеннеди, историк 210
ал-Кинди 236, 310, 312
Кирилл, епископ Александрии 301
ал-Кисаи 44, 116
Кляйнклаус 341

Константин 141, 150
Константин V 27
Константин VI 169
Константин Багрянородный 55
Константин, купец 311
Константин, сын Ирины 175, 179
Корайш 214
Кресвелл К. А. С. 53
Курб 170
Кутайба 12

Л

Ла Брюйе 321
Лантфрид 151
Лев III Исавр 141, 142, 148, 163, 169, 175, 274
Лев IV 172, 175
Лев, геометр и астроном 169
Леонард из Пизы (Фибоначчи) 311
Ломбар М. 261
Людовик XIV 203
Людовик Благочестивый 147, 160
Людовик Немецкий 298
Людовик Святой 262
Люциан 321

М

Маврикий 172
Маккари 128
Мамуна 30
Мансур Немри 127
Манфред 311
Мараджил 40, 63, 116
Марида 63
Мария Армянка 179
Маслама 141, 163
Масрур 66, 123, 124, 126, 129, 132, 198
Массиньон Луи 168
Масуди 17, 33, 36, 44, 47, 65, 71, 117, 121, 127, 130, 132, 133, 135, 190, 191, 201, 211, 212, 242, 248, 273, 308, 316, 339, 343
Махмуд Газневи 309, 328–329
Мелик Шах 32
Мерван ибн Хафсан 73, 97 176

Мерван, халиф 15
Мехмед II 162
Михаил III 169
Михаил Скот 311
Моисей 332
Мольер 321
Мосули 42, 73
Мохаллед ибн Хусейн 190
Муавия 11, 12, 103, 166, 167, 175, 300
Муваффак 273, 325
Мукадаси 218, 225, 290, 309
Муктадир 56, 139, 171, 255
Муктафи Биллах 274
Мунтасир 170, 325, 330
Муса ал-Касим 90, 94, 136
Муса ибн Шакир 306
Муса Исмаил 90
Муса, сын Амина 208
Муса, сын Махди 29
Муса, сын Яхьи ал-Бармаки 79, 122, 125, 139
Муслим ибн Валид 317
Мустаин 325
Мустакси 327
Мутавакил 60, 67, 71, 168, 246, 273, 324, 334, 338
Мутадид 171, 260
Мутазз 325
Мутамид 325
ал-Мутаннаби 329
Мутанасир 275
ал-Мутасим 98, 324, 330
Мутасим 260, 332, 333
Мухамирр 32
Мухаммед, пророк 7, 10, 13, 14, 18, 21, 34, 43, 49, 52, 59, 89, 110, 111, 140, 166, 214, 215, 226, 227, 233, 237, 255, 259, 300, 309, 310, 321, 332
Мухаммед ал-Махди 26–37, 43, 44, 49, 51, 54, 56, 60, 61, 67, 70, 73, 85, 90, 113, 117, 121, 131, 163, 172–178, 215, 221–224, 247, 256, 258, 317, 318, 337
Мухаммед ал-Мукатил 105
Мухаммед ибн Али 215, 218
Мухаммед ибн Исмаил 90
Мухаммед ибн Ихья 139
Мухаммед ибн Халид 79, 95, 124, 135
Мухаммед Нафс ал-Закийа (Мухаммед Чистая Душа) 21, 22,

30
Мухаммед Сакара 242
Мухаммед, сын Яхьи ал-Бармаки 79, 125, 126
Мухаммириты 88
Мухтади 170
Мухтар 14

Н

Навбакт 316
Навбахт (Якуби) 23, 25, 218, 219, 223, 224, 278, 281, 285, 308, 333
Налка 30
ал-Насир 329
Несторий 301, 302
Низам ал-Мулк 32
Никита, византийский военачальник 176
Никита, патриций 155
Никифор 166, 168, 181–185, 193, 194
Ной 332
Ноткер 154

О

Омар II 169
Омар ибн ал-Хаттаб 7, 8, 166, 233, 268
Омар ибн Махран 86
Омар ибн Хафс 104
Омар Хайям 307
Омейя 11
Омейяды 10–17, 21–23, 31–34, 43, 54, 56, 70, 85, 88, 91, 98, 103, 104, 112, 115, 143–145, 149, 157, 162, 166, 175, 195, 205, 241, 243, 260, 267, 273, 276, 279, 291, 300, 303, 312, 335
Осман ибн Аффан 8, 10, 62, 233

П

Павел Эгинский 305
Пипин 142, 144
Пипин Короткий 145–146
Платон Тиволийский 312
Поквиль 340
Профаций 312
Птолемей 305, 306, 312

Р

Раби ал-Юнус 27, 36, 37, 79, 174, 175
Радбет 155
Радинос Иоанн 55
ар-Рази 307, 311, 312
Рансимен С. 340, 341
Рафи ибн Лайт 195, 196, 199, 207
Рахим 29
Рашид 111, 116, 130
Роберт Честерский 312
Родерих 13
Ротруда 179
Рустамиды 108, 109

С

Сайид 226
Сайф ад-Даула 329
Салих 200
Салих ибн Абд ал-Куддус 250
Салм ал-Кашир 73, 127
Салсал 29, 62
Саманиды 139, 326, 329
Санбад Маг 84
Сасаниды 8, 22, 23, 70, 162, 172, 221, 233, 238, 248, 266, 271, 291, 304
Саффариды 326
ал-Саффах 15, 18, 19, 20, 23, 27, 172
Селевк II Каллиник 96
Селим I Грозный 330
Сигизмунд 151
Сильвестр II 312
Симон Тайбутский 305
Синдбад Мореход 261, 289, 293
Сиф 332
Сихр 64
Сулейман ал-Израили 249
Сулейман Великолепный 202, 203, 237, 262, 330
Сулейман ибн Абдел Малик 175
Сулейман ибн ал-Араби 147
Сулейман, купец 308
Сулеман ибн Халид 174

Сун 291
Сюань Цзян 32

Т

Табари 16, 28, 39, 52, 78, 85, 122, 126, 129–133, 176, 177, 182, 195, 199, 210, 211, 308, 339
Талибиты 226
Тамерлан 301, 330
Тан 295
Тарик ибн Зийяд 13
Тахир ибн Хусейн 207, 209, 210, 213, 214, 217, 326
Тахириды 120
Тацат 170
Тиббон 312
Тимуриды 32
ТитЛивий 163
Токсарас Михаил 55
Траян 291
Тулуниды 335
Тутанхамон 284

У

Улайя 64, 73, 129, 205, 247
Умм ал-Фадл 215
Умм Иса 208
Умм Мухаммед 62
Умм Хабид 215
Устади 84

Ф

Фабас 190
Фадл ал-Бармаки 46, 48, 76, 78, 89, 90, 93–95, 105, 111, 117, 119, 122, 125–127, 129, 134–137, 202, 279
Фадл ибн ал-Раби 52, 79, 101, 119, 133, 135, 137, 197, 198, 200, 206, 207
Фадл ибн Навбакт 305
Фадл ибн Сахл 202, 208, 215, 216, 235
Фатима 10, 255
Фатимиды 265, 285, 326, 329
Феликс 155
Феодор Антиохийский 311

Феофан 176
Феофил 169
Фома Аквинский 310
Фома, патриарх Иерусалимский 155
Фридрих II 311
Фуке 77
Фукидид 163

Х

Хаджи Бекташ 332
Хади 35–41, 46, 48, 49, 52, 62, 70, 117, 133, 177, 222
Хайзуран 29, 30, 35–40, 47–52, 62, 69, 78, 86, 94, 229, 263
Хайлана 64
Хаким 265
Халид ибн Бармак 22, 33, 124, 174
Халид сын Язида I 300
Хамдан Вармат 325
Хамза ибн Адрак 91, 92
ал-Харит ибн Башир 249
Харсама ибн Айяна 40, 87, 90, 105, 124, 194, 197, 207, 209, 210, 213, 214
Хасан ибн Али 21, 89
Хасан ибн Ибрагим 30
Хасан ибн Кахтаба 172
Хасан ибн Сахл 66–67
Хасан ибн Халид 174
Хасан, визирь Муваффака 273
Хасан, сын Джафара ал-Бармаки 132
Хасана 30, 35 Хасаниды 30
Хатиб ал-Багдади 57, 221
Хашим 44 Хиджра 45
Хишам 12, 16, 67, 273, 274
Хишам ибн Фаркусров 114
ал-Хорезми 307, 312, 313
Хосров 172, 302
Хосров II 9
Хубайс 306
Хулагу 330
Хулла 30
Хунайн ибн Исхак 306
Хусейн 13, 14, 90
Хусейн 132
Хусейн ибн Али 110, 210

Ч

Чингисхан 330

Ш

Шабушти 257
Шагха 171
Шариф 226
Шарль Пел 321
Шикла 29, 30, 73

Э

Эйнхард 140, 156, 340
Элпидий 170, 174
Эпаминонд 24
Эрсибальд (Эрсанбальд) 151
Этьен II 142
Этьен Антиохийский 313

Ю

Юстиниан 141, 168, 267, 302
Юстиниан II 141

Я

Язид I 300
Язид ибн Мазьяд 49, 175, 176
Язид ибн Хатим 104, 105
Язид ибн Шайбани 91
Якуб 304
Якуб ибн Дауд 31
Яхья ал-Бармаки 33, 36–40, 45–49, 52, 63, 76, 79, 85, 86, 94, 95, 114, 119, 122, 124–127, 131, 135, 137, 138, 174, 197, 224, 304
Яхья ибн Абдаллах 89, 90, 94, 110, 134, 136
Яхья ибн Ашатли 195, 196

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ

А

Англичане 313
Англосаксы 297, 298
Ансар 222
Арабы 7, 9, 11–15, 17, 46, 87, 93, 102–104, 111, 112, 138–144, 163, 169, 170, 176–184, 192, 222, 228, 244, 259, 265, 268, 279, 282–286, 292, 294, 301, 304, 313, 314, 318, 320, 325
Армяне 9
Африканцы 102

Б

Банту 297
Бедуины 151
Берберы 13, 87, 102, 108, 109, 111, 244, 266, 297
Булгары 163, 172

В

Вавилоняне 227
Вестготы 13
Византийцы 8, 11, 17, 144, 163–166, 172, 173, 177, 178, 180, 183, 188, 261, см. тж. греки

Г

Германцы 298
Греки 12, 17, 25, 64, 96, 148, 152, 161, 163, 169, 171, 177, 178, 189, 190, 192, 194, 221, 228, 245, 248, 297, см. тж. византийцы

Д

Дейлемиты 46

Е

Евреи 9, 142, 151, 152, 165, 238, 284, 286, 288, 298, 306, 320, 325
Египтяне 102, 261

И

Индийцы 78, 172, 286, 294, 301
Иранцы 15, 32, 92, 138, 209, 301
Итальянцы 288, 298

Й

Йемен 222

К

Каланджийцы 297
Карлуки 143
Китайцы 12, 143, 279, 294
Копты 9, 87, 284
Курейш 222

М

Марагиане 297
Мидяне 227

Н

Нубийцы 297

О

Огузы 143
Османы 229

П

Парфяне 23
Персы 11, 108, 109, 163, 172, 229, 244, 261, 284, 286, 294, 301, 319, 325, 332

Р

Римляне 248

С

Саксы 146
Сенегальцы 297
Сирийцы 11, 20, 261
Славяне 172, 176, 184, 245, 297
Сомалийцы 297

Т

Такуриане 297
Татары 297
Турки 332
Турки-сельджуки 329
Тюрки 46, 94, 102, 244–245, 296, 298, 320, 324, 326

Ф

Франки 147, 149, 161, 297

Х

Хазары 26, 143, 172, 297
Хорасанцы 20

Ч

Черкесы 297

Э

Эфиопы 297

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абадан 278
Аббасидская империя 22, 184–185, 230, 254, 261
Аврес 266
Адан 172
Адас (Хадас) 178, 179
Адат 194
Аден 287
Аджнадайн 8
Азербайджан 45, 86, 91, 178, 197, 297, 299, 326
Айнзерб 179
Аквитания 147
Алекандрия 8, 302
Алеппо 151, 178, 266, 328, 329 Алжир 106, 108, 265
Альмерия 313
Амальфи 288, 299
Аморий 173, 179–180, 304
Аназарб 189
Анатолийское нагорье 184, 291
Анатолия 121, 175, 176, 180–185, 186, 220, 269, 283, 332
Ал-Анбар 17, 23, 122, 290
Англия 299
Андалус 112
Андалусия 16, 112, 128, 267, 279, 281
Анкира (Анкара) 180, 183, 194, 304
Антиохия 303, 333
Антитавр 174
Аравийский полуостров 270, 301
Аравия 8, 270, 309
Арль 298
Армения 35, 45, 91, 173, 178, 228, 241, 266, 267, 272, 278, 290, 297, 338
Асуан 291
Атлантический океан 13, 102, 266, 271
Атлантическое побережье 299
Атлас 266
Афганистан 113, 271, 326–328
Афины 219, 335
Африка 13, 151, 164, 250, 279, 287, 297
Ахваз 74, 218, 278, 343

Ахен 147, 149, 150, 152, 160, 341
Ахурамазда 331

Б

Баб ал-Амма ал Джахид 56
Баб-эль-Мандеб 102
Багдад 17, 18, 22, 24, 27, 34–36, 40, 43, 46, 52, 53, 55, 58, 59, 61, 66, 68, 73, 75, 77, 82, 86, 87, 90, 96, 98-101, 104, 106, 107, 109, 112–114, 118, 120, 124, 126, 135, 145, 148–151, 160, 167, 174, 177, 189, 194, 197–201, 204–260, 262, 264, 269, 271, 275, 277–292, 295–299, 303, 305, 308–310, 320, 324–330, 333, 336, 337, 340, 341
Базза 234
Бакдар 277
Бактрия 32, 303
Балканский полуостров 142, 220
Балкувара 334
Балтийское море 299
Балх 12, 32, 89, 135, 196, 295
Балхаш 143
Бамиан 90, 295
Барис (Испарта) 176
Барселона 145, 148, 312
Басра 9, 10, 21, 24, 46, 91, 107, 135, 139, 222, 234, 268, 271, 277, 281, 285, 286, 288, 292, 293, 309, 315, 320, 325, 333
Бассора 218
Бахрам 21
Бахрейн 219, 325
Берлин 341
Бир Мацюн 26
Ближний Восток 16, 17, 143, 169, 251, 262, 266, 268, 270, 272, 294, 313, 340
Большой Заб 16
Босфор 148, 176, 185, 186
Бретань 299
Бухара 12, 89, 135, 278

В

Вавилон 219, 239
Вавилон Египетский 8
Васит 218, 222, 223, 271
Вена 74
Венеция 181, 225, 298

Верден 298
Верхний Египет 291
Верхняя Месопотамия 261, 264, 290, 301
Верчелли 152, 153
Византийская Африка 13
Византия 20, 25, 45, 51, 81, 96, 97, 101, 102, 114, 140–144, 148, 149, 154, 160, 161, 163, 168–172, 176–181, 204, 205, 267, 271, 279, 295, 298, 302, 304, 311, 338, 341
Волга 297, 299
Волюбилис (Улил) 111
Восточное Средиземноморье 336
Восточный Иран 113

Г

Газна 328
Галиция 266
Ганьсу 295
Гаэта 299
Гелиополис 8
Гераклея (Эрегли) 64, 163, 182, 189, 190, 191, 193, 194
Герат 12, 63, 91
Германия 299
Гибралтар 13, 16, 162
Гильменд 291
Гиндукуш 271
Голгофа 150, 152
Гренада 312
Греция 176, 313, 338
Гундешапур 302, 303, 306, 309
Гур (совр. Фирузабад) 24
Гурган 35, 199, 299, 331

Д

Дабик 56, 275, 278
Дай ал-Аттик 237
Дальний Восток 143, 162, 219, 284, 292, 294, 308
Дамаск 8, 11–12, 15–17, 20, 73, 139, 168, 219, 220, 241, 271, 279, 280, 284, 292
Дамиетта 266
Дар эл-Халифа 225
Дараджберд 24
Дейлем 30, 89, 111, 134, 326, 328

Джабал 219
Джазира 16, 91, 96, 178, 290
Джаусак ал-Хакани 333
Джедда 287, 291
Джейхан 135
Дийяр Рабий 219
Днепр 299
Дон 143, 299
Дорилея (совр. Эскишехир) 173, 180, 190, 194
Дунай 141, 298
Дхул-Кила 190, 193

Е

Евфрат 11, 23, 96, 98, 151, 178, 193, 218, 219, 251, 266, 283, 286, 290
Египет 8, 9, 11, 16, 27, 76, 84, 86, 87, 106, 111–113, 150, 151, 219, 262, 264, 266–270, 279–290, 297, 300, 326, 330, 335, 336

З

Загрос 96
Западная Сахара 265
Западная Персия 8
Западный Иран 78, 87, 96, 267, 280
Западный Магриб 13
Зибатр 179

И

Иберийский полуостров 113, 145
Иераполис 179
Иерусалим 8, 9, 149, 150–153, 158, 159, 171, 219, 259, 340, 341
Икония 190
Иллирия (Далмация) 142, 155
Инд 12, 102, 295
Индийский океан 144, 285, 286, 290, 291, 294
Индия 17, 32, 71, 140, 144, 151, 163, 198, 219, 239, 266, 270, 271, 279, 280, 287, 292, 293, 295, 296, 301–304, 308, 309, 313, 329, 338 Индокитай 285
Индонезия 294
Иосафат 159
Ирак 9, 13, 17, 20–24, 91, 109, 110, 155, 209, 217, 225, 227,

265, 266, 268, 269, 277, 284, 308, 325, 331 Иран 8, 10, 15, 21, 23, 24, 71, 84, 89, 93, 94, 114, 222, 256, 262, 264, 266–272, 281, 285, 286, 301, 302, 313, 314, 319, 329, 336
Иранское нагорье 12, 219, 295
Иса 290
Исабадх 36
Искендерон 174, 178
Испания 13, 27, 105, 109, 112, 113, 139, 144, 145, 147, 149, 154, 161, 265, 266–271, 277, 283, 287, 298, 312, 313, 319, 335
Исфахан 219, 241, 251, 328
Италия 74, 141, 142, 146, 148, 155, 180
Итиль 297
Ифрикия 104–108, 113, 153, 265, 269, 277, 285, 288, 298, 311

Й

Йемен 29, 92, 113, 202, 223, 280, 335, 339

К

Кааба 119, 120, 122, 129, 134, 208
Кабул 12, 90, 272, 295
Кавказ 280
Кадисийя 8, 233
Казарун 278
Каир 8, 220, 328, 329, 330
Кайруан 13, 27, 87, 104–111, 153, 275, 299, 337
Калабрия 142
Калла 286
Камбоджа 292
Канфу (Кантон) 292, 293
Каппадокия 179, 182, 190
Ал-Карар 205, 213
Ал-Каркх 26
Кармасйна (Керманшах) 206
Карфаген 266, 311
Карх 211, 213, 223, 224, 225, 237
Каспийское море 30, 59, 89, 92, 111, 259, 262, 266, 267, 282, 299, 308, 328
Каср ал-Кадим (Аббассийя) 107
Касрат Тин 135
Кашан 239
Кашгар 12, 295
Кербел 13, 14, 90

Керманшах 295
Кесария 180, 190
Киев 143, 299
Киликия 178
Кипр 172, 184
Кирман 91, 120
Китай 128, 143, 272, 277, 281, 285, 291–296, 300, 301, 307
Коимбра 313
Колзум 291
Константинополь 9, 12, 51, 97, 140, 141, 143, 145, 148, 149, 152, 154, 162, 166–169, 173, 175–177, 184, 205, 220, 301, 304
Кордова 13, 113, 149, 280, 313
Кордовский эмират 142, 161
Корея 292
Красное море 87, 283, 285, 287, 291
Красос 183
Ктесифон 8, 23, 25, 219
Куббат ал-Хадра 213
Кум 92
Курдистан 326
Куркуб 278
Курра (Коррон) 182
Куфа 9, 10, 13–15, 17, 21, 23, 24, 28, 92, 222, 223, 271, 277

Л

Ламос 166
Лесбос 181
Ливан 271
Лигурия 151
Лион 298
Лиссабон 299
Лиссабонский университет 313
Луара 162
Лукин (Ханой) 292
Лунель 312

М

Мавераннахр 84, 88, 111, 113, 162, 266, 278, 329, 331, 332
Магида, крепость 176
Магриб 103, 111, 112, 128, 164, 219, 265, 266, 267, 288
Мазендеран 241
Майнц 143

Майорка 313
Македония 172, 176
Макран 292
Малабар 292
Малабарское побережье 292
Малага 313
Малайзия 285
Малаккский пролив 292
Малая Азия 26–27, 180, 185, 219
Малый Заб 16
Манджапур (Мангалор) 292
Мантинея 24
Мараш (Германикея)172, 173, 178
Марокко 109, 265, 277, 279, 280
Марсель 312
Маскат 287, 292
Массис 173
Ал-Махдия 174
Медина 7, 10, 21, 31, 61, 89, 110, 259, 291, 302
Мекка 27, 28, 29, 49, 50, 110, 119, 120, 129, 131, 203, 206, 255, 287, 291, 304, 309
Мелитена (Малатья) 172, 173
Мембидж 179
Мерв 8, 15, 114, 196–199, 206, 215, 216, 269, 271, 278, 304, 331
Мертвое море 265
Месопотамия 8, 92, 201, 213, 219, 225, 232, 238, 262, 264, 265, 269, 281, 283–285, 287, 290, 292, 303, 336
Мец 145
Мешед 200
Мзаб 108
Миссис 179
Монастир 104, 105
Монпелье 313
Мосул 24, 72, 86, 96, 219, 222, 278, 290
Мраморное море 180, 181
Муканна 202
Мултан 12, 295

Н

Нарбон 144, 298, 299
Нехавенд 8
Нижний Ирак 265, 282

Нижняя Месопотамия 17, 96, 261, 265, 266, 290
Никея 141, 180
Никомедия (Измит) 176
Нил 102, 265, 272, 276, 290, 291
Нисибин 91, 301, 302
Нишапур 15, 92, 278, 295, 328, 329, 335
Нойон 146
Нуманийя 278

О

Оке (Амударья) 12, 162, 291, 295
Оман 219, 286, 287, 292
Оронт 267, 269
Османская империя 237, 262

П

Падеборн 147
Палестина 8, 16, 157, 158, 265–267, 287, 340, 341
Парасельские острова 292
Париж 220
Патры 184
Пелопоннес 176, 184
Пенджаб 327
Персидский залив 240, 283, 285, 291, 293, 294
Персия 17, 88, 92, 98, 222, 277, 282, 283, 284, 301, 319
Пиза 288
Пиренеи 145, 147
Порто Венере 151
Португалия 312, 313
Прага 298
Приен 180
Принкипо, монастырь 181
Пропонтида 185
Пуатье 144, 162

Р

Равен 135
Ракка 96-101, 107, 114, 115, 118, 122, 124, 125, 151, 160, 180, 182, 193, 194, 198, 205, 217, 219, 269, 337, 340
Ал-Раккаба 107
Рейй (ал-Мухаммедия) 28, 29, 42, 78, 110, 114, 121, 199, 207,

209, 295, 297, 331
Рейн 298
Ренания 151
Рим 102, 142, 152, 219, 335, 341
Римская империя 142, 180
Рона 287, 298
Ронсельванской ущелье 147
Россия 143, 285
Ал-Русаф 52, 53, 222, 224, 243

С

Савад 82, 216, 333
Сайгон 292
Саксония 146
Салерно 299, 311
Самалу 174, 193, 257
Самарканд 12, 196, 279
Самарра 53, 98, 168, 239, 269, 275, 290, 324, 325, 332, 334–337
Самосат 172
Самсун 180
Санабад 200
Санкт-Галлен 154, 155, 156, 158, 340
Санф 292
Сарагоса 145, 147
Сарандиб 292
Сасанидская империя 9, 33, 103
Сафсаф 183
Сахаб 222
Сахара 109, 285
Северная Африка 13, 16, 18, 84, 87, 91, 103, 105, 108, 150, 153, 266, 299
Северная Италия 153, 220
Северная Месопотамия 121
Северная Монголия 143
Северная Сирия 92, 326
Севилья 113, 313
Сеговия 312
Сеистан 91, 120, 251
Сейхан, река 174, 179
Селевкия 219
Сен-Дени 145
Сен-Саб 152

Сиди Окба 107, 337
Синай 87
Синан (Синасос), крепость 182
Синд 56, 139, 252, 292
Синьцзян 295
Сион 152, 153
Сираф 286, 287, 292, 293
Сирия 8, 11, 17, 18, 20, 24, 28, 76, 79, 84, 87, 91, 93, 104, 113, 150, 151, 163, 173, 178, 213, 219, 228, 262, 265–271, 277–279, 281, 283–285, 287, 303, 326, 333, 335
Сирия-Авасим 198, 207
Сиффин 11, 90
Сицилия 142, 154, 174, 265, 277, 279, 311
Согдиана 63, 196
Сона 298
Сохар 287
Средиземное море 12, 140, 142, 143, 164, 265, 283, 308
Средиземноморье 17, 114, 143, 219, 245, 265, 267, 283, 289, 294.303.310
Средний Восток 262, 268, 270, 272.301.310
Стамбул 219, 330
Суассон 146
Судан 109, 285, 291, 297
Сузиана 265
Суматра 292
Сунбад 331
Сусс 104, 107
Сфакс 104, 107

Т

Табаристан 56, 89, 241
Тавадж 278
Тавр 51, 97, 100, 102, 174, 178, 194
Ал-Тадж 53, 243
Таиф 61
Такла-Макан 295
Талас 295
Таласская битва 12, 143, 162, 279
Тан 143
Танжер 110
Тарим 143
Таре 166, 178
Татария 128

Ташкент 295
Тегеран 28
Телль 266
Тиана 190
Тибет 296
Тивериад 279
Тигр 23, 26, 39, 43, 52, 53, 65, 132, 134, 218, 219, 222, 224, 226, 240, 251, 255, 257, 260, 264, 283, 290, 318, 324, 333
Тикрит 277, 290
Тинис 266, 276, 278
Тифлис 26
Тихерт (Тиарет) 108, 109, 111, 113
Тлемсен 13, 104
Толедо 13, 280, 313
Тохаристан 196
Трансоксиана 120, 196
Трапезунд 166
Триполи 104
Триполитания 91, 105, 139
Туат 139
Тунис 106, 107, 265, 266, 276, 299
Туркестан 12, 266, 338
Турфан 295
Туе 199, 200, 206, 217
Тянь-Шань 12, 102, 143

У

Убулла 218, 277, 281, 286
Укхайдир 53
Ал-Умр 122, 132, 188
Урал 143
Ургюп 179, 182
Ушну 178

Ф

Фарс 91, 120, 218, 267, 278
Фасса 278
Фаюм 265, 277
Фебасу 183
Фергана 12, 197
Фес 110, 111, 112
Фирдоуси 329

Фирман 91
Фландрия 220
Фракия 172
Франция 262, 268, 340
Фригия 180, 183
Фустат 9, 87, 107, 240, 271, 291, 299

Х

Хагматан (Эктабаны) 24
Хадас 173
Хазимен 330
Хамадан 120, 209, 219, 295, 331
Хамадхани 322
Хан ал-Хайл 56
Ханакин 219, 295
Харир 322
Харран 279, 303
Харсам 80
Харуния 179
Хатр 24
Хауф 87
Хафир 277
Ал-Хашимия 23
Хеджаз 11, 31, 65, 92, 223
Херакл 193
Ал-Хира (Южный Ирак) 241, 278
Хисн ас-Сакалиба (Анаса Калеси) 190
Хисн Сина 193
Холван 209
Хорасан 8, 15, 28, 35, 42, 78, 80, 84, 87, 88, 90–92, 94, 95, 105, 111, 113, 114, 117, 119–121, 136, 138, 139, 185, 194, 195, 197–199, 203, 205, 207–209, 215, 219, 223, 228, 262, 266, 267, 269, 270, 272, 275, 277, 279, 295, 296, 304, 326, 331, 336
Хорезм 299
Хотан 295
Хрисополь (Ускюдар) 176
Хузистан 251, 265, 278
Ал-Хулд 26, 52, 53, 76, 96, 135, 213
Хумайм 20
Хэнань 295

Ц

Цейлон 285, 291, 292
Центральная Аравия 64
Центральная Италия 164
Центральная Персия 8
Центральный Магриб 13, 109, 265

Ч

Чад 297
Черное море 180, 298, 299

Ш

Ал-Шаммасия 224, 238
Шериф 112
Шираз 265, 328
Ширван 326

Э

Эгейское море 180
Эдесса 8, 301
Эфес 169, 180, 301

Ю

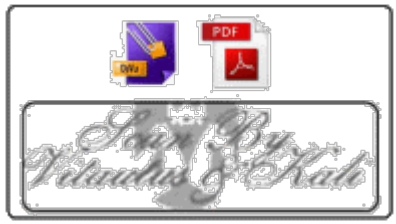
Южная Аравия 234
Южная Италия 154, 164, 298, 311
Южный Иран 286

Я

Ява 292
Яксарт (Сырдарья) 291
Ямама 219
Япония 143
Яркенд 295
Ярмук 8

Благодаря сборнику арабских сказок «Тысяча и одна ночь» Харун ар-Рашид (763–809) стал едва ли не самым известным правителем мусульманского мира. Однако личность Харуна и реальные события, происходившие в его царствование, как правило, оставались в тени его сказочного прототипа. Книга французского востоковеда Андре Кло призвана показать читателям истинное лицо легендарного халифа. Если большинство читателей знает Харуна ар-Рашида как изнеженного и капризного государя, наслаждающегося жизнью в окружении наложниц и музыкантов в своем багдадском дворце, то реальность совсем иная: с самого детства Харун был вынужден бороться за жизнь и власть. Младший сын халифа Мутасима и йеменской рабыни, он с трудом уцелел в правление своего старшего брата. Став халифом, Харун столкнулся с множеством трудностей: в наследство от предков ему досталось неулаженные споры между потомками пророка Мухаммада, притязавшими на власть, религиозные распри между суннитами и шиитами. Огромную мусульманскую империю, населенную самыми разными народами, нелегко было удержать в повиновении. Но трудности лишь закалили характер Харуна: своим современникам он был известен прежде всего как удачливый военачальник, успешно воевавший с Византийской империей и железной рукой подавлявший внутренние мятежи. Халифу также пришлось лавировать среди хитросплетений дворцовых интриг: заподозрив в измене семейство Бармакидов, верой и правдой служившее ему с самого начала его правления, Харун без колебаний отправил его на эшафот. Впрочем, этот портрет был бы неполон, если бы автор биографии не вспомнил роль Харуна как покровителя искусства и науки. Именно этот халиф дал мощный толчок для культурного развития Багдада, который при нем стал самым густонаселенным городом мира. При Харуне столица халифата познала стремительный экономический рывок: купцы и мореходы посещали крупнейшие рынки Европы и Азии, превратив Багдад в экономический центр мира.

ISBN 978-5-91852-017-8



notes

Примечания

1

Первые четыре халифа именуются праведными, рашидун, «правильно-ориентированными», «идущими правым путем», в отличие от своих преемников, которых принято обвинять в том, что они поставили государственное устройство на службу личной выгоде или интересам своих семей. Четыре праведных халифа — это Абу Бакр (632–634 гг.), Омар ибн ал-Хаттаб (634–644 гг.), Осман ибн Аффан (644–656 гг.), Али ибн Абу Талиб (656–661 гг.). Впоследствии Харун также получил прозвище Рашид.

2

Омейяды называются так по имени Омейи, общего предка Османа и Муавии.

3

Эпоха Откровения получила завершение в лице Мухаммеда, Печати пророков. Началась эпоха Обращения (валайят), на протяжении которой друг друга сменяют те, чья миссия предполагает истолкование тайного смысла Откровения и руководство верующими в духовной жизни.

4

Аббас, брат Абдаллаха (отца Мухаммеда) и Абу Талиба (отца Али), никогда не играл заметной роли в начале проповеди ислама. Впоследствии он получил задание обеспечивать пищей паломников, что позволило ему обрести некоторое богатство.

5

Черные знамена, развевавшиеся над головами Аббасидов, ранее уже использовались в качестве символа религиозного восстания другими противниками Омейядов. Кроме того, они несли в себе мессианский смысл и означали, что надежды, пробуждаемые протестами против искажений и несправедливости, сбудутся. Черный стал цветом аббасидской революции.

6

Возможно, это слово означает «Проливающий кровь».

B. Lewis, Les Arabes dans I'Histoire.

8

Город мира был не первым круглым городом в истории. Вспомним о Хагматане (Эктабанах) в Иране, построенном в VIII в. до н. э., Мантинее, построенной Эпаминондом в 370 г. до н. э., Ктесифоне и Хатре (Ирак), Дараджберде (Иран) и Гуре (современный Фирузабад, Иран).

9

Сооружение «Круглого города» обошлось в 4 миллиона динаров (при первых Аббасидах 1 динар равнялся 4, 55 г золота).

10

Сторонники Омейядов объединялись вокруг символов красного цвета.

11

Согласно Низаму ал-Мулку, визирю сельджукского султана Мелик Шаха (XI в.), в роду Бармакидов переходил от отца к сыну пост визиря персидского царя. Квондамир, хронист эпохи Тимуридов (XV в.), называет их даже потомками этих самых царей. В действительности наименование «бармак» первоначально было титулом настоятеля буддийского монастыря (D. Sourdel).

12

Сюань Цзян, китайский монах, отправился в Индию, чтобы изучить священные книги буддистов.

13

Цит. по: C. Scheffer. Chrestomathie persane.

14

По Масуди, op. cit.

15

По Табари, op. cit.

id., ibid.

Это разрешение наказывать с суровостью было не просто фигурой речи. Юных принцев секли, причем порой без всякого снисхождения.

18

Историк Ибн Тиктака повествует, что однажды Саффах сказал Халиду: «Халид, ты не будешь доволен, пока не сделаешь меня своим слугой». Халид испугался: «Как же так, о Повелитель правоверных, это я твой слуга и раб». Тогда Саффах ответил ему со смехом: «Моя дочь Райта и твоя дочь спят вместе в одной кровати. Когда я проснулся ночью, я увидел, что их покрывало упало на пол, и я снова укрыл их». Халид поцеловал руку Саффаха: «Господин получает плату от своего служителя и своей служанки!..

19

На страницах этой книги читатель будет встречать цитаты из «Тысячи и одной ночи». Эти прославленные сказки, главным образом, те, в которых действие разворачивается в Багдаде или Басре, представляют собой на удивление надежный исторический источник и очень верно отражают жизнь и атмосферу великой эпохи арабо-мусульманской цивилизации.

То есть, в основном, ответственных за казну и канцелярию.

21

По Масуди.

22

В то же самое время еретики-христиане видели в доктринальных разночтениях повод для того, чтобы яростно оспаривать авторитет ислама.

Cp. D. Sourdel, Le Visirat Abbasside.

24

От ал-Хулда ничего не осталось, но в Укхайдире, примерно в 200 км от Багдада, еще и сегодня существуют руины крепости, без сомнения, построенной во второй половине VIII в. По мнению археолога К. А. С. Кресвелла, он принадлежал Исе ибн Мусе, племяннику Саффаха и Мансура. Длина стен этой крепости, защищенной четырьмя угловыми башнями, составляет 175 м x 169 м, а площадь самого дворца достигает 9000 кв. м. В архитектуре Укхайдира древние традиции арабского и омейядского Востока сочетаются с недавним сасанидскими влияниями. Тронные залы соответствуют сложному церемониалу, который требовал чуть ли не обожествления халифа, и становились все более роскошными. Несколькими десятилетиями позже новые дворцы Багдада (Русаф, ал-Тадж), а главное Самарры, строились как колоссальные архитектурные ансамбли. (Ср. Приложение 2, стр. 332).

25

Мы не располагаем указаниями на существование во дворце Харуна ар-Рашида зверинца, но вполне возможно, что, по примеру Омейядов, и он сам, и его отец Махди держали диких животных.

26

По Хатибу ал-Багдади, Introduction a l'histoire de Bagdad.

27

Эта династия, происходившая из района Каспия, фактически правила в Багдаде с 945 по 1055 г. Ср. стр. 328.

28

У Мамуна было десять жен, у Махди шесть и, по меньшей мере, столько же дочерей. У Харуна было четырнадцать сыновей, а что касается дочерей, то нам известны имена четырех.

29

Харун поклялся своему брату никогда не жениться на Гхадир. Она принесла ту же самую клятву, но не успело пройти и месяца после смерти Хади, как они поженились. Однажды, когда Гхадир спала, она внезапно в ужасе проснулась. Ей приснилось, что Хади упрекает ее за брак с Харуном и говорит ей: «Когда придет утро, ты присоединишься ко мне». Через час она умерла.

Мы вернемся к теме тканей в главе VIII, стр. 272.

31

Халиф Мутавакил однажды дал 200 динаров одному из своих надимов, который приготовил отличное угощение.

32

Харун назначал содержание хорошим шахматистам, во дворце устраивались турниры, шло составление шахматных трактатов. Эта игра индийского происхождения получила признание в Иране, откуда перешла к арабам. Триктрак, вероятно, также пришел из Индии. От игрока требовалось быть утонченным и честным человеком, иметь хорошую память, хорошее образование «и [быть] быстрым на ответ, когда ему задают вопрос» (Ахсан). История сохранила имена некоторых великих шахматистов той эпохи и дворцовых рабынь, достигших особых высот в этой игре. Правители обменивались дорогостоящими наборами шахматных фигур, вырезанных из горного хрусталя, драгоценных камней и пр.

Djahiz, Le Livre de la Couronne.

У них был общий отец Махди, у которого была наложница по имени Шикла (ср. стр. 29). Сестра Харуна и Ибрагима Улайя, на два года старше последнего, была дочерью другой рабыни.

35

Ортодоксальные мусульмане относились к музыке с неодобрением, считая, что она несовместима со строгим соблюдением религиозных норм.

36

По Масуди.

37

Согласно Книге царей, Харун никогда не пил прилюдно, и на его застольях с вином присутствовали только фавориты.

38

Ср. D. Sourdel, op. cit. О политической роли Бармакидов мы расскажем более подробно в следующей главе.

Относительно этих мессианских движений см. Приложение 1.

40

Хайзуран, мать Харуна, имела колоссальные владения в Багдаде и его окрестностях, которые называли «Хайзурания», а приносимые ими ежегодные доходы достигали 160 миллионов дирхемов. Она сама управляла своими землями с помощью секретаря Омара ибн Махрана.

41

Цит. по: G. Wiet, Histoire de la nation egyptienne.

То есть членами семьи Пророка.

В этом городе он также перестроил буддийский храм в мечеть. Тогда же он выступил с предложением развешивать в мечетях лампы. Впоследствии этот обычай распространился по всему мусульманскому миру.

44

Муса ал-Касим является одной из ключевых фигур в истории шиизма. Его отец Джафар Садик избрал своим наследником брата Мусы Исмаила. Но последний преждевременно умер, и некоторые его приверженцы сплотились вокруг его юного сына Мухаммеда ибн Исмаила. Исмаилиты разработали высокоинтеллектуальное философское учение. Некоторые шииты присоединились к VII имаму Мусе ал-Касиму. По их убеждению, его потомок Мухаммед, таинственно исчезнувший в 940 г., вошел в период «затмения», из которого выйдет, когда люди станут способными распознать этого «Совершенного человека».

Самым серьезным стало восстание азаракитов, разразившееся в Басре в 684 г. Оно перекинулось на Хорасан, Фарс, Фирман, и подавить его удалось только в 700 г., после кровопролитной борьбы. Другие восстания сковали многочисленные регулярные силы Омейядов, и ересь распространилась на Ирак, Сирию, а также Северную Африку, особенно Триполитанию.

Первые наемники, в основном, тюрки, начали появляться в личной гвардии Харуна.

47

В честь построившего его Селевка II Каллиника (256–226 гг. до н. э.).

48

Согласно поэту Мервану ибн Хафсану.

Еще и сегодня можно видеть один угол зала, включающий сталактиты. Это первое появление подобного украшения, которое впоследствии стало неотъемлемой частью сельджукского и османского искусства. Других остатков дворца в Раке не сохранилось, но своей общей планировкой он, безусловно, напоминает дворец в Самарре, где в 836 г. ал-Мутасим, один из сыновей Харуна, основал свою столицу. См. Приложение 2: Самарра.

Относительно охоты аббасидских халифов см. Приложение 3.

51

Игра в чауган, для которой полагалось надевать специальную одежду с золоченым кушаком и красными сапогами, заключалась в том, чтобы как можно выше подбросить мяч, обычно кожаный, который один из игроков отбивал концом трости, а затем другой вновь подбрасывал его, и так до тех пор, пока мяч не оказывался в пространстве, ограниченным двумя палками, защищаемом четырьмя всадниками от каждой команды. Изогнутый конец деревянной трости был очень похож на современную клюшку.

52

Рибаты сооружали в основном вдоль морских границ, чтобы отражать нападения, особенно со стороны христиан, и вести священную войну. Охранявшие их люди были своего рода монахами-воинами, посвятившими себя войне и молитве. В результате берега Ифрикии ощетинились множеством крепостей с бастионами и башнями. Ибн Халдун оценивает их количество в 10 000! Это большое преувеличение. Обычно рибаты состояли из простой стены с башнями по флангам, внутри которой находился двор в обрамлении крытых галерей, а посередине — зал для молитв, зал для омовения, а на первом и цокольном этаже — кельи. Одна из башен, расположенных по углам крепостной стены, служила для передачи сигналов с помощью огня. Такие башни до сих пор существуют в Монастире, Суссе и Сфаксе.

53

Западная часть Ифрикии.

То есть современного Туниса и западной части Алжира.

55

По тому же плану, что и дворец в Ракке.

56

«У нас нет ни одной служанки, которая не знает знаков Зодиака», сказал один из Рустамидов (Цит. по G. Marcais).

Есть мнение, что они примкнули к течению мутазилитов, но это маловероятно. Ересь мутазилизма строилась на пяти принципах: Коран не единосущен Богу, а был создан Им для передачи людям; человек обладает свободой воли; адские муки вечны для тех, кто на них осужден; мусульманин, повинный в тяжком грехе, отправляется в ад, если не покается; цель правительства состоит в том, чтобы содействовать благу и препятствовать злу, что подразумевает допустимость восстания против всякого несправедливого имама.

Однако в некоторых областях мусульманской Испании аббасидское влияние продолжало оставаться очень сильным. Кордова и Севилья подражали всем багдадским веяниям. Мусульмане и христиане Иберийского полуострова соперничали в роскоши с аббасидским обществом. Прибытие в Кордову в начале IX в. знаменитого багдадского певца Зирьяба усилило эту «восточную ориентацию». Зирьяб очень быстро завоевал широкое признание в качестве музыканта и арбитра изящества. Он научил жителей и жительниц Кордовы одеваться в соответствии со временем года и пользоваться зубной пастой, привил им вкус к парикмахерскому искусству и макияжу, и пр. Под руководством этого бывшего раба халифа Махди изменился стиль в меблировке, а искусство приготовления пищи и застолья приобрело большую изысканность.

59

По Масуди.

Там же.

61

Там же.

62

В счетных книгах Харуна обнаружен расход на 10 кират нефти и пакли для сожжения тела Джафара.

63

Однажды, вскоре после смерти Яхьи, Харун призвал к себе Дананир и попросил ее спеть. Бармакиды, сказал он, обманули доверие своего господина и заслужили страшной кары. Она должна их забыть. Дананир ответила, что она всем обязана Бармакидам, даже честью стоять пред халифом, и что после их смерти она уже не может петь, поскольку слезы сжимают ей горло. Харун вызвал Масрура и приказал ему всячески мучить Дананир, пока она не запоет. Наконец, заливаясь горькими слезами, она решилась: «О обитель Салмы! Ты далеко от нас, но твой образ навсегда запечатлен в моем сердце. Когда я увидела, как дома обращаются в руины, я убедилась, что счастливые времена никогда не вернутся». Растроганный Харун отпустил Дананир и больше ее не мучил.

Цит. по: Quatremere, Journal asiatique.

Le Livre de la Couronne.

Табари, Масуди и другие историки, рассказчики «Тысячи и одной ночи» и почти наши современники: G. Zaidan (Al Abbassa ou La soeur du calife), а главное, C. Hermary-Vielle. Le Grand Vizir de la nuit (Paris, 1981).

По Табари, op. cit.

Цит. по: Yezdi, Tarikh.

Prolegonenes. Op. cit.

70

Однажды во дворец прибыл красивый, «красноречивый и образованный» араб по имени Зарара ибн Мухаммед ал-Араби, представленный хаджибом заклятым врагом Бармакидов Фадлом ал-Раби. Он быстро вошел в узкий круг друзей халифа, и у Джафара появился опасный соперник. Из-за него однажды Зарару приняли за мертвого, но тот поднялся из могилы, где до этого момента прятался. «Но ты же умер! — вскричал Харун. — Да, я был мертвым, но Аллах позволил мне воскреснуть, чтобы рассказать эмиру правоверных, какому ужасному обращению я подвергся». Харун стал относиться к Зарару с еще большим дружелюбием, а молодой человек сделался ярым противником Джафара (Yezdi, цит. по: Bouvat).

В действительности Бармакиды имели буддийские корни и никогда не исповедовали эту древнеперсидскую религию.

Согласно Масуди, земельные владения Бармекидов были разбросаны по всей империи. Халид и Яхья владели целым кварталом Багдада, где они сдавали внаем дома и лавки. Яхья приказал выстроить другой дворец под скромным названием Касрат Тин (Глиняный дворец). Был у него и еще один дворец прямо напротив Хулда, халифского дворца. Дворец Джафара, подаренный им Мамуну, располагался на том же берегу ниже по течению. Существовали также базары Яхьи и Джафара, «канал Фадла», «рынок Халида». В провинциях у них имелись сельскохозяйственные угодья, приносившие им немалый доход. В Басре им принадлежал замок Джейхан, а недалеко от Балха — крупная деревня Равен. В Балхе были ворота Яхьи, а в Бухаре — ворота Фадла, т. д.

73

В «Тысяче и одной ночи» всемогущество Бармакидов также нашло отражение: «Только и разговору было, что о славе дома Бармакидов. Лишь через них, прямо или косвенно, можно было добиться милостей; члены их семьи наполняли собой багдадский двор, армию, судебное ведомство и самые высокие должности в провинциях… толпы льстецов и попрошаек теснились на подступах к их дворцу больше, чем у жилища халифа.

В частности, после того, как в 763 г. провалилось восстание Ала ибн Мугхита против Кордовского эмира, поддержанное Аббасидами.

75

F W Buckler.

K. F. Werner, Les Origines.

77

Согласно Васильеву, халиф обладал монополией на владение слонами. Их доставляли из Индии.

Мы не знаем, при каких обстоятельствах. Можно предположить, что причиной была болезнь, так как, если бы они были убиты, в хрониках нашлось бы упоминание об этом.

79

По Анналам королевства франков.

80

По A. Kleinclausz.

81

Этот рассказ, разумеется, целиком и полностью выдуман добрым монахом, который писал примерно пятьдесят лет спустя и чья книга «Gesta Caroli Magni» представляет собой пространную хвалу Карлу Великому.

82

Королевские анналы уточняют, что речь идет о клепсидре и что каждый час, со звоном колокольчика, она выпускала в чашу маленькие цветные шарики. В полдень из двенадцати окошек появлялись двенадцать всадников.

83

См. Приложение 5.

84

Аркульф I, 3 (Цит. по: Kleinclausz, Syria). Епископ Аркульф (624–704) совершил путешествие на Святую землю и оставил ее подробное описание.

85

В 810 г. Карл Великий организовал сбор пожертвований на восстановление иерусалимских церквей, разоренных во время междоусобной войны.

Однако в 831 г. Мамун направил двух послов, мусульманина и христианина, к Людовику Благочестивому, сыну и наследнику Карла Великого. Их цель, вероятно, заключалась в том, чтобы выяснить намерения франкского короля в момент, когда халиф собирался начать очередную войну с Византией.

87

Подданный немусульманского вероисповедания, принадлежащий к «религии Писания» и обязанный платить джизью.

B. Lewis, Les Arabes dans l'Histoire.

89

В 1453 г. тяжелая артиллерия Мехмеда II сломила оборону города, открыв бреши в городской стене.

90

Использование горючих жидкостей или смесей восходит к временам античности. Об этом упоминают Геродот, Фукидид и Тит Ливий. Аммиан Марцеллин говорит о стрелах с использованием горючих материалов. В составе таких «масел» участвовали смола, канифоль, негашеная известь, воск, сера и селитра. Персы пропитывали ими паклю, которую привязывали к своим стрелам. Особенный ужас внушало использование сырой нефти, поскольку для ее пламени не существовало преград. Арабы также применяли горючие жидкости, особенно во время похода в Индию в 779 г., и осады Гераклеи Харуном ар-Рашидом в 806 г. Название греческого огня происходит от имени грека Каллиника, принесшего это оружие из Сирии в Византию.

Согласно этой концепции территориальной обороны, которая восходила к 625 г., но применялась очень медленно, вся территория была разделена на военные округа, в каждом их которых производилась мобилизация местных жителей. Стратиг, получавший в подчинение все военные и гражданские власти, становился чуть ли не единоличным главой провинции. Семьи и земельные владения должны были обеспечивать военных продовольствием. В случае боевой тревоги мужчины являлись на сбор с оружием и верхом на коне, а самые бедные крестьяне приобретали экипировку за счет деревни. Эта система позволяла очень быстро обеспечить государство готовыми к бою войсками. Та же самая реформа была применена и к морским силам.

Эта ограниченная концепция не замедлила претерпеть развитие, и юристам удалось примирить закон и необходимость, изобретя промежуточное состояние перемирия, позволявшее также и иноверцам посещать мусульманские земли в интересах торговли. Относительно торговли, см. главу VIII, стр. 282–290.

В действительности ее, в основном, осуществляли евреи

Grunebaum, Medieval Islam.

95

По преданию, семь юных отроков, укрывшихся в пещере недалеко от Эфеса, чтобы избежать гонений Деция в III в., были заживо в ней замурованы. Они заснули, чтобы проснуться через двести лет. По смерти они были похоронены на том же месте, а пещера стала местом паломничества, известным на всем Ближнем Востоке.

96

Согласно эпистолярному протоколу Книги церемоний, имя халифа в обращении предшествовало имени императора, в то время как в переписке с западными королями имена следовали в обратном порядке.

97

Это река с истоком в горах Антитавра впадает в залив Искендерон.

Муавия в 655, 668 и 674 гг., Сулейман ибн Абд ал-Малик в 715 г.

По Brehier.

100

По Феофану.

101

Этот город, построенный в 799 г., существует и сегодня.

Внутренние города — Анкира, Кесария, Дорилея, Никея и др., — находившиеся под защитой своих крепостных стен, почти неизменно разрастались и набирали вес вплоть до османской эпохи, в то время как Приен, если ограничиться единственным примером, просто исчез.

Его результаты стали видны в 806 г., когда арабы совершили мощный морской рейд на Кипр.

104

В 805 г. кайруанские Аглабиды совершили рейд на Пелопоннес и оказали помощь славянам, штурмовавшим Патры.

105

Пешие воины получали относительно высокое жалованье (вдвое или втрое больше, чем багдадский рабочий), а всадники в три раза больше. Ср. C. Cahen.

1 фарсанг = примерно 6 километров.

107

Понятие о поддержании зданий долгое время оставалось чуждым для Востока.

Цит. по: Mez, The Renaissance of Islam.

109

Попытка осушить болота на юге Ирака, предпринятая во второй половине IX в. силами рабов, вывезенных из Восточной Африки, закончилась восстанием племени зинджей, которое какое-то время сотрясало империю, и подобных экспериментов больше не повторяли…

110

«И дети Израиля увели в рабство женщин мидян и их детей»

Мухаммед также советовал правоверному дать своим рабам свободу (Коран, XXIV, 33). Он зашел дальше Ветхого Завета, который предусматривает лишь освобождение израильтян, оказавшихся в рабстве из-за долгов.

112

Кастрация было строго запрещена исламом, и всех евнухов покупали уже кастрированными.

113

«Он покупал их повсюду, где мог их найти, и они днем и ночью окружали его во время пиров и попоек, и даже в часы работы. Он не желал видеть никаких женщин, будь они свободными или рабынями. Он называл белокожих евнухов кузнечиками, а черных — воронами» (Табари, III).

Nishwar al-Muhadara, The Table-talk of a Mesopotamian Judge, London, 1921.

В странах Персидского залива эта система используется и сегодня.

116

В начале хиджры истории кусассов чаще всего имели целью призвать правоверных к большему благочестию. На поле боя они подогревали мужество воинов, расписывая им наслаждения иного мира. Власти поощряли этих народных теологов.

117

Он дал свое имя блюду Ибрагимийе.

118

См. Приложение 5.

119

Цит. по: Mez, op. cit.

По мнению одних, этот обычай служил для отгнания зла, другие полагают, что с его помощью изгоняли испорченный воздух и даже очищали тело от зимних испарений.

Andre Miquel, L’lslam et sa civilisation.

122

Книга земельного налога (конец VIII в.), составленная Абу Юсуфом, дает правительству советы по поводу восстановления и использования земель. «Если скажут халифу, что есть участок земли, которую можно обрабатывать, подведя к ней воду, и это сообщение подтвердится, ты отдашь приказ прорыть каналы, оплатив расходы из казны, а не за счет местных жителей. На самом деле лучше, чтобы их состояние было процветающим, а не нищенским, и чтобы они обогащались, а не разорялись или лишались средств к существованию» (Цит. по: Sourdel, Le Vizirat abbasside).

123

Колесо вышло из употребления из-за технического несовершенства упряжи и дороговизны транспортировки на повозке. Для возвращения в обиход колесных транспортных средств пришлось дождаться появления турок в XII в.

Maurice Lombard.

125

Куфическое письмо является наклонным. Сначала оно было очень простым, но за века украсилось стилизованными листьями и цветами.

Некоторые ткани делали непромокаемыми либо за счет очень плотного переплетения, либо покрывая их тонкой пленкой воска

127

По M. Lombard, op. cit.

128

Это слово персидского происхождения первоначально обозначало лицемера (а не жителя бассейна Роны), но стало применяться к торговцам, причем не обязательно евреям.

129

Китайские корабли нечасто заходили в воды Индийского океана. У Китая культурные центры находились на севере, и императорское правительство практически не прилагало усилий для развития южных портов. Лишь в XI и XII вв., после воцарения династии Сун, правительство начало способствовать развитию данного региона и дальним торговым экспедициям.

Тем не менее арабы и персы обладали колоссальным преимуществом: треугольным «латинским» парусом, позволявшим двигаться против ветра. Страны Средиземноморья, а затем Северной Европы позаимствовали его только в XV в. Несмотря на то что именно арабы доставили в Европу изобретенный в Китае компас, сами они начали пользоваться им только в середине XI в.

131

Вырабатываемый железами одной из разновидностей лани. Самый лучший поставлялся из Тибета.

При Харуне тюркские рабы были немногочисленными.

133

Ибн ал-Адим, цит. по: J. Vernet.

Относительно этого спора, ср. J. Vernet, op. cit.

135

Несторианство, возникшее в начале V в., приписывало Христу наличие двух лиц: человеческого, матерью которого стала Мария, и божественного, собственно Слова Божьего. В 431 г., после долгих споров, особенно между Кириллом, епископом Александрии, который отстаивал ортодоксальное учение, и Несторием, епископом Константинополя и главным проповедником новой доктрины, был созван собор в Эфесе, осудивший несторианство. Однако оно быстро нашло многочисленных сторонников и распространилось в Иране, на Аравийском полуострове, в Индии и даже Китае, образовав не менее 200 диоцезов. Численность и влияние несториан резко сократились после нашествие Тамерлана в XIV–XV вв., а затем национально-освободительной борьбы на Среднем Востоке в XIX в.

136

Мансур попросил византийского императора прислать труды математиков, в частности, Евклида. Халифскую библиотеку обогатило и разграбление захваченных городов — Аморий и Анкиры. Несколько раз арабы требовали у византийцев книги в качестве репараций.

137

По преданию, Мамун осознал значение наследия эллинизма во сне, в котором ему явился Аристотель и дал ответ на его вопросы: «Что есть красота?» — «То, что прекрасно для разума». — «И что же это?» — «То, что прекрасно для Закона». — «И что же это?» — «То, что принято большинством». — «Скажи мне еще что-нибудь». — «Тот, кто наставляет тебя о золоте, станет для тебя как золото. Держись единобожия» (Ибн ал-Надим, цит. по: J. Vernet).

Цит. по: Abdul Salam.

139

Цит. по: Charles Pellat.

140

См. также Ночь 378 и 379.

141

См. Приложение 2

Это движение объединило людей разного происхождения — чернокожих, арабов, персов, евреев и христиан. По самому общепринятому мнению, восстание вспыхнуло по причине нечеловеческих условий, в которых находились чернокожие, работавшие на плантациях сахарного тростника. Однако Шабан (Shaban, Islamic History, II) полагает, что это выступление, поддержанное купцами, имело целью контроль над торговыми путями Северной Африки.

143

Движение карматов, названное так по имени своего основателя Хам-дана Кармата, представляло собой ответвление семиричного исмаилитства. Это движение, имевшее социальную направленность, отличалось ярко-выраженной мессианской окраской.